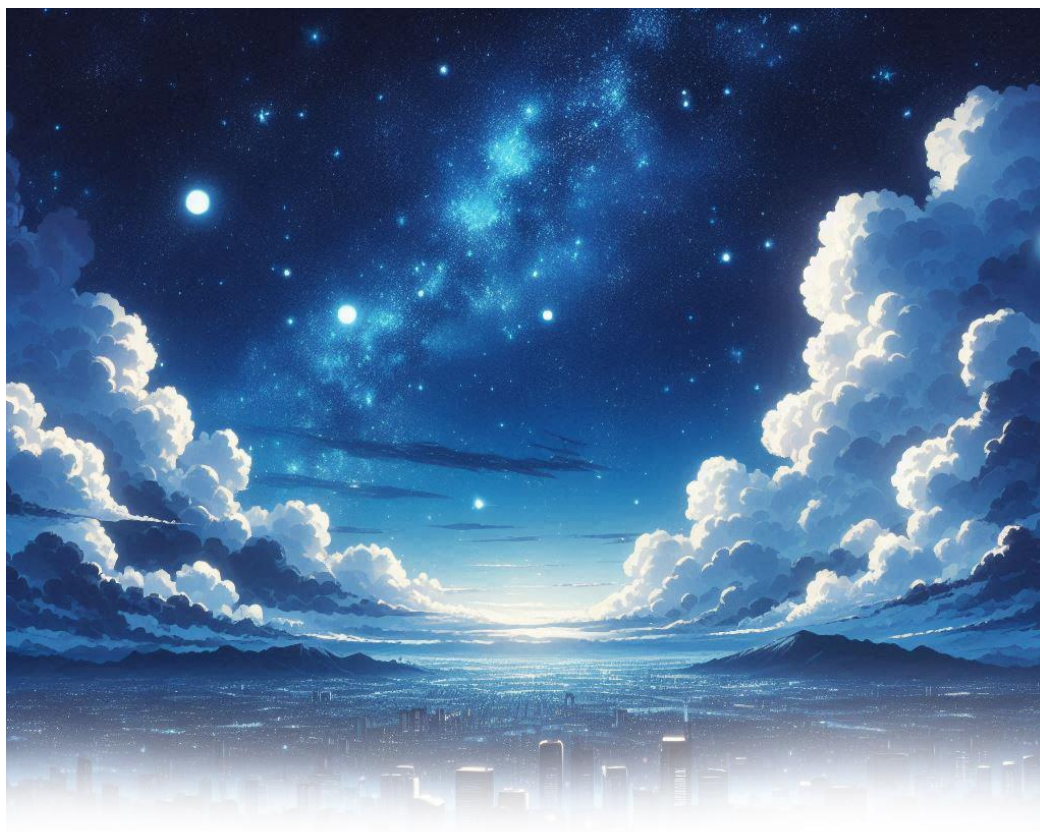

*Описание современной эпохи в воспоминаниях
современников*

Автор-составитель: Клин Шкворня

Описание современной эпохи в воспоминаниях современников

неофициальная хрестоматия

версия 0.01

Введение.....	4
Сергей Мавроди, авантюрист («Вся правда о „МММ“ — история первой пирамиды»)	7
Алексей Навальный, политик («Патриот»)	8
Роман Серуканов, юрист ФБК («Привет, это Навальный»)	26
Максим Марцинкевич «Тесак» , политик («Деструкт», «Реструкт»).....	42
Роман Билык «Рома Зверь», музыкант («Дожди пистолеты», «Солнце за нас»)	101
Алексей Шерстобитов, «Леша Солдат», киллер («Ликвидатор-1»).....	126
Амиран Сардаров «Дневник хача», блогер («Жизнь с головой. Конец иллюзий»)	139
Михаил Сидоров, скорая помощь («Записки на кардиограммах»)	163
Олег Дивов, Макс Рублев, машинист метро («Не прислоняться»).....	174
Олег Нечипоренко «Кизару», рэпер («Богемский рэп, сода и я»).....	193
Вячеслав Мальцев, политик (статья «Никитушка! Ну где же бульдозеры?»).....	203
Алексей Решетун , судмедэксперт («Между жизнями»).....	207
Заключение.....	208

Введение.

Известный в ютубе литературовед Евгений Жаринов заявил в одном видео, что современная эпоха не описана в литературе. Интересное утверждение и хорошая творческая задача для мыслителей, всех наблюдательных чутких рефлексизирующих людей.

Людей, неудобных для полной деградации и оскотинивания человечества, всегда уничтожаемых самыми разными политическими режимами. Их старательно истребляют каждое поколение широким набором методов, но они всегда нарождаются вновь и меняют мир вокруг себя, – Жан Батист Ламарк должен быть доволен, его идея о детерминированном развитии от простого к сложному в эволюции вспоминается в этом контексте с особой теплотой.

Только сложная чуткая нервная система способна описать наше время. Но нужна ли для этого художественная литература? Однозначно нет, жизнь человека и общества гораздо интереснее любой писанины о своих чувствах и монетизации сублимации убогих животных комплексов. На данный момент уже накоплен достаточный корпус текстов о нашем времени, и никто не взял на себя роль систематизации и ответа на вопрос: что это такое, наше время? Что это было и зачем? Данная работа делает шаг в этом направлении и дает ответ на эти вопросы.

Собрание нижеприведенных текстов основано в следующих границах:

-Важно собрать интересные личные наблюдения современников и их взгляд на время, важно соблюсти равновесие между сугубо личными мыслями и бытовыми описаниями с одной стороны, и реальными символами нашего времени с другой. Личное может быть эпохальным и репрезентативным, но необходимо отобрать наиболее реалистичное личное в массиве разных текстов.

-Задача творческая и интересная, это настоящий вызов.

- Авторы должны быть максимально разными людьми.

-Это не академическое издание, не хрестоматия по истории, не фундаментальный труд (от чтения оных страдают поколения наивных граждан), это гораздо более крутая и объемная работа: вне рамок, она должна быть живой и откровенной. Она должна дискутировать с читателем и оставлять чувственный след.

-Ряд книг современников был в отказе, например: «Позывной Кобра» Еркебека Абдулаева, «Миллион первый» Аллы Дудаевой, «Записки Президента» Бориса Ельцина, «Украденная Евразия» Юрия Болдырева, «Ранетки: счастливый билет в ад» Евгении Огурцовой, «Мой театр» Николая Цискаридзе, книги спортсменов Андрея Кочергина и Николая Валугева (да, он написал книгу в соавторстве), уфолога Вадима Черноброва, и многих других замечательных авторов. Они выходят за рамки данной работы, в лучшем случае их анализ возможен в последующих изданиях данного исследования (как и многих других текстов). Эти книги либо слишком личные, либо очень узкоспециализированные, либо откровенно пропагандистские: они тоже отражают время, но по касательной и не в полной мере, это памятники нашей эпохе, но не настолько объемные и бескомпромиссные.

Есть еще один момент: чувство завершения постсоветской эпохи (1991-2022) и начало нового цикла истории через цикл разрушения на постсоветском пространстве. По-видимому, эта книга поводит итоги уходящему времени. Для меня нет никаких 90х, нулевых и десятых, это все эпоха диктатуры и деградации, один режим и одно время. Не надо отвлекаться на частости и верить лживой пропаганде: с начала Перестройки ничего нового и особенного не произошло, просто развалилось то что было в угоду кучке комсомольцев-кгебешников-членов КПСС-вырожденцев и клептократов. Но с 2022 года начался новый исторический этап, можно подвести итог постсоветского людоедского эксперимента над собой.

Я надеюсь, что внимательный читатель увидит нечто большее в этих отрывках наших современников, но об этом в заключении.

Сергей Мавроди, авантюрист («Вся правда о „МММ“ — история первой пирамиды»)

Бросьте акулам кусок мяса, и пусть они между собой за него дерутся! У нас же акулами назначили треску.

Дело зашло слишком далеко. Процессы гниения, которые идут сейчас в нашем обществе, не остановятся вдруг. В зависимости от температуры они могут идти, конечно, быстрее или медленнее, но сами собой не прекратятся. Одними примочками и компрессами тут не обойтись. Необходимо каленое железо.

Сейчас общественный организм поражен облепившими его паразитами-олигархами и же с ними. Которые высасывают из него все соки. Вшами. Есть такое выражение «вшивое состояние». Это когда паразитов уже слишком много, и они начинают буквально отравлять организм впрыскиваемыми при укусах токсинами.

Вот у нашего общества состояние сейчас именно такое, вшивое. Причем против вшей, как известно, даже кипячение не помогает. Взрослые насекомые гибнут, но личинки, гниды, выживают. Необходима прожарка.

Уберите сегодня того же Ходорковского- завтра же на его месте появится новый, маленький Ходорковский, точная копия нынешнего. Какой-нибудь его пятый зам, маленькая гнида, который только и ждет своего часа, чтобы вылупиться.

Ведь все вокруг прежнее. Люди-те же, связи-те же. Так откуда же взяться новому? Из гнид рождаются только вши

«...Мы так и живём до сих пор в рабовладельческом обществе. Как и тысячи лет назад. Ничего с тех пор по сути не изменилось. Разве что узлы теперь экономические. Вот и вся разница. А в остальном—то же самое всё. Есть рабы, есть Хозяева. Хозяева это те, кто печатает деньги. Удивлены? :-))

Далее. Что такое деньги? Да ничего! Nihil. Фантом. Пустота! Просто фантики, разноцветные, красиво оформленные бумажки со всякими там водяными знаками, гербами и картинками.(Обычно портретами великих людей. Так солидней. :-))Они абсолютно ничем не обеспечены и печатаются Хозяевами в любых количествах и по своему усмотрению.

Эти фантики Хозяева раздают рабам потом как «плату за труд». И ещё отечески поучают их при этом с серьёзным и значительным видом, что «деньги-де надо зарабатывать—честно». А рабы—послушно внимают. Зомбированные с пелёнок разного рода правильными учебниками, книжками, фильмами, средствами массовой информации, вообще всей этой гигантской, отлаженной и

безжалостно-эффективной государственной машиной для промывания мозгов. Ничего другого рабы не знают, и им кажется, что так устроен мир и иначе и быть не может. Но иначе быть—может!!

Не верите? Тогда назовите мне хоть одну мировую валюту, пирамидой не являющуюся. Хоть одну-единственную! Евро?.. фунт?.. юань?.. А?.. Швейцарский франк, может быть?.. Что?! Те же российские власти охотно ругают по следнее время доллар, но скромно умалчивают при этом, что и рубль—такая же в точности пирамида. Ничем не лучше. (Да хуже даже! На порядок. Базирующаяся на долларе. Пирамида на пирамиде. :-)

Да, пирамиды производят деньги. А это позволено только—Хозяевам. Это их святая и неотъемлемая прерогатива и их непреложная монополия. Право на производство денег и делает их—Хозяевами.

Алексей Навальный, политик («Патриот»)

Сейчас очень любят рассуждать, как ошибочны были Беловежские соглашения. О них публично горюет Владимир Путин. С напором и страстью он утверждает, что это было «крупнейшей геополитической катастрофой». Мне тогда так не казалось (я не претендую на объективную истину, а просто рассказываю о своих ощущениях). Это было какой-то рядовой новостью в телевизоре. Ну хорошо, её обсуждали немного больше остальных, но никакого ощущения значимости момента не было. Собравшиеся в лесу совершили хитрую и, скажем честно, довольно лживую и лицемерную юридическую манипуляцию, но в целом просто констатировали очевидное: никакого СССР как реальной страны к тому моменту уже не существовало.

Несомненно, я был одним из тех счастливичков, для которых СССР развалился без потрясений. Если бы мой отец служил в те годы не в Подмосковье, а в Баку, Нагорном Карабахе, Абхазии или одной из Балтийских республик, всё это выглядело бы совсем иначе. Все копившиеся годами противостояния вспыхнули, вылившись в конфликты и даже войну. Вдруг выяснилось, что армяне и азербайджанцы ненавидят друг друга настолько, что вот уже воюют, грузины и абхазы — не милые соседи, сидящие за одним столом, а люди, выгоняющие друг друга из домов. Обо всём этом постоянно писали, детально объясняя глубокие причины происходящего. Впрочем, каждая страна объясняла их по-своему. Но из Москвы всё это вместе казалось какой-то дичью: вот сумасшедшие, что они вдруг воевать начали? Столько лет жили рядом «дружной многонациональной семьёй советских народов», а тут натурально режут друг друга из-за какой-то ерунды. Безусловно, это было совершенно эгоистичное и даже невежественное рассуждение человека, которому просто повезло оказаться там, где нет ни войны, ни национального конфликта, а только столичная погоня за деньгами. Невозможно было поставить себя на место армян или азербайджанцев, да и не хотелось совсем.

По таким же эгоистическим соображениям единственной межнациональной проблемой, интересовавшей меня, была проблема русских. Они внезапно стали крупнейшим разделённым народом Европы. Мне довольно легко было провести мысленный эксперимент: вот моего отца отправляют служить в 14-ю армию, расквартированную на территории Молдавии, и я внезапно становлюсь частью русскоязычного меньшинства. Я как минимум точно был бы недоволен внезапной переменой и тем, что я стал «меньшинством».

А вот это отличный вопрос. До сих пор огромное количество людей убеждено, что Ельцин выступил с резкой критикой партийных боссов, опубликовал некие доклады, за что его репрессировали и он, бедолага, чуть ли не на нелегальное положение перешёл. В реальности ничего этого не было. Ни докладов, ни особой критики, ни тем более опалы. Сначала советские партийные боссы в рамках своих интриг назначили его главой Московского обкома КПСС, то есть мэром Москвы, а потом, когда начали с ним конфликтовать, пересадили его

в кресло главы Госстроя. То есть министра строительства. Да уж, опала так опала! Даже на чёрную «Волгу» классом ниже пересаживаться не пришлось. И всё окружение у него было соответствующее — лживая советская номенклатура. И семья такая же, с такими же ценностями, вернее — с их полным отсутствием и одной только тягой к личной роскоши и деньгам. Это будет иметь ключевое значение, когда семья трансформируется в «Семью».

Никаких реальных идеологических мотивов у Ельцина, увы, не было, только жажда власти. Это был, бесспорно, человек крайне талантливый. Настоящий интуитивный политик, чувствовавший настроения людей и знавший, как их использовать. Человек, готовый время от времени действовать решительно и смело — но всегда для себя и своей власти, а не для людей и не ради интересов страны.

Пишу эту неожиданно страстную отповедь Ельцину, который, увы, ответить уже не может, и понимаю, почему мне это так важно. Во-первых, я сожалею о том, что был слепым фанатом Ельцина и принадлежал к той части общества, которая своей готовностью поддерживать его во всём открыла дорогу тому беззаконию, что творится сейчас. Можете надо мной смеяться, но мне это важно.

Во-вторых, мало что меня так злит, как популярное сравнение меня с Ельциным. Такие параллели любят проводить в Кремле, и лидер российских коммунистов, который, несмотря на то что я уже много лет помогаю его партии в борьбе за выживание, должен критиковать меня по должности, любые заявления обо мне начинает с фразы: «Навальный — это молодой Ельцин».

Это прямо, как говорится, ранит меня в самое сердце. Я понимаю, что для того и сравнивают, чтобы позлить, но это кто-то очень грамотно придумал. Действительно злит.

Говорят, что от любви до ненависти один шаг. Я шагов сделал гораздо больше, но любовь совершенно точно была.

В начале и в середине девяностых я был не просто сторонником Ельцина, а из таких, что, не раздумывая, поддержат лидера во всех его начинаниях. Интересно, что в моём случае дело было не в том, что мне так уж нравился сам Ельцин или члены его команды. Я просто терпеть не мог альтернативу. Чёрно-белый политический мир, существовавший тогда, определил: либо ты с Ельциным, за движение вперёд — с ошибками, трудностями, непопулярными решениями. Либо за этих трухлявых безмозглых пней из СССР, у которых вообще нет никакой повестки, кроме: «Возвращаемся назад, там было хорошо».

Я гордо отстаивал право Ельцина, его правительства и администрации расстрелять парламент из танков. Ну конечно, расстрелять, а как иначе-то? Они же против реформ, они идиоты, что с ними разговаривать. Мы, образованные люди, знаем, как надо делать. Вон вся московская интеллигенция за нас и против них. Это какие-то бомжи собрались там, они просто не в состоянии даже понять, как правильно всё то, что делает команда Ельцина, Гайдара и Чубайса. Пусть расходятся по домам в смиренном послушании. А если нет, то они заслужили этот снаряд из танка.

Выбрали на честных выборах? Представляют избирателей? Да плевать и на эти выборы, и на эту Конституцию, и особенно на этих избирателей. Это самое тупое быдло. Неудачники. Они не нашли себя в новом мире реформ и возможностей — это полбеда. Но они ещё и остальным не дают богатеть и развиваться! Собаки на сене: сам не ем и другому не дам.

Я смотрю на несколько листов распечатанного текста. Специально приберёг их, зная, что у меня в плане есть пункт «сложное отношение к Ельцину». Для создания настроения, так сказать.

Это вышедшее в 2021 году расследование (не наше, к сожалению) о шикарной вилле семьи Ельцина — его дочери и зятя — на острове Сен-Барт, или «острове миллионеров», как его называют из-за концентрации суперэлитной недвижимости богачей и звёзд. Там отдыхают семья Кардашьян и Абрамович. И вот выяснилось, что и семье первого президента России — борца с привилегиями, демонстративно ездившего на трамвае, — тоже принадлежит там дом за пятнадцать миллионов евро.

Работает! Смотрю и чувствую ту ненависть, к которой я всё же дошагал от своей любви.

Ненавидеть мёртвого человека глупо, и обязательно всплывает в голове поговорка: «Мёртвого льва может пнуть даже осёл». Мне она, кстати, всегда казалась странной. Что ж теперь, и Гитлера мёртвого нельзя пинать со Сталиным, и Пол Пота с Мао? Я же не виноват, что Ельцин умер до того, как я стал достаточно замечен, чтобы он слышал мои слова.

Наверное, это всё же не ненависть, которой можно ненавидеть живого, а какой-то хитрый микс нелюбви, тоски и сожаления. Сожаления о грандиозном упущенном шансе моей страны и моего народа на нормальную цивилизованную европейскую жизнь, которую мы заслужили. Надежды, чаяния, доверие, в том числе слепое доверие таких наивных и бестолковых людей, как я в молодости, были преданы и цинично проданы. Обменяны на какие-то жалкие коррупционные приработки и схемки ельцинской семьи. На гарантии безопасности для них. Первый указ Путина был о материальном обеспечении и гарантиях неприкосновенности «семьи первого президента России». Это то, во что выродились великие исторические события середины восьмидесятых — начала девяностых.

Путин свои обещания выполнил. Семья Ельцина живёт в комфорте и безопасности. Ведёт какой-то свой небольшой, по нынешним масштабам, бизнес — судя по газетным публикациям, часть своих коррупционных доходов вложила в недвижимость.

Зять Ельцина, Валентин Юмашев, долгие годы работал официальным советником Путина. Смешно, что при этом он так же вполне официально находится на содержании сразу у нескольких олигархов одновременно. Вообще-то это очень похоже на коррупцию и взятку. Но никто не обращает внимания. Во-первых, неприкосновенность. А во-вторых, серьёзно? Платежи от олигархов? Да это самое невинное, что они делали.

И вот я смотрю на этот дом на Сен-Барте, и так мне горько оттого, что вот на это обменяли свободу граждан России. Так что прекратите в качестве примера несправедливой сделки приводить коренных американцев, продавших Манхэттен за двадцать четыре доллара: как вам всенародный президент, победивший на первых своих выборах (честно!) с результатом пятьдесят семь процентов и обменявший всё на дом с террасой где-то на Карибских островах?

Трезвый и объективный взгляд на ельцинское время открывает нам очень грустный, неприятный, но объясняющий приход к власти Путина факт: у власти в постсоветской России никогда не было никаких демократов и уж тем более либералов, которые выступали за свободу и противостояли консерваторам, мечтающим о возрождении СССР. За редчайшими исключениями вроде Гайдара и Немцова, которые оказались людьми лично не коррумпированными и нашли в себе силы либо устраниваться (Гайдар), либо противостоять реинкарнации авторитаризма (Немцов), все они были сборищем отвратительных, лживых, лицемерных мерзавцев и воров. Партийными функционерами и комсомольцами, на время подхватившими демократическую риторику, чтобы в рамках политического противостояния того времени оказаться на стороне Кремля. Власти. Только это и было им важно: всегда занимать сторону тех, кто контролирует силовой аппарат, а главное, возможности обогащения.

Ведь все эти люди всегда воспринимали и воспринимают власть как ренту, феодальный надел, выданный на кормление. Власть = деньги. Власть = возможности. Власть = комфортная жизнь для тебя и твоей семьи. А всё, что ты делаешь во власти, направлено исключительно на её удержание. Именно поэтому в СССР все эти деятели были лояльными членами КПСС и ни в малейшем инакомыслии замечены не были (все, включая Ельцина, который, несмотря на созданный вокруг него миф, руководящего чиновничьего кресла не покидал ни на секунду). Потом в этих же кабинетах они отдрейфовали в идеологическую нишу «демократов-капиталистов» и были приятно ошеломлены, поняв, как много можно получить в личную собственность в этой новой экономической формации. А потом, осознав, что все эти «выборы», «свобода слова» и дурацкие «права человека» — совсем даже не обязательное приложение к их швейцарским банковским счетам и не «неизбежное зло», они поплыли в сторону «патриотических консерваторов, сожалеющих о развале великого СССР». Совершенно органично. Никакого стресса. Сильно ошибаются те, кто думает, будто Анатолий Чубайс каждый вечер напивается от горя и унижения, — ведь в 1996 году он примерно миллион раз страстно сказал на пресс-конференциях о неэффективности государственной собственности. А уже спустя десять лет ещё более страстно доказывал преимущество государственных корпораций — этой волшебной системы, позволяющей руководителю быть одновременно и чиновником, получающим государственные деньги, и гендиректором с огромной зарплатой, бонусами и частными самолётами. Такая система идеально подходит, например, для развития нанотехнологий. И как только мудрый Владимир Владимирович Путин выдаст ему несколько сотен миллиардов рублей, он, Чубайс, очень быстро покажет, что государство эффективнее частного.

Так вот: не нужно думать (как я когда-то), что Чубайс реальный и Чубайс условный страдают от собственного лицемерия и ежесекундной лжи. Органичное двоемыслие было важным качеством функционера советской системы. Те, кто был в нём особенно хорош, перешли в систему ельцинскую. Ну а настоящие профи составили систему путинскую. Они сменили несколько идеологических систем, не вылезая из служебного автомобиля с мигалкой. Ну профи же, правда.

Я не верю в карму. Не верю в предопределённость. Однако когда я пишу это, то думаю о насмешке судьбы: я испытываю чувство личной расплаты за то, что слепо поддерживал Ельцина в любых его беззакониях.

Не нравится тебе, что Путин тебя убить пытался химическим оружием? А когда Ельцин, выбравший и назначивший этого Путина, херачил из танков по парламенту, что ты говорил? Напоминаю: «Очень правильно, давно пора, никакой жалости к этим дремучим идиотам, засевшим в парламенте!»

Приватизационные залоговые аукционы, когда крупнейшие сырьевые предприятия были бесплатно розданы назначенным олигархам, — они ведь были не только циничны и аморальны по сути, но и абсолютно незаконны по форме. Тех, кто хотел на них пролезть и поучаствовать в борьбе за лучшие куски пирога, оставшегося от СССР, не пускали под такими же смехотворными предложениями, как те, под которыми сейчас отстраняют кандидатов на выборах. А когда они шли в суды, им улыбались там так же, как прокуроры на судах по твоим сфабрикованным делам.

Мне и моим товарищам не просто не дают участвовать в выборах — любая связь с нашей организацией или просто денежное пожертвование грозит проверками и даже уголовным преследованием. И это тоже сделали ровно они, те, чьё право расстреливать парламент, фальсифицировать выборы «ради реформ» и выкидывать из политики коммунистов и националистов «ради будущего» я так горячо отстаивал.

Кто-то (мне кажется, это была Юлия) однажды после очередного моего интервью, где я затронул тему своей личной ответственности за поддержку Ельцина, а следовательно, за приход Путина, сказал мне с раздражением: «Твоё странное покаяние за Ельцина выглядит даже не кокетливым мазохизмом, а просто тупостью. Ты школьником и студентом тогда был. Пятнадцать лет во время первых выборов Ельцина, двадцать лет во время вторых. Где ты — и где избрание Ельцина? Если тебе реально кажется, что в этом есть твоя вина, то поздравляю: у тебя мания величия».

Это логично. Тем не менее подобное публичное покаяние мне кажется очень важным с практической точки зрения. Мы не должны повторить эту ошибку. Путин не вечен, и мы не знаем, каким будет сценарий его добровольного, принудительного или естественного ухода. И из собственной истории мы знаем, как велик может быть соблазн закрыть глаза сначала на мелкие, а потом и крупные прегрешения того, кого мы считаем «нашим парнем». Кто выражает наши интересы, отстаивает нашу линию. И для того, например, «чтобы не дать прийти к власти популистам», немножко подкрутит, подшаманит, подмешает. Теликом

государственным попользуется. Ну а что? Правду же будет говорить и мочить того, кого надо мочить.

Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы это чувство «кармического воздаяния» как напоминание об ошибках и совет на будущее разделило со мной как можно больше людей, которые, как и я тогда, благосклонно смотрели на беззаконие, ложь и лицемерие конкретной команды людей ради правильной цели.

Ещё до своего изгнания из «Яблока» я начал параллельно заниматься несколькими общественными проектами, которые не были связаны напрямую с партийной деятельностью. Году в 2004-м я познакомился с Марией Гайдар, дочерью ельцинского реформатора Егора Гайдара, — она была членом СПС. Вместе с ней, а ещё с Натальей Морарь, Олегом Козыревым и другими молодыми, активными ребятами, которые интересовались политикой, мы организовали движение «ДА!» («Демократическая Альтернатива»). Мы часто встречались, много обсуждали политику, организовывали пикеты и митинги. Время от времени мы собирались у известной журналистки Евгении Альбац, где часто бывали и другие молодые политики, в том числе Илья Яшин.

Одним из проектов движения «ДА!» (неожиданно самым успешным) стали политические дебаты.

Главным отличием девяностых от советской России стала свобода слова и прессы, невиданная в стране, десятилетиями существовавшей под давлением тотальной цензуры. Политические телевизионные дебаты тогда были всеми любимым жанром. Всем нравилось смотреть, как политики спорят и ругаются, доходило чуть ли не до мордобоя. Один из символов девяностых — Владимир Жириновский, выплёскивающий на Бориса Немцова стакан сока во время телевизионных дебатов, и Немцов, плещущий соком в ответ.

Эта знаменитая сцена разыгралась в 1995 году, а уже десять лет спустя от публичных дискуссий не осталось и следа. День за днём Кремль методично отнимал у людей только что обрётённую ими свободу. Возвращалась цензура. На каждом политическом ток-шоу появились стоп-листы людей, которых приглашать было запрещено, а сами передачи превращались в постановку, причём довольно бездарную: одни люди делали вид, что они оппозиция, а вторые делали вид, что нападают на первых. Смотреть это было совершенно невозможно, а что-нибудь смотреть хотелось.

Денег на организацию больших мероприятий у нас не было, зато был огромный энтузиазм. Площадкой для дебатов стал один из московских баров. Набиралось человек четыреста-пятьсот: просто приходишь в бар, пьёшь пиво, смотришь дебаты и, если хочется, задаёшь вопрос. Первой парой дебатирующих стали блогер Максим Кононенко и Никита Белых, тогда — один из лидеров СПС и заместитель губернатора Пермского края. Ведущим был я. Мы, естественно, в первый раз не рассчитали и в зале было не то что тесно, а просто битком, но всем настолько понравилось, что такие дебаты мы решили проводить регулярно.

Участниками могли быть совершенно разные люди. Обычно мы старались звать одного молодого политика, а второго более матёрого. Приходил, например, Дмитрий Рогозин (тогда оппозиционер, а теперь уже бывший глава Роскосмоса и преданный соратник Путина) или Борис Немцов — один из самых популярных демократических политиков, годы спустя застреленный у стен Кремля. Специальное жюри, состоявшее из известных ЖЖ-блогеров, сидевших в зале, выбирало победителя. Помимо этого, я обращался к зрителям и просил их проголосовать. Было очень классно наблюдать, как первоначально явный аутсайдер благодаря своему красноречию и дару убеждения на глазах менял мнение этих нескольких сотен человек, сидевших в зале. Это и была настоящая политика.

Неожиданно дебаты стали очень, очень популярными среди политиков, активистов и журналистов. Конечно, когда я говорю «очень, очень», я имею в виду относительно небольшую группу, сидевшую в интернете и погружённую в политику, но всё-таки это были тысячи людей, до которых ещё вчера нельзя было дотянуться. Внезапно мы обнаружили, что вырвались из тесного информационного пузыря к новой аудитории.

Чем больше проект набирал популярность, тем больше это тревожило Кремль. Сначала они просто игнорировали нас, но со временем начали активно с нами бороться. Прокремлёвские журналисты писали, что мы «масштабируем неправильных личностей» и «создаём неправильные тренды». Затем они перешли к более активным действиям, начали открыто мешать нашей деятельности и всячески её дискредитировать.

Дебаты шли офлайн, и это делало нас очень уязвимыми. На владельцев заведений, где мы проводили свои мероприятия, начали давить: проверки, полиция, угрозы отключить свет — всё, чтобы они отказались сдавать нам помещение. К нам регулярно начали засылать провокаторов: придут десять человек, начнут кричать, чем-то кидаться, устроят драку, и тогда площадка нам в следующий раз откажет. Главной задачей было маргинализировать нас, мол, это никакие не политические дебаты, а просто алкаши собрались и устроили драку в центре Москвы. Посмотрите, какие они омерзительные — вон у этого кровь по лицу течёт. Разве это политика? Это балаган!

Про кровь я написал не просто так. Она была на моём лице.

На очередные дебаты пришла группа молодых людей. Пьяные, они выкрикивали оскорбления, скандировали: «Зиг хайль!», вырывали микрофон у тех, кто задавал вопросы. Со сцены я пытался их унять, но всё же это вылилось в драку, которая закончилась тем, что один из них напал на меня на улице. У меня с собой был травматический пистолет. Я выстрелил сначала в воздух, а потом в его сторону. На парня это не произвело особого впечатления, и он всё-таки бросился на меня. В итоге нас обоих забрала полиция, но дело возбуждать не стали. Нападавший оказался сыном высокопоставленного ФСБшника, и его папа не хотел раздувать скандал.

Надо признать, что Кремль тут сработал эффективно. Во-первых, перед нами вставала чисто организационная проблема: никакой клуб не хотел больше нас

принимать. Во-вторых, мы понимали, что не можем обеспечить безопасность зрителей. В-третьих, провокации стали настолько ожидаемыми, что вытеснили содержательную часть дебатов. Стало ясно, что проект придётся закрыть.

Однако для меня это был хороший урок и важный момент моей политической карьеры. Я понял, что можно всё делать без денег и без протекции Кремля. Даже наоборот — вопреки Кремлю. Мне нужна была только группа сторонников, которая работала бы вместе со мной. И эту группу я нашёл в интернете.

Не раз слышал, будто это едва ли не проявление моего уникального политического чутья — что я сразу начал использовать интернет. Как визионер, предрёк наступление новой эры. Мне это, конечно, очень льстит, только к реальности не имеет никакого отношения. Я оказался в интернете, потому что у меня не было другого выбора: на телевидении и в газетах была цензура, митинги были запрещены, а мне хотелось действовать.

Раньше первое правило подготовки к политической акции гласило: разошли пресс-релиз. Если не было пресс-релиза, причём непременно отправленного по факсу, мероприятие не засчитывалось. Факсы я возненавидел и питал вполне обоснованное подозрение, что ими пользуются только в партии «Яблоко». Со временем я познакомился со многими журналистами — все они были молодые ребята, как я, и сложно было представить, что они целыми днями сидят у факса, ожидая, когда из него выползет заветная бумажка. И в какой-то момент я подумал: почему бы мне просто не использовать «Живой Журнал»? В то время это была самая популярная платформа для блогов, все журналисты сидели как раз там. Я могу просто написать: «Устраиваю акцию, приходите». А после акции написать: «Вот пара фотографий, если кому интересно». Сейчас в этом нет ничего удивительного, а тогда казалось почти революцией.

Мне нравилось вести блог. Правда, тогда я совсем не был готов к тому, что вскоре он станет моим основным занятием на много лет.

Российский интернет в те времена был восхитительным местом. Он и сейчас восхитительное место. Одна из причин этого феномена, наверное, в том, что он не развивался постепенно, как в Америке, а просто появился в один момент. В России он сразу был относительно быстрый, доступный, и количество пользователей стремительно росло — все молодые, образованные, инициативные люди мгновенно начали его осваивать. И особенно он был восхитителен тем, что в администрации президента не воспринимали его всерьёз. Они делали ставку на телевидение, а интернет был им безразличен, и это его тогда спасло. Например, в Китае одновременно с появлением интернета стали создавать файервол, чтобы его контролировать, а российское правительство думало, что это какой-то непонятный маленький загончик, в котором тусуются одни фрики. Они не видели смысла его специально ограничивать. Никто в Кремле не осознавал, что интернет был отражением реальной жизни: ты мог написать пост с призывом раздавать листовки, и реальные люди шли на реальную улицу и реально их раздавали. Это был не загончик, а инфраструктура.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы разобраться, как там всё устроено. Что людям интересно, а что нет? Как вовлекать их в работу? Первое правило я вывел быстро: регулярность. Я писал каждый день, иногда — по нескольку раз в день. То же самое я позже делал со своим ютуб-каналом. Выпускать по видео в день не получалось, но я старался делать по два-три ролика в неделю. Всем начинающим блогерам советую: если вы хотите, чтобы ваш блог набирал популярность, пишите (или снимайте) часто.

Второе правило вытекало из первого: проси, чтобы твоими постами делились. Я заканчивал этим призывом каждый важный для меня текст. Сколько бы раз ты ни попросил распространить информацию, ни один не будет лишним.

Третье правило: взаимодействуй. Оставляй комментарии под постами друзей. Вступай в дискуссии. Показывай, что ты внимательно следишь за реакцией и всегда готов к диалогу.

Я твёрдо решил превратить свой ЖЖ в крупнейшее свободное СМИ в стране (забегая вперёд, скажу: это мне удалось. К 2012 году мой ЖЖ был одним из самых читаемых в России). Мне помогало то, что я всегда писал о том, что мне интересно и в чём я уверен больше всего. А уверен я был в том, что основа режима Путина — коррупция.

Возможно, это связано с тем, что я юрист. Коррупция раздражала меня всегда, но я понимал, что именно из-за Путина и его системы управления она стала настолько естественной в последние годы. Я знал, что я такой не один — вся страна это понимала. И мне хотелось не просто писать об этом — мне хотелось что-то сделать. Для этого мне нужно было стать полноценной стороной в борьбе с коррупцией. В одном углу поля коррумпированные путинские олигархи и чиновники, а в другом — я.

Проблема была, однако, в том, что никаких оснований становиться противоположной стороной у меня не было. Я же не прокурор, как я могу их легально преследовать?

Я люблю писать. Сколько я себя помню, я был человеком текста. А тут всё совсем другое! Ладно ещё набросать сценарий, но ведь его потом надо прочитать на камеру. Плюс видео гораздо сложнее в производстве, чем текст. Нужна целая инфраструктура, специальные люди — операторы, звукорежиссёры, монтажёры, куча техники, света. Студия, в конце концов.

А потом же надо всё отснятое смонтировать — это самая душераздирающая часть. Поначалу для меня не было большей пытки, чем смотреть на самого себя в записи. Особенно на те отрывки, где я пытаюсь что-то изобразить, сыграть, пошутить, — мне это причиняло прямо физическую боль. Если честно, это до сих пор полностью не прошло.

Тем не менее я понимал: видео стало моей единственной возможностью выйти на широкую аудиторию. Если я хочу привлекать новых людей (а я хочу), я должен делать свои ролики, пускай они и заставляют меня страдать. Потому что правда в том, что россияне пришли в интернет, чтобы найти там другое

телевидение. А ещё выяснилось, что подавляющее большинство людей (умных людей) вообще не хотят читать. Когда я это понял, я испытал большое разочарование, но такова реальность: люди не любят читать, они любят смотреть.

Вы можете сделать отличное расследование. Написать о нём прекрасный, даже великолепный пост. Он будет очень смешным и остроумным, в нём будет много фактов, фотографий, схем, банковских выписок и прочих доказательств, но прочтает его в лучшем случае миллион человек. А вот если вы снимете видео — обычное видео, где вы сидите за столом на фоне чёрной стены, а рядом с вами появляются те же самые фотографии, схемы и выписки, — вас посмотрит два миллиона человек. Ну а уж если пролететь на дроне над дачей чиновника, написать классный сценарий, сделать прикольную графику — шесть миллионов.

Наше полноценное освоение ютуба началось с расследования про генерального прокурора России Юрия Чайку. Это была история не просто о коррупции, а о союзе прокуратуры и организованного криминала — настоящих бандитов и убийц.

Сначала мы, как обычно, обнаружили, что старший сын генерального прокурора живёт, мягко говоря, не по средствам. Мы нашли у него огромную шикарную гостиницу в Греции, несколько вилл там же, дом в Швейцарии и иностранные счета. А дальше мы поняли, что существует целая прокурорская мафия. Артём Чайка владел гостиницей вместе с женой заместителя своего отца, а та, в свою очередь, вела бизнес с жёнами двух самых главных бандитов Краснодарского края из так называемой банды Цапков. Эти Цапки несколько десятилетий держали в ужасе целый город: грабежи, рэкет, изнасилования, убийства. Последнее, массовое, обсуждала вся страна. В новостях рассказывали, как банда Цапков ворвалась в дом к местному предпринимателю, убила четырнадцать человек, которые там были, включая младенцев, а потом сожгла трупы. Прокуратура годами прикрывала банду Цапков и отказывалась возбуждать против них уголовные дела.

Когда мы это поняли, мы были совершенно шокированы, но дальше оказалось, что сын генпрокурора сам мог быть замешан в убийстве. Он хотел захватить и присвоить себе речное пароходство в Сибири. Директор пароходства рассказал в интервью, что Артём Чайка шантажирует его и запугивает, а через два дня директора нашли повешенным в собственном гараже. Уголовное дело возбуждать не стали — списали на самоубийство, но протоколы осмотра тела свидетельствовали, что руки у него были связаны, а такие следы на шее могли остаться только при насильственной смерти.

Видео по этому расследованию в первые дни посмотрело больше пяти миллионов человек — небывалые цифры для русскоязычного политического ютуба в 2015 году.

Теперь мы всё чаще не снимаем видео в студии, а делаем что-то похожее на документальные фильмы. Однажды мы снимали расследование о прокуроре

Москвы Денисе Попове. Он годами отвечает за преследование активистов, за задержания на митингах, штрафы, сажает людей за то, что они выходят на мирные протесты. Как и у любого российского коррупционера, семья у него живёт на Западе и ведёт там бизнес. Мы нашли у них в собственности фирму, которая владеет квартирами в Черногории и сдаёт их в аренду. Забронировали одну, поехали в Черногорию и сняли видео прямо в гостях у героя нашего расследования. Когда мы с балкона снимали потрясающий вид на море, на соседнем балконе сидела прокурорская подруга, которая управляет его владениями на месте. Мне пришлось записывать разоблачительное видео почти шёпотом, чтобы прокурор Попов не узнал о нашем расследовании раньше времени.

Это весело, но обычно требует огромной работы. Вот ты приезжаешь на место, ищешь точку для съёмки, красиво выставляешь кадр, читаешь на память абзац текста, а потом начинается дождь, приходится пережидать и начинать заново. Потом едешь дальше — и всё сначала: ищешь точку, выставляешь кадр, читаешь текст, надеешься, что не ошибся в цифрах. А если в сценарии есть ещё и шутки, это просто катастрофа. Шутку же надо сыграть, надо сделать специально усилие, рассказать её смешно. А она смешная, только когда ты её придумал и произнёс в первый раз. После того как ты произнёс её сто раз, хочется не смеяться, а рыдать. Несчастные мои монтажёры, вынужденные часами отсматривать десятки дублей!

Как я уже писал, стало понятно, что люди очень любят смотреть, а не читать. И тут меня ждало ещё одно мучение — инстаграм. Раньше я его терпеть не мог и считал, что его придумали исключительно для того, чтобы выкладывать туда селфи и фотографии отпуска на море. Это абсолютно не моё (хотя море я очень люблю), и с инстаграмом у меня долго не складывалось. Но я шаг за шагом начал осознавать его потенциал. И решающим фактором стали... женщины. Долгое время аудитория всех наших расследований и проектов на семьдесят процентов состояла из мужчин. Женщины меня не читали, не смотрели, и казалось, что они вообще не интересуются политикой. Но когда я начал вести инстаграм, сразу же выяснилось, что всем в равной степени интересна политика и все одинаково готовы делать что-то вместе — и женщины, и мужчины. Вообще, часто женщины оказываются гораздо круче: их сложнее напугать, они настойчивее, нередко радикальнее.

Сейчас у меня схватка с тиктоком. История как будто повторяется. Я всегда любил читать, но надо было начать писать. Я начал писать и, надо признаться, очень это полюбил, но всем понадобилось видео. Я стал их снимать. Только привык к видео — теперь нужен инстаграм. Постоянно кого-то просишь: сфотографируй меня так; нет, надо так; нет, с другого угла; нет, тут я странно выгляжу. И тут в моей жизни появился тикток. Когда я его листаю, мне иногда становится стыдно вообще за всё человечество. Но работает же! Куча народа узнаёт политические новости из тиктока. Поэтому теперь я ещё и танцую и иногда открываю рот под музыку. Часто, правда, ворчу, как старый дед, о старых добрых временах, когда люди читали книги, но тиктоки всё равно снимаю.

Моя отдушина — это твиттер. Это моя любимая соцсеть, я очень много туда пишу и всё там рассказываю: вот срочная новость, вот что я о ней думаю, а вот я поел пельменей. Со сметаной.

В сентябре 2011 года я зарегистрировал некоммерческую организацию «Фонд борьбы с коррупцией». Теперь все мои отдельные проекты существовали под одним брендом. Я объявил, что деньги на работу ФБК буду тоже собирать через краудфандинг, но на этот раз специально призвал известных людей становиться донорами. Спустя несколько месяцев меня публично поддерживало шестнадцать человек — каждый из них пожертвовал больше десяти тысяч долларов. Среди них были предприниматель Борис Зимин, экономист Сергей Гуриев, журналист Леонид Парфёнов и писатель Борис Акунин, а финансист Владимир Ашурков не только пожертвовал деньги, но и сильно помог мне с организацией всего процесса. Эти шестнадцать смелых людей разрушили очень важное общественное табу — что нельзя без разрешения финансировать дело, в которое ты веришь.

В первый год работы ФБК я планировал собрать около девяти миллионов рублей — это мне удалось с лёгкостью. В 2019 году, предшествовавшем моему отравлению, мы собирали уже больше восьмидесяти миллионов рублей. Нам поступали десятки тысяч маленьких переводов — по сто-пятьсот рублей — со всей России.

Главный принцип нашей организации — прозрачность. С первых дней она была важна для меня по двум причинам. Во-первых, люди будут охотнее давать деньги, если они понимают, на что их тратят. А во-вторых, потому что я очень, очень хотел отличаться от государства. Правительство расходует наши налоги без всяких объяснений. Мы не влияем на распределение бюджета и даже не понимаем толком, как именно его распределяют. В России никогда не существовало по-настоящему открытых политиков. Даже в краткий период в девяностых, когда у власти были демократы, нормой считалось прятать собственные средства и скрывать их происхождение.

Я хотел быть совсем другим. Я показывал мои личные доходы. Я показывал, откуда берутся деньги моей организации. Все знали, как выглядят моя жена и дети. И люди, переводя мне пожертвования, посылали власти чёткий сигнал: «Навальному мы жертвовать хотим, потому что мы понимаем, чем он занимается и как тратит деньги, а вы всё скрываете, а часто ещё и воруете».

И, несмотря на запугивание доноров, которое началось почти сразу («Жертвуете Навальному? Все переводы сохраняются, ждите проблем!»), тысячи людей продолжали переводить нам деньги. Для меня это всегда звучало так: «Мы готовы бороться, но нам нужен лидер — человек, который не испугается государства и который не будет брать взятки. Мы верим, что ты такой, поэтому помогаем».

В Фонде борьбы с коррупцией, который я сам и основал, зарплату я никогда не получал и ни под какими предложениями не использовал пожертвования в личных

целях. Я не сомневался, что, если я попрошу, люди легко переведут и мне персонально, но я твёрдо решил, что между моим заработком и бюджетом организации будет несокрушимая китайская стена. В конце концов, у меня есть профессия — я юрист. Поэтому, даже возглавляя ФБК, я продолжал оказывать юридические услуги. Возможно, правда, некоторые мои клиенты пользовались ими не только потому, что нуждались в них, но и просто чтобы таким образом меня поддержать.

Вторым важным принципом стала нормальность. В Кремле годами пытались наше движение маргинализировать и загнать в подполье. Превратить нас в новую версию советских диссидентов. Я испытываю огромное уважение к советским диссидентам — они герои, но обычные современные люди диссидентами быть не очень хотят. Во-первых, это опасно, а во-вторых, у диссидентов не бывает весёлых офисных будней. А мы, хоть и были, по сути, офисом революции, где каждый человек нёс большие риски, чисто внешне казались московскими хипстерами. У нас просторный опенспейс, кофемашина и игра в «Тайного Санту» на Новый год. У нас твиттеры и инстаграммы. У нас молодые сотрудники, все дружат между собой, мы вместе ходим в походы и устраиваем вечеринки (правда, в последние годы я стал замечать странную тенденцию: всё самое весёлое на вечеринках начинается после того, как я ухожу домой). Единственное, что отличало нас от модного стартапа, — это то, что мы боролись с Путиным. Ну и сопутствующие издержки — например, прослушка в офисе, которую мы находили в дверных косяках.

Это было хоть и неприятно, но не особо страшно. Однако со временем таких издержек становилось больше. Давление росло с каждым годом, и к 2019-му аресты и обыски стали частью нашей повседневной жизни. Наш хипстерский офис оставался таким же хипстерским, только теперь ОМОН пилил нам дверь бензопилой, врвался внутрь с автоматами и клал всех на пол. Один такой рейд — и у пятидесяти сотрудников отнимают компьютеры и телефоны, выносят из офиса всю аппаратуру, документы, личные вещи. Успел спрятать телефон за плинтусом, а компьютер в потолочной плитке — молодец. Но чаще всё же изымали всё подчистую. Тактика понятная: на восстановление техники нужны деньги, а деньги мы просим у людей. В Кремле надеялись, что это постепенно замедлит сбор, но выходило наоборот — после каждой атаки на нас мы видели всплеск платежей.

Чем занимается Фонд борьбы с коррупцией, ясно из названия. Мы что-то среднее между журналистами, юристами и политическими активистами. Находим коррупционную историю, разбираемся с документами, собираем доказательства и публикуем её. В первые годы — текстом в моем блоге, со временем — роликом на ютубе. Ну и самое главное: потом эту историю распространяем так, чтобы про неё узнали миллионы человек.

И эта часть с распространением — самая важная. Количество независимых СМИ уменьшалось стремительно, везде цензура, ни в какой крупной газете и тем более по телевизору о нашей работе не расскажут. Как в такой ситуации поступать? Рассказывать самому, а остальных просить помочь: запостить ссылку у себя в блоге, написать что-то в соцсетях, переслать видео знакомым. Да листовку, в конце концов, распечатать и повесить у себя в лифте: вот, мол, наш мэр, его

официальная зарплата — пятьдесят тысяч рублей, а вот его квартира в Майами, она стоит пять миллионов долларов.

И я буквально так в каждом расследовании и говорю: «Ребята, мы нашу часть сделали, вот классная и важная история, но без вас никто о ней не узнает. Шлите ссылки друзьям. Зайдите в районную группу во „Вконтакте“, оставьте и там комментарий. Бабушке пошлите, родителям». В результате люди не только давали нам деньги, но, по сути, ещё потом сами на нас работали, становясь важной частью нашей организации.

«Власть в России сменится не в результате выборов», — эту фразу я произнёс в интервью ещё в 2011 году. Однако нельзя отрицать, что, во-первых, в преддверии выборов всеобщее внимание приковано к политике и этим нужно пользоваться, а во-вторых, власть в этот момент всегда очень уязвима. Мы видели это всё в том же 2011 году — «Единая Россия» выиграла с помощью фальсификаций, но это сразу привело к большим протестам.

Тогда, в 2011-м, я призывал голосовать за любую партию, кроме «Единой России». В 2018-м, после того как меня не допустили к президентским выборам, я призывал к бойкоту. Меня за это много критикуют, считая мою позицию непоследовательной, но на самом деле она совершенно логична: всегда следует использовать выборы, чтобы нанести Кремлю максимальный урон.

В конце 2018 года мы придумали новую стратегию — «Умное голосование». С её помощью мы собирались разрушить монополию «Единой России». Раньше это никогда не получалось: кандидат от путинской партии на выборах набирал минимум 25–30% голосов, а оставшиеся голоса дробились между представителями системной оппозиции. Кремль ревностно следил за тем, чтобы «системные» не договаривались между собой, — перед каждым выборами начинались ссоры, делёж округов: все хотели выдвигаться в «хороших» округах, и это приводило к тому, что в центральных районах баллотировалось сразу по несколько оппозиционных кандидатов, которые перетягивали друг у друга голоса и таким образом помогали избраться единороссу. Если политики не могут договориться между собой, пусть договорятся избиратели.

Идея была в том, что наш штаб выбирал «второго по силе» кандидата и призывал всех голосовать за него, отбросив идеологические разногласия. В своём анализе мы использовали результаты прошлых выборов и мнения экспертов, которые разбираются в местной политике. Почти всегда вторым по силе кандидатом оказывался коммунист. В этой книге я исписал немало страниц, рассказывая о своей нелюбви к коммунистам, но тут ситуация была другая: я не желал победы коммунистам, я желал поражения «Единой России».

Однажды у меня с Борисом Немцовым произошёл диалог, который я никогда не забуду. Это было буквально за десять дней до его убийства. Мы сидели втроём — я, Немцов и его коллега, — и Немцов объяснял мне, что я в опасности и Кремль легко может меня убить, потому что я вне системы. А вот он, Немцов, наоборот, неуязвим, потому что он *из* системы — бывший заместитель председателя правительства и к тому же лично знает Путина, работал с ним. Через три дня меня арестовали. Ещё через неделю Немцова застрелили в двухстах метрах

от Кремля. Так я понял, что все эти разговоры о том, кто в опасности, а кто в безопасности, даже вести бессмысленно. Мы понятия не имеем, что будет дальше, — есть один конкретный сумасшедший по имени Владимир Путин, иногда у него в мозгу просто что-то срабатывает, он пишет имя на бумажке и говорит: «Убейте его».

Когда убили Немцова, это для всех стало огромным ударом, и очень многие были напуганы. Даже моя жена Юля, человек невероятной храбрости, позже сказала мне, что ей было очень неуютно той ночью одной дома с детьми и она думала: «Началось? Они теперь убивают оппозиционеров? Сейчас и сюда ворвутся с автоматами?» Как человек, знавший Бориса, я тоже был в ужасе, однако даже тогда я не чувствовал, что угроза моей собственной жизни как-то возросла.

Я всегда старался игнорировать тот факт, что на меня могут напасть, меня могут арестовать или даже убить. Я всё равно не могу это контролировать. Зацикливаться на этом было бы саморазрушительно. Какие шансы у меня выжить сегодня утром? Не знаю: шесть из десяти или восемь из десяти. А может, и все десять. Дело не в том, что я стараюсь об этом не думать, зажимаюсь и делаю вид, что опасности не существует, — просто однажды я принял решение не бояться. Я всё взвесил, понял и отпустил. Я занимаюсь оппозиционной политикой и хорошо осознаю, кто мои враги и на что они способны, но, если я всё время буду беспокоиться, не убьют ли меня, мне не стоит жить в России. Лучше эмигрировать. Или просто сменить работу.

Но я люблю свою работу и считаю, что должен продолжать её делать. Я не чокнутый, не безответственный, да и не бесстрашный. Это вообще не про бесстрашие — просто я внутри себя знаю, что должен заниматься этим, потому что таков мой жизненный выбор. Есть люди, которые верят в меня. Есть моя организация, Фонд борьбы с коррупцией. И есть моя страна, и я очень хочу, чтобы она была свободной. Возможные угрозы тоже часть моей работы, но я принимаю её целиком.

Зато я знаю точно: мне повезло войти в один процент счастливыхчиков на нашей планете, которые обожают свою работу. Я наслаждаюсь каждой её секундой. У меня есть огромная поддержка людей. Я встретил женщину, с которой мы не только любим друг друга, но и разделяем одинаковые убеждения. Она так же, как и я, не согласна с тем, что происходит в России. Наша страна заслуживает лучшего. Россияне могут жить в двадцать раз богаче, чем сейчас. И для меня, и для Юли это не просто рассуждения: это то, что мы должны сделать или хотя бы попытаться, потому что это явно того стоит. Может быть, у нас не получится, может быть, всё изменится уже после нас, но попробовать мы обязаны. Я хочу, чтобы наши дети и внуки знали, что их родители — хорошие люди и что они потратили свою жизнь на что-то стоящее.

Когда мой сын Захар учился в начальной школе, класс попросили рассказать, чем занимаются их родители. Дети отвечали что-то вроде: «Мой папа — врач», «Моя мама — учительница». А Захар сказал: «Мой папа борется с нехорошими людьми за будущее нашей страны». Когда мне об этом рассказали, это был лучший момент в моей жизни — мне как будто медаль повесили на грудь.

Я не думаю как-то особенно о любви к своей стране. Я просто люблю её. Для меня Россия — одна из частей, из которых состоит Алексей Навальный. Это как правая рука или левая нога: вы же не можете описать, насколько они вам нравятся. Тут то же самое.

Каждый раз, возвращаясь из-за границы, ещё до того, как я выхожу из самолёта, я уже иррационально понимаю, что я дома. Есть страны, где кухня лучше, порядок, очень красивая архитектура. Я люблю путешествовать, но возвращаться в Россию я люблю больше, потому что, когда я иду по улице, я чувствую, что здесь мои самые близкие люди. Почти как родственники.

Люди в России прекрасные. Они не слишком дружелюбны при первой встрече, но я должен признаться, что мне это даже нравится. Они сложные и любят ударяться в философию. Я тоже люблю. Любую ерунду они превращают в экзистенциальный вопрос и начинают обсуждать будущее страны. Я делаю то же самое. Однажды я описал Прекрасную Россию Будущего как метафизическую Канаду: богатую северную страну с низкой плотностью населения, где все живут хорошо и одержимы философскими рассуждениями.

Я люблю русский язык. Я люблю меланхолические русские пейзажи: когда смотришь из окна и хочется плакать — это прямо отлично. Мне здесь очень хорошо, потому что мне всё это близко. Я люблю наши грустные песни. Я люблю русскую литературу и кино. Это всегда про надрыв, размышления, страдания, тоску и саморефлексию.

По моему описанию Россия, наверное, представляется очень печальным местом, но на самом деле мы весёлые. Мне нравится русский чёрный юмор. Люди обожают шутить политически некорректно, наши шутки часто бывают на грани допустимого, но именно поэтому для меня современный российский интернет гораздо смешнее, чем западный.

Главная ошибка, которую совершают на Западе, заключается в том, что они ставят знак равенства между российским государством и россиянами. На самом деле между ними нет ничего общего, и это большое несчастье нашей страны — что из всех миллионов людей, живущих в ней, власть раз за разом оказывается в руках самых циничных и самых лживых. Существует расхожая фраза, что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает, и многие считают, что в отношении России это правда, ведь иначе россияне давно бы взбунтовались и свергли режим. Однако я в эту фразу не верю: огромное количество моих соотечественников не согласно с тем, что происходит, и не выбирало этого. Но если допустить, что персональная ответственность всё-таки лежит на каждом из нас, то она лежит и на мне. Значит, я ещё сильнее должен бороться за то, чтобы это изменить.

Если бы у меня спросили, ненавижу ли я Владимира Путина, я бы сказал: да, я его ненавижу, но не потому, что он пытался убить меня или посадил моего брата. Я ненавижу Путина, потому что последние двадцать лет он у России украл. Это могли быть невероятные годы, каких ещё не случалось в нашей истории: у нас не было никаких врагов, вдоль наших границ царил мир, цены на нефть, газ и другие природные богатства взлетели до небес, мы заработали огромные деньги на

экспорте. Путин мог использовать эти годы, чтобы сделать Россию процветающей страной. Мы все могли жить лучше.

Роман Серуканов, юрист ФБК («Привет, это Навальный»)

Итак, всё только начинается. Отбушевал шторм 2012 года: 6 мая, Болотная площадь, волна выступлений за честные выборы и против «партии жуликов и воров». В протест потянулись совершенно новые люди, ранее не ангажированные политикой, хотя, возможно, и интересовавшиеся ей. Как правило, это были студенты последних курсов либо молодые квалифицированные специалисты.

Казалось бы, все эти события должны вдохнуть жизнь в ту самую привычную оппозицию, которая существовала уже очень давно, но не была особо заметна, находясь в «андеграунде» политики. Протесты 2011–2012 годов дали очень мощный толчок политизации российского общества. На ключевых должностях в оппозиционных движениях даже сейчас, в конце 2018 года, находятся практически все те же люди, которые появились именно тогда, выйдя на улицы по зову сердца. Это были абсолютные авантюристы, люди, которые не знали, куда шли, но чётко осознавали, что их ждёт большое приключение. Приключение довольно опасное, полное подводных камней и целых айсбергов. Людей в политику потянуло, они в ней остро нуждались. Это было поколение тех самых нынешних «тридцатилетних» — тогда ещё девчонок и парней, которые мечтали, что 2018 год, следующие выборы президента станут важной, даже судьбоносной точкой для всей страны. Волна протестов вселяла оптимизм.

Многие, кто пытался развивать тогда свои движения и ячейки, участвовать в партийной жизни, возможно и парламентской оппозиции, не смогли закрепиться в политике и были выброшены с этого поля, а их следы пропали. Но была и та часть людей, для которых политика стала смыслом жизни, вторым домом и кораблем всех мечтаний. Люди стремились к своей мечте — к 2018 году, когда всё должно было измениться, когда мы должны были показать результат, к которому долго и упорно шли. Мы были настоящими романтиками с большой дороги, которые бросили вызов системе и самим себе.

Я не надеялся сделать политическую карьеру. Для меня это была возможность выйти из жизненной фрустрации, обрести себя, потому что профессия юриста не вселяла в меня никаких эмоций. Я видел, что страна нуждается в переменах, что нужны реформы, что у нас даже уже есть гражданское общество, про которое мы так много слышали и читали. Поколение тридцатилетних — это поколение стыка, людей, заставших и поздний «совок», и ельцинские «лихие 90-е», и бесконечные пертурбации, и ту деформацию и выгорание людей, которые не смогли приспособиться к новым российским реалиям — «не вписались в рынок». Мы были переходным поколением. Нам хотелось реализовываться, хотелось идти в политику, потому что в нашей жизни её еще не было. В 90-е годы политика была от нас далека в силу возраста, и вот сейчас мы как раз подходили к тому рубежу, когда нужно было наверстывать упущенное.

Хотя тогда еще понятие «политический волонтер» было достаточно диковинным и по сути появилось только в мэрскую кампанию. Это сейчас сформировалась такая традиция, что в штабах волонтером называют любого, кто проявляет хоть какую-то маломальскую активность, фактически любой сторонник автоматически становится волонтером, что придает больший вес структуре и создает у внешнего наблюдателя впечатление, что всё грандиозно и массово. Сегодня слово «волонтер» уже, наверное, стало словом-паразитом, которое употребляется по поводу и без. А в начале 2013 года были сторонники, были активисты и были неопределившиеся. Люди в уличной политике больше делились, как мне кажется, на два лагеря: старая «демшиза» и что-то совершенно новое, свежее, перспективное и лишённое тяжёлого наследия «лихих 90-х». Демшизой называли ту самую привычную оппозицию, которая выходила «винтиться» (умышленно задерживаться) на все несогласованные мероприятия вроде «Стратегии-31» как на праздник. Ещё не было жестких правовых норм, и люди часто отделялись только символическими штрафами. Был пласт привычных оппозиционеров, многих уже не в первом поколении, достаточно взрослых и даже ещё советских диссидентов. Это были такие сублильные дядечки с толстыми линзами в очках, в старых пальтишках, с длинными волосами и бородой в духе Карла Маркса — или в духе известного по интернет-мемам персонажа Соломона Хайкина. И до 2011–2012 годов городские сумасшедшие и «демшиза», с некоторыми проблесками нацболовской молодёжи, которую «демшиза» побаивалась, были основой всей оппозиции.

С 2012 года это, конечно, изменилось. Тогда большую силу стали набирали движения наблюдателей за выборами. Казалось, что эти группы станут мощным флагманом независимого гражданского общества. Огромное количество новых людей, прежде всего молодёжи, записывались мониторщиками, считая, что таким образом они участвуют в общем протесте, при этом отстаивая простую, базовую демократическую ценность — честные и прозрачные выборы. Впрочем, резкий взлёт движений наблюдателей также быстро пошёл на спад уже через год, а то и меньше. Сложно сказать, с чем это связано: то ли обстановка изменилась, то ли люди разочаровались, что система слабо реагирует на выявленные нарушения, то ли сами организации стали превращаться в бюрократические структуры, с которыми активисты изначально приходили бороться. Кроме того, очевидно, что многим идеалистам не понравилось, что мониторинговые миссии стали принимать уродливую форму «грантоедов»: «Голос», «Гражданин наблюдатель» — работали на грантах. Причём «Голос», что пикантно, был на кремлевском гранте, а про «Гражданин наблюдатель» была информация, что тот имеет иностранное финансирование. Для части людей наблюдение стало способом очень неплохо зарабатывать и ездить по всему миру, разумеется за счёт и западных фондов. В обиход вошёл термин «электоральный туризм».

Тогда, как, впрочем, и сейчас, оппозиция представляла собой закрытый мирок, где сформировались непонятные простому обывателю традиции. Но вся оппозиция давала понять «новооглашенным» адептам, что здесь есть возможности, есть способы реализоваться, найти тот свободный от обрыдлого офиса мир, который так всех манил. Для молодых искателей это была золотая жила. И конечно, всех грела общая мечта, которая тогда ещё не называлась «прекрасной Россией будущего». В те дни все были бОльшими реалистами, но все равно хотелось менять страну к лучшему. Люди чувствовали свои силы, навыки и понимали, что нужно дерзать.

Это была эпоха романтизма для поколения, которое только открыло для себя политику, пока мы ещё не искупались в грязи и интригах. Старшие товарищи нас, бывало, тогда пугали за рюмкой чая, что мы оцениваем оппозиционный мир сквозь розовые очки, и здесь очень много тайных течений. Но мы шли с широко закрытыми глазами, и не было никаких печальных размышлений.

В Кирове, во время моего первого «настоящего» политического выезда, я понял, что весь оппозиционный мир очень слабо воспринимал людей извне. То ли это какой-то страх перед возможными провокаторами, то ли это нежелание пускать и делиться даже возможным куском хлеба. Это было довольно закрытое сообщество, которое воспринимало только тех, кого знало лично, и тех, кого «кто-то» привел.

Приехав в Киров, я был достаточно открытым человеком без «оппозиционной звёздной болезни», проявляющейся в невнимательности к простым людям и завышенном чувстве собственной значимости. Позже начнут говорить, что мы боремся с пресловутыми «запутинскими» 86 %, а нас всего лишь 14 %. Многим нравилась эта элитарность, даже какая-то сакральность, вокруг которой сформировалось свое медиа-пространство, свой пул СМИ.

Но если это так, то получается, что Алексей Навальный еще в самом начале мэрской кампании был в прямой договоренности с определенными людьми из власти. Отсюда и такое благосклонное потворствование его кампании: кубы в самом центре на проходимых улицах, штаб, благополучный сбор подписей муниципальных депутатов. В пользу этого говорит еще и то, что потом «Единая Россия» по велению и.о. мэра Собянина додала тех недостающих подписей муниципальных депутатов. Получается, что сама власть хотела видеть Алексея Навального на мэрских выборах. Эту ситуацию я отдам на размышление читателю, но нашей официальной версией на тот момент было то, что именно народные волнения на Манежной привели к тому, что власть сломалась и изменила свое решение.

Когда на следующий день Алексей Навальный триумфально вернулся в Москву, где его на Ярославском вокзале встречали как победителя с цветами, уже никто не вспоминал про вчерашние несостыковки...

Встречи представляли собой довольно примитивный и стандартный процесс: сцена, сзади задник с баннером и кафедра для Алексея. Встречами рулил Ляскин, он сформировал себе небольшую команду, в которой было несколько охранников-волонтеров и несколько монтажников. У Алексея был один и тот же спич на все встречи и небольшая часть, посвященная округу и району встречи. В основном он, конечно, работал на личную узнаваемость. Встречи не носили какой-то прикладной характер. Не было никаких сервисов, чтобы решать личные и мелкие вопросы района, эта была встреча обещаний. Некоторые шутили, что можно было отдел встреч переименовать в отдел обещаний. Никаких реальных подвигов на этих встречах не совершалось, более того, существовало достаточно жесткое табу на взятые обязательства по решению местных проблем. Многие потом жаловались, что передавали какие-то документы или жалобы волонтерам, а потом находили их в соседней урне. И это действительно было, чего скрывать.

Зато был отличный контент: расставлялись стульчики, раскладывались фирменные зонтики, приходили люди, которым было действительно интересно, которые слушали нового для них человека, многие просто останавливались, проходя мимо. Откровенно говоря, все это были не потенциальные сторонники, сторонников было меньшинство. Как со смехом говорили в штабе, основную численность на таких встречах набивали сотрудники управы и разных государственных ведомств, правоохранителей и людей от наших оппонентов, которые задавали провокационные вопросы, работая на публику. Но главная задача по встречам выполнялась — надо было гнать контент для газет, для теневых спонсоров и для обычных донаторов, чтобы показать, что есть массовость и есть трудяга Алексей, работающий на износ. Тогда же и появились эти мастера фотографий, которые умели на встрече снять 15 человек так, как будто их там было 150. Это потом стала традицией, и Волков на всех последующих кампаниях не уставал напоминать, что нам нужны как раз такие фотографы. И главными людьми на каждой встрече были не кандидат, не безопасность, не, прости Господи, люди, пришедшие послушать кандидата. Главными были фотографы.

Я был на одних из первых встреч, которые было решено сделать в районе Зюзино у Константина Янкаускаса. Считалось что это хорошее место для старта, там такой хороший и популярный муниципальный депутат демократических убеждений, который еще и свою подпись поставил за Навального. Решено было попробовать, вроде бы и сторонники есть у него есть, и волонтерская база, и на выборах много набрал, и работает постоянно на земле... Но старт получился неубедительным. Можно сделать скидку на то, что народ еще не узнал об Алексее, но было смешно и грустно. На первые три встречи приходило буквально по 5-10 человек, и Константин, конечно, не продемонстрировал тогда свою поддержку в районе. Алексей был дико недоволен, ведь на первую встречу ко всему прочему приехала практически вся команда, включая Максима Каца и Наталью Пелевину.

Я тогда опешил, и самая большая моя ошибка состоит в том, что я не отстоял тогда свою позицию: надо было идти напрямую к Навальному, нужно было взывать к общественности, потому что в итоге оказалось, что всех тех людей, у которых начались районные суды по баннерам, мы просто кинули. Надо сказать, что с проблемой оплаты штрафов для активистов во время кампании частично помогал Кац, но в конце кампании Каца уже не стало, а выполнять обязательства перед пострадавшими волонтерами стало не кому и не за что.

Практически вся мэрская кампания проходила втёмную, тогда на это многие закрыли глаза, мотивируя свой обскурантизм тем, что якобы мы шли к серьёзной цели и поэтому можно было использовать «взрослые» методы борьбы. Для успокоения обывателя оставили немногочисленные подотчётные расходы: закупку канцелярских принадлежностей, оплату логистики, работу с подрядчиками. Все это делалось с избирательного счёта, чтобы не спалиться. Но всё, что касалось внутренней работы штаба, шло через черный нал, находившийся, как правило, в знаменитом «рюкзаке Волкова». И когда Леонид Волков был в том самом стрип-клубе, с ним был его знаменитый рюкзак. Это был ларчик, всегда набитый пачками денег. Примерно раз в неделю Волков приходил в штаб на Лялином переулке, садился в уголок, открывал свой рюкзачок, набитый бабками, и выдавал деньги для всех нужд, трат и инициатив, которые проводились штабом. Некоторых сотрудников штаба тогда очень повеселило, а многих и растрогало, что он был там с этим самым рюкзаком, полным денег. Оставалось только надеяться, что он не потратил их на женщин с пониженной социальной ответственностью. Смех смехом, но вообще это, конечно, нонсенс, когда руководитель избирательной кампании в ночное время на полном серьёзе идет в стриптиз-клуб отдыхать с рюкзаком, полным денег, возможно, даже присланных донаторами или обналиченными Романом Рубановым со счета для каких-то оплат. Или эти деньги мог раздобыть сам Волков, который постоянно ездил на какие-то встречи, якобы с «предпринимателями». Я сам, правда, не верил, что есть предприниматели, которые из чувства альтруизма будут спонсировать кампанию в таких объемах. Но деньги были, работа кипела, а значит, места вопросам о происхождении средств не было.

О том, что финансовой дисциплины не было никакой, свидетельствует такой вопиющий случай. В начале кампании, в отделе производства, который занимался заказом и производством баннеров, листовок и мерчендайзинга, сотрудник однажды взял из черной кассы 300 тысяч рублей налом и просто на следующий день не вышел на работу, будучи даже неоформленным. Никакой службы безопасности у нас не было, заявлять в полицию было бесполезно, и, конечно, эти

деньги так и не вернулись в кампанию. А ведь среди жертвователей было немало романтиков из регионов, которые перечисляли нам последние деньги.

Зарплаты в штабе также шли только втёмную. Не знаю, под каким предлогом списывали суммы для выплат с избирательного счета, потому как они начислялись, было совершенно непонятно. Изначально я получал 10 тысяч в неделю. Кац, не привыкший жадничать по зарплате со своими сотрудниками, поднял ее. Этим, кстати, он очень отличался от Фонда борьбы с коррупцией, который всегда во всех коалициях экономил на людях. ФБК платили меньше, чем другие субъекты по коалиции, даже при сопоставимых бюджетах. Такая тенденция существовала не то просто из-за мизантропических принципов, не то из-за банального «РосПила» зарплатного фонда. В зависимости от того, как развивалась кампания, деньги платили раз в одну или две недели. Приезжал человек из розового особняка на Армянском, в моем случае это был Дмитрий Крайнев, и буквально в конверте передавал наличные.

Несмотря на то, что кампания позиционировалась как европейски-ориентированная и прозрачная, никто из руководства не раскрывал размера своих зарплат. В штабе активно ходил слух, что зарплата того же Крайнева достигала 200–250 тысяч. Можно только догадываться, сколько получали сам Волков или теневой Рубанов! Кац в то время говорил, что он нисколько не получает в кампании, но, откровенно говоря, я думаю, он лукавил.

Когда мэрская кампания подходила к концу, Максим Кац решил, что мы не сможем бесконечно масштабироваться добровольцами и волонтеров-кубистов нужно переводить на платную основу, благо деньги в кампании водились. Исповедуя рыночный подход к вопросу о политических волонтерах, Кац столкнулся с волной критики от хардкорных навалынистов. Волков тоже был против и считал, что волонтер — это прежде работающий за идею и в удовольствие человек. Фраза про «получать удовольствие» сильно резала слух, и в дальнейшем я слышал ее на разных кампаниях. Возможно, она шла от самого Навального. Во всяком случае потом, уже в 2016 году, он подчеркивал, что платить надо только тем, от кого ты требуешь повышенное исполнение обязанностей и соблюдение тайн, в том числе и финансовых.

Конфликты с полицией почти не происходили, а все эксцессы на агиткубах были в основном связаны с тем, что наш волонтер подрался с кем-то других политических взглядов, либо на него напали какие-то оппоненты. Но в целом кампания проходила достаточно вольготно, все наши инициативы реализовывались, и никто нас особо не душил. Даже из-за странных финансовых махинаций в штабе не было существенных преследований, потом, правда, завели только одно уголовное дело, связанное с Яндекс-кошельками, когда Константин Янкаускас, Николай Ляскин и Владимир Ашурков собирали деньги на кампанию еще в самом ее начале. Схему тогда предложило само руководство, она была достаточно мутная, но помогающая наиболее быстро собрать деньги. Время показало, что это очень глупое и недальновидное предприятие.

Основной целью концерта на проспекте Сахарова была демонстрация поддержки Навального известными людьми шоу-бизнеса. Звёзд выбирали специальные сотрудники штаба, пытаясь выделить тех, на кого ориентируются наши сторонники, и тех, кто способен укрепить или создать у людей лояльность к нашему кандидату. Речь, разумеется, не шла ни о каком бесплатном концерте. Информацию о людях, помогавших выходить на продюсеров и имевших какие-то связи в музыкальной сфере, тщательно скрывалась. Везде стоял только коммерческий вопрос. Все хотели видеть Юрия Шевчука, но, когда обратились к нему, он отказал, заявив, что не хочет играть в эти сомнительные игры. Хотя он человек и протестный, но, как я думаю, испытывал большие сомнения относительно Навального, не зная чего от него ожидать. Когда Шевчук слетел, переговоры шли дальше.

Сам Навальный очень хотел «Ляписа Трубецкого», тогда эта группа была на пике популярности в протесте. Ребята приехали тогда за свой прайс, но во всем их поведении за сценой чувствовалась некая надменность: ничего личного, только бизнес. Сергей Михалок, вокалист «Ляписа», без особых эмоций размялся под сценой, вышел, отыграл и уехал. Трудно назвать это искренней политической поддержкой Навального.

Вячеслав Петкун («Танцы минус»), также выступавший на концерте, перед исполнением очередной композиции сделал мхатовскую паузу... «Алексей, — сказал Петкун, — сейчас я к тебе обращаюсь». По большому экрану показывают лицо Петкуна, тут же операторы выхватывают Алексея, показывая попеременно то его, то Вячеслава. И Петкун продолжает: «Алексей, главное, гадом не окажись». В тот момент я в первый раз увидел, как Навальный по-настоящему растерялся, как у него забегали глаза. Это был очень сильный момент всей кампании, потому что никто и никогда публично не смел ещё усомниться в нём столь философски и искренне. Здесь нужно подчеркнуть, что Навальный на тот момент уже превратился в некоего аристократического политика: аккуратный свитер Fred Perry в духе выпускников элитных колледжей Англии или США, легкий загар, причёска в духе лондонского отличника.

Перестановки и изменение властных полномочий были связаны с личностью одного человека — Романа Рубанова. Никто так и не понял, в чем заключался алгоритм перевода сотрудников из штаба в Фонд. Но прослеживалась нехитрая человеческая логика: брали людей, которых привел сам Рубанов, а также тех, которые импонировали лично ему или Елене Марус. Марус, придя неопытным сотрудником в мэрский штаб из команды Каца, станет серым кардиналом под стать самому Рубанову. Марус не стеснялась и сама себя называть Черной королевой, ее действительно боялись в штабе. Вместе с ней в Фонд попали и ее подруги, например руководитель социологической службы Анна Бирюкова, которая как-то слишком отчаянно пыталась выстроить с нужными людьми неформальные отношения: встречалась с Албуровым, потом стала женой Леонида Волкова.

Любовь Соболев поначалу долго не могла встроиться в новую систему. Она переживала, что больше не любимая девочка Навального, который многое ей позволял и давал высокие должности, несмотря на ее возраст и неопытность. С приходом Романа Рубанова Соболев перестанет быть директором Фонда. Слишком вольготная жизнь закончится и для Албузова и для Владислава Наганова, которого окончательно выкинут по инициативе Волкова.

В Фонд пришли девочки, работавшие в штабе с Рубановым: Ася Раменская, Анна Юдина, Анна Додонова — они будут олицетворять внутреннюю работу ФБК, получая лучшие должности, их будут высоко ценить и многое доверять. Додонова даже будет пытаться узурпировать власть на своем уровне, увольняя неугодных. Все эти «девочки», как их называли в Фонде, вызывали у многих недоумение. Они ничего выдающегося не умеют, слабо понимают в СММ и не разбираются в соцсетях, но по принципу «моя команда» Рубанов ставил их на ключевые должности, на которых они худо-бедно справлялись. Справедливый вопрос: откуда вообще эти девочки взялись? Вы не поверите, но Роман Рубанов говорил, что якобы познакомился с некоторыми при игре в «мафию»! История, в которую невозможно не поверить. И вот эта «могучая кучка», выросшая до большой компании со множеством отделов, переехала в новое помещение на Автозаводской, в бизнес-центр «Омега-Плаза».

Меня вместе со всем юридическим отделом штаба за исключением ряда позиций перевели в Фонд на ставку. Я был безумно этому рад, но меня напрягало, что моя кандидатура не удовлетворяет Дмитрия Крайнева, хоть за меня и заступался Волков, видя темп моей работы.

Позже стало известно, что Максим Кац тоже хотел попасть в Фонд и с частью своей команды якобы вел кулуарную борьбу. Против выступил Рубанов, потому что Кац ему был не нужен, и уж точно с прицепом своей команды. Конспирологические теории говорят, что конфликт Волкова и Каца был управляемый: Волкова провоцировали и грели, а Кац, выстроив свою часть структуры целиком, был вынужден уйти. Ушел в целом по-тихому, когда совсем поехавший Волков в открытую выступал против него на почве Патюлиной. Эта история всплывет спустя много лет, но демократическая общественность нисколько не осудит Волкова. Та самая общественность, которая равняется на западные морально-нравственные рамки, в которых кого угодно линчевать за «харрасмент». Но Леонида Волкова все дружно простили. У каждого, мол, свои слабости.

Образовался новый юридический отдел под руководством Дмитрия Крайнева. Потом Крайнев начнет проявлять свой чиновничий норов, выдавливая одного из главных интеллектуалов отдела — Николая Кузнецова. Также Крайнев попытается избавиться и от меня, и зимой 2014 года я также уйду из Фонда, потому что терпеть мытарства Крайнева не было больше сил. Больше всего меня смущала теневая выдача зарплаты: он доставал из стола пачку денег и буквально «отслюнявливал» мне зарплату. Деньги были маленькие, он мне выдавал по 7 тысяч в неделю. Никакого оформления, зарплатных бюллетеней и в помине не

было. И только с течением времени сотрудников начали более-менее официально трудоустраивать.

Вскоре Марус стала арт-директором компании, а Бирюкова, ставшая женой Волкова, возглавит социологическую службу ФБК. Анну Ведуту на должности пресс-секретаря сменит Кира Ярмыш, еще одна незаметная девочка, «поплывшая» со временем от звездной болезни. У Ярмыш впоследствии появится свой фаворит Руслан Шаведдинов, который тоже станет пресс-секретарем кампании и ведущим YouTube-канала «Навальный Лайф».

Все эти бесконечные половые отношения сопровождали работу Фонда, и с 2013 года ФБК начнет действовать по порочному принципу семейной клановости. Три семьи — семья Волкова, семья Рубанова и пара Ярмыш-Шаведдинов — будут представлять руководство Фонда и сформируют его новую «элитку». К ним также примкнёт Иван Жданов, большой любитель следовать руководству. Такой подход к делу полностью убивает принципы меритократии, которыми так хвастается Фонд и к следованию которым денно и нощно призывает Алексей Навальный.

Приехав в Калугу, я увидел, что дела там действительно шли не лучшим образом, и все были напуганы. Мы стали искать квартиру через открытые источники, газеты и объявления. Сразу откликнулись две девушки модельной внешности, которые приехали на автомобиле с номерами АМР и значком «Динамо». Квартиры нам показывали в самом центре ниже рыночной стоимости, что тоже навело нас на подозрение. На прощание девушки добавили: заезжайте в квартиру, а мы к вам вечером еще заглянем. Тут не нужно было быть Джеймсом Бондом или Штирлицем, чтобы понять, что девушки были от спецслужб и самое безобидное, что нас могло ожидать, это просто квартира, полная жучков. Хотя, думаю, без имиджевых подстав с участием этих девушек не обошлось бы. Вспомнилась сразу история начала 2010-х годов про «Катю Муму».

Такое внимание со стороны органов очень сильно напрягало. Передвигаясь по городу на автомобиле одного из наших сотрудников, мы видели постоянную и навязчивую слежку. Складывалось ощущение, что местные органы делали это специально, чтобы подавить наш настрой. Когда мы-таки сняли квартиру, практически ежедневно видели стоявшую под окнами «Ладу», люди из которой ходили за нами по пятам. Мы в магазин за хлебом — они за нами, мы ехали на машине — и они ехали.

Я был обескуражен, мне казалось, что мы едем для того, чтобы в решающий момент повысить количество избирателей на праймериз. Мне, человеку с демократическими взглядами, который относился к этому не только и не столько как к работе, сколько как к возможности менять мир вокруг, это было странно. Потому что, делая такой прорыв политике, делая эти праймериз, мы наступали на

те же самые российские грабли. Играя в договорные игры и подтасовки, мы по сути обманывали своих сторонников, сами становясь тем самым драконом из сказки. Ну или «коалицией жуликов и воров», если угодно... Разбирая документы, которые были до нас, мы обнаружили удивительную картину. Коалиция для Костромы заказала билборды на 700 тысяч рублей, что было достаточно существенной для бюджета суммой. Но эти билборды не провисели и нескольких часов, их сняли неизвестные лица и унесли в неизвестном направлении. По мотивам происшествия не было ни судебного разбирательства, никакой внутренней проверки. Когда мы высказали все свое недоумение Андрею Давыдову, почему никто не занялся исследованием этого вопроса, он нервно выдернул у нас из рук эти документы и сказал, что мы занимаемся полной ерундой, и вообще не стоит в это лезть. Ситуация была более чем подозрительная. Остается только надеяться, что это не был распил, а банальная невнимательность со стороны костромского штаба.

Сотрудники штаба возвращались поздно на вечернюю летучку, в восемь или девять вечера, чтобы обсудить итоги дня и поделиться эмоциями. Все жутко уставали, но выходных у нас не было. Такое решение мы приняли самостоятельно, потому что времени на кампанию у нас было совсем немного. Очевидно, что в Костроме был более легкий режим, и все приезжавшие оттуда люди спрашивали, за кого мы так вкалывали: неужели за Яшина? Мы откровенно говорили, что ни за какого Яшина мы не вкалывали, а работали за идею демократических преобразований в стране, как бы пафосно это ни звучало. Впрочем, в нашей «штрафной» шарьинской команде никакого пафоса не было, только кровь, пот и слезы.

Кстати, моей большой проблемой как руководителя было то, что коллектив совершенно не воспринимал Яшина авторитетом, регулярно высмеивая мужскими и довольно жесткими шутками. Вскоре стали глумиться и над кандидатской речью Яшина. Речь это была нескромная, вызывающая, из города в город одинаковая на протяжении всей кампании. Его фразочки мы разобрали на перлы, а стены в штабе буквально завесили цитатами, ставшими для нас мемами: «И один в поле воин, если это Илья Яшин», «У вас там крысы бегают», «Я вам дал мяч, он теперь на вашей стороне поля»... Речь у Ильи Яшина была совершенно не адаптирована под реалии тех жителей и под дух этой области. Где Костромская область и где Яшин со своей речью? В белоснежной рубашке, как выпускник Гарварда, которого по линии гуманитарной помощи отправили спасать демократию в России. Это полное несоответствие было отчетливо видно на земле, где мы работали. Всем нравился Андрейченко - местный мужик, подходящий региону по колориту, который корнями выходил из Костромской области. И нам очень импонировало то, что его родственники жили в Георгиевском, в одном из наших райцентров. Познакомившись с ними, мы поняли, что они были совершенно обычные люди, которые жили в деревянном доме настоящей сельской жизнью. Яшина также не любили за то, что он, будучи, как считалось, «шестеркой» Навального, все равно

держался особняком, имел свою собственную команду, которая к нам тоже относилась с долей ревностей, поскольку изначально это была «их» область. Слава богу, мы особо не касались этих перипетий и просто честно с утра до вечера делали свое дело.

Первую неделю мы крайне нуждались в агитационных листовках, а их присылали очень мало, приходилось буквально выпрашивать. На начальном этапе мы работали на узнаваемость, раздаточный материал был крайне необходим, но приходилось даже экономить. И вот, когда этот этап закончился, нам прислали огромную партию... первых листовок! Причем прислали их вместе со второй партией агитации, которая как раз работала на мотивацию, представляя большую информацию о кандидате. Старые листовки буквально некуда было девать, и в итоге коробки с этими пачками мы использовали в качестве стульев. Было похоже, что нам просто слили остатки первых листовок, которые кому-то стали мозолить глаза. Показательно, как нерационально и невнимательно относился головной штаб к тому, что происходило на окраинах кампании. Хочется верить, что в самой Костроме с этим было лучше.

Также у нас были проблемы с финансированием, я все время натурально умолял прислать еще денег. Дошло до того, что в какой-то момент целую неделю мы жили в долг (!) в гостинице этого единоросса. На нужды кампании я занимал даже у Сергея Васильченко, и хоть мы всё потом отдали, ситуация все равно была крайне неприятная. Волонтеры зачастую даже оплачивали бензин, среди них были кредитоспособные люди и бизнесмены. Но такое ощущение, что в Костроме не особо сильно пеклись о нашей судьбе. Однако к концу кампании финансирование все же более-менее наладилось.

Из Костромы к нам регулярно придирались по разным мелочам. Мы называли их «полиция моды»: то куб у нас чуть-чуть помят, то он стоит под наклоном или вообще флаги почему-то не развеваются. Костромские «нувориши» долбили меня в общих чатах, что с эстетической точки зрения наши фотографии не соответствуют эталону. Бомонд совершенно не понимал, в каких спартанских условиях мы находились. Как далеки они от народа! В 2015 году, напомним, Фонд борьбы с коррупцией был уже клановым предприятием, где вся власть была у двух семей: у семьи Леонида Волкова с Анной Бирюковой и семьи Рубанова-Марус, двух ведущих топ-менеджеров и двух ключевых руководителей подразделений. Под Марус набирал силу так называемый Женсовет, против которого никто не мог выступить, поэтому приходилось каждый раз считаться с их мнением. Эта группа постоянно всех третировала по визуальной составляющей в любой работе. И один из скандалов произошел в Шарье на встрече с Ильей Яшиным, где мы вместо того, чтобы поставить агиткубы на землю, смонтировали их на сцене. Казалось бы, на той встрече людей было столько, сколько Яшин в Костроме даже не собирал, но кубы стояли не по ГОСТу. И за это к нам были придирки: в конце мероприятия

Волков сказал, что такая хорошая могла быть встреча, но все пропало из-за неправильно установленных чертовых кубов!

На первую встречу на северо-востоке области Яшин вместе с охранником и медиа-группой приехал в ореоле пафоса в крохотный районный центр Паназырево. Илья был сильно раздражен долгой дорогой из Костромы, хотя многие наши волонтеры мотались за ночь туда-обратно, а потом снова выходили на агитацию. Но Яшин оказался нежным нарциссом. Сначала он напихал своему аппарату и секретарям: «А где все люди?»; потом очередь дошло и до меня. Но я тут же осёк его: если ты кандидат, это не значит, что в такой оскорбительной форме можно разговаривать с волонтерами. Мы обошли здешнюю деревню три раза, заходя в каждый дом, и если люди к Яшину не хотят идти, то они и не приходят. В дальнейшем, впрочем, молодой политик стал вести себя гораздо скромнее, почти как мальчик-одуванчик, особенно поняв, что здесь никто носить на руках его не будет. И после Паназырево у нас установился паритет в отношениях.

В этом Паназырево было очень колоритное местечко для проведения встречи: старенькая церковь, а рядом паслись коровы. Для нас это был привычный вид, но Яшин с охранником долго ходили и осматривались. Увидев бычка, который пошёл на них, двухметровый охранник Андрюша буркнул ему: «Сейчас в рог дам», и даже изобразил удар, как бы он пришёлся по голове бычку.

Мы агитировали неистово, но народ всё равно очень плохо реагировал на встречи с Яшиным. Волков каждый раз вопрошал, где фотографии с людьми и почему у нас нет ни того самого медийного контента, ни твитов? Тогда он произнес фразу, которая стала квинтэссенцией всего отношения: «Нахрена мы вас отправили в эти перди?!» Мы должны были гнать контент и фотографии. Сильно удручало, что, по мнению Волкова, мы поехали туда только ради этих фоток с двадцатью бабушками со встречи Яшина, а не ради агитации и работы с населением, не ради перспективы на будущее. Мы, конечно, с этой установкой внешне смирились, делали необходимые фотографии, параллельно решая наши гражданские задачи.

На встречи с Яшиным нужно было хоть как-то собирать людей, и однажды мы поняли, как это сделать. Особенно тяжело было в Павино, в Георгиевском: молодёжи там не было, а если и была, то все были категорически против нас. Поэтому мы составляли списки одиноких пенсионеров, которые шли с нами хоть на какой-то контакт, за час до встречи объезжали их и на машинах же свозили к месту встречи - иначе многие из них просто бы не дошли. И вот в Павино приехал Яшин со своим охранником Андрюшей. Андрюша ходил вокруг и щеголял пистолетом, зачем-то перезаряжая его. Рядом крутились немецкие журналисты из Deutsche Welle, которые снимали всю нашу колоритную кампанию. На встрече было аж 15 человек - невероятный успех по местным меркам. Думаю, со времен Ленина никто не собирал столько же, народ уже ни в кого не верил. После встречи нам нужно было развести наших бабушек по домам и мы посадили их в машины. А Яшин решил показать под камерами, как он садится в машину и уезжает. Выбрал первую попавшуюся машину, отрывает затонированную дверь и видит, что на заднем сидении расположились три старушки, которые с полной растерянностью

смотрят на Яшина. Происходящее продолжает снимать Deutsche Welle. Казалось, Яшин действительно думал, что эти все люди приходят ради него. А народ просто тянулся к волонтерам, кто относился к людям по-человечески. Каждый раз мы обходили буквально каждый дом, за руку выводя нищих забитых людей, чтобы они послушали этого никчемного московского мажора. Полный сюрреализм, и люди это чувствовали. Но зато у нас, счастье какое, появились хорошие фотографии! (Кстати, в Кологриве мы вообще собрали аж 30 человек, что с удивлением отмечали даже местные старожилы. Московской оппозиционной богеме точно никогда не понять наших локальных радостей и успехов.)

В самый разгар кампании случился серьёзный инцидент в Павино - напали на нашу агитационную точку. У нас стоял агиткуб с флагами, рядом грузовичок, на котором мы развозили агитацию, и двое волонтеров. На ребят напала группа лиц в камуфляже и татуировках, такие местные пьянчужные маргиналы, «по синей волне» решившие разобраться с нашей агитацией. Они с ножом требовали отдать все флаги и куб. Наши ребята упёрлись и заявили, что ничего отдавать не будут. Грузовичку порезали шины, волонтеры сразу с нами связались, и я, слава богу был недалеко, где-то в километрах шестидесяти. Мы помчались к ним, а они пока вызвали полицию, однако эти люди угрожали им и при полиции. Когда я приехал в Павино, то достаточно эмоционально стал выяснять у полиции, почему они до сих пор не задержали самого главного зачинщика, который как раз был самый нетрезвый и бегал с ножом. Сотрудник полиции только разводил руками. В этот момент он бросился на меня, но драка не завязалась. Потом нас всех отвезли в отделение полиции. Наш грузовичок уже не мог никуда уехать сам, а под окнами отделения собиралась толпа в 20-30 местных мужиков — группа поддержки, которую экстренно мобилизовали. Полиция ничего особо не предпринимала, и я, понимая, что дело дрянь, набрал Леониду Волкову и рассказал ему всю нашу ситуацию. Но вместо того, чтобы как-то поддержать или дать практические советы, он как будто включил аудиозапись: Леонид начал рассказывать про концепцию нашей кампании, про особенности применения политтехнологий на сельской местности. Я слушал эту речь минут семь, пока тот пьяный зачинщик отчаянно тыкал в меня «факи». Понимая, что Волков снова в неадеквате, я его перебил и говорю: «Лёня, нас сейчас тут убьют, наверное». Он, видимо, придя немного в чувство, сказал: «Ну ОК, я сейчас пост напишу про это». На этом мы и попрощались. С горем пополам мы выбрались из Павино, а Волков написал пост «Павинская народная республика», про нас там было ровно три строчки. Чем не повод для гордости?

Работа нас ждала большая и тяжелая, территориальный охват был колоссальный. Все райцентры были далеко разбросаны, расстояния выматывали физически, а дорог почти не было. Как-то мы ехали по одной такой разбитой ухабистой дороге с Сергеем Васильченко, и он мне говорит: «Посмотри, там собаки». Мы смотрим в сторону заброшенных, покосившихся домиков и понимаем,

что это не собаки, а волчья стая, которая какое-то время даже бежала параллельно с нами. Там было весьма колоритно. Места дикие, нехоженые.

Приехав в Кострому, я увидел, что ничего не готово, никакой предварительной работы проведено не было: не было ни аналитики по Шарье, ни инфраструктуры, никакого жилищного фонда для сотрудников штаба, ничего. Всё приходилось решать на ходу. Получив последние напутствия от Рубанова и взяв деньги на предварительное время, чтобы нам было на что вести кампанию, мы отправились дальше на восток – в Шарью.

Шарья потрясала. Город практически целиком состоял из двухэтажных деревянных бараков, в некоторые даже страшно было заходить, бараки тянулись от вокзала до самого центра. Недалеко был посёлок Ветлужский, где стояли четырех- и пятиэтажные дома более-менее новой постройки, работал градообразующий завод «Кроностар», было хоть что-то похожее на цивилизованный мир. Но мы быстро привыкли и к шарьинской глуши.

Целую неделю мы посвятили этой встрече, кинув все силы на приглашение людей. Волонтеры ходили по деревянным баракам, где воняло канализацией, фекалиями и, казалось, можно было запросто провалиться в преисподнюю на прогнившей лестнице. Покосившиеся двери часто открывали хмурые, недоброжелательные люди такого вида, что некоторые до сих пор сняты в страшных снах. В команде у нас был волонтер Геннадий, воспитанный и интеллигентный, он долгое время жил в Европе и привык к совершенно другому уровню жизни. И вот однажды его буквально стошнило, когда мы вышли на свет божий из одного из таких бараков.

Если бы кто-то еще в 2016 году сказал, что вот-вот появится целая армия автономной молодежи, готовой выходить на Тверскую улицу «за мем с ютуба», этого человека назвали бы сумасшедшим и срочно отправили лечиться в Швейцарию. «Тусовочка» всё больше сжималась, рост количества волонтеров Фонда и членов Партии прогресса стабильно показывал отрицательную динамику. Любой мало-мальски дельный новичок воспринимался как манна небесная и тут же подключался к проектам. Определенную роль для подобного пессимизма сыграли все общественные проекты 2016 года - Барвиха, подготовка и участие в выборах в Госдуму РФ, окончательно развалившаяся после «Касьянова дня» «Демократическая коалиция». Молодежь, казалось, была где-то в своей реальности на YouTube, старшее и среднее поколение протестующих, понабивав красных шишек в предыдущие циклы, всё более уходило во внутреннюю миграцию и абстрагировались от Навального. После бездарного профукивания всех результатов мэрской кампании 2013 года у думающих людей было полное право на подобный скепсис. Провалы всем изрядно надоели.

После 12 июня у волонтеров появилось уже стойкое недоверие к московскому избирательному штабу. К этому дню готовились капитально: с волонтерами на протяжении целой недели работали, готовя их к «сливу» согласованной площадки 12 июня психологически, заведомо понимая, что, скорее всего, в итоге будет перенос площадки с согласованного властями проспекта Сахарова на несанкционированную Тверскую. Были укомплектованы три группы: группа безопасности, навигации и раздачи агитационного материала. Всего в процесс было вовлечено около ста человек, прежде всего активных волонтеров, которые ранее не принимали участия в кампаниях Алексея Навального. Это были активисты новой волны, которые только открыли для себя оппозиционную политику. Именно они в итоге оказались обмануты. Все их усилия, вся подготовка, все проведенные тренинги – все оказалось зря. Это была такая пыль в глаза, попытка показать какую-то внешнюю работу на фоне глубочайшей стагнации кампании.

Но люди почувствовали фальшь. Многие, не будучи глупцами, были крайне разочарованы и в дальнейшем уже не принимали никакого участия в инициативах кампании. Их, безусловно, можно понять.

До Леонида Волкова доносили мысль, что следовало бы детально продумать тактику ухода с проспекта Сахарова или подготовить людей к срыву акции заранее. Но он полагал, что та достаточно сомнительная история с отказами подрядчиков при довольно несложных технических требованиях должна была подействовать на публику положительно. Прежде всего на ту часть «истинно уверовавших», которая уже не видела никаких политических и мировоззренческих ориентиров, кроме Навального, и совершенно не хотела разбираться в нюансах кампании. Они-то и «съели» историю о неизбежности переноса акции с проспекта Сахарова.

У тех же, кто пытался разобраться в проблеме, осталось много вопросов, ответы на которые они так и не получили. В штаб действительно приходили молодые люди, задававшие вопросом: неужели оно стоило того, чтобы переносить с Сахарова на Тверскую улицу? Зачем было вписываться в очень сомнительную историю, сорвав гуляния реконструкторам? Этим подходом, кстати, были возмущены не только сами реконструкторы, но и сторонники. Они справедливо полагали, что если мы собираемся строить «прекрасную Россию будущего» и говорим об этом каждый день, то так нельзя поступать с теми, кто готовился к своему фестивалю около года. А мы им, собственно говоря, все испортили. В общении с молодежью, приходящей в штаб, руководство кампании требовало придерживаться жёсткой позиции, заключавшейся в том, что не было другого выхода, кроме как перенос.

Общество тогда было стравлено: люди, которые пришли без политических целей на Тверскую, – все те, кто участвовал в этом фестивале реконструкторов, столкнулись с активистами, которые явились для выдвижения своих политических требований. Многие из них делали это в достаточно недружелюбной манере. Это была та самая новая волна сторонников, готовая к более радикальным протестным действиям, в угоду которым и решил поступить Навальный. Но в итоге прогадал.

Внутренняя социология московского штаба показывала, что основной актив сторонников на Тверскую так и не вышел, все оказались дезориентированы. Люди с проспекта Сахарова уходили разочарованные и мало кто отправлялся оттуда на Тверскую. Они так и не получили своевременного оповещения после принятия решения о переносе вечером 11 июня.

Максим Марцинкевич «Тесак» , политик («Деструкт», «Реструкт»)

[в книге Деструкт отсутствовали некоторые важные истории из аудиоверсии, полный текст найти не удалось. Очень много ошибок при смене формата, прошу отнестись с пониманием]

Первого сентября я пришёл первый раз в колледж - учиться. Пришёл в камуфляжных штанах, в тяжёлых ботинках с белыми шнурками, в камуфляжной куртке, с бритой головой.

Ищу свою группу. Я, естественно, не вникал в организационные дела, поэтому на линейку решил не ходить, вместо этого поспал подольше и появился где-то к двенадцати. Где там эта группа, что их искать надо? Я знаю, что у меня ПД, я учусь на проектировщика, группа ПД21, вроде как. А там и ПД21, и ПД22, я их перепутал, пришёл в чужую группу, уселся за парту первую, думаю: «Так, я в очках, надо косить под интеллигентного парня, чтобы учителя сразу прониклись, ставили хорошие оценки и тогда не придётся много въёбываться». Сижу, на меня косятся ребята — обычные мальчики, девочки. Тут появился скинхед в камуфляже. Какие-то девчонки подошли ко мне поздороваться, там девчонок шесть училось.. Пришёл в эту ПД21, а другое помещение, и прямо с порога вижу: в классе сидят два скинхеда, явные: ботинки, подтяжки, побритые наголо, один в очках сидит, с иллюминаторами, такие толстые очки, большие. Второй — обычный парень, но видно, что агрессивно настроенный. Мне сразу на учёбу стало похую. Тем более, колледж, 1 сентября, никто не учится... Пошёл на проектировщика. Понимаю, что девок придётся брать в других группах.

Естественно, после занятий пошли знакомиться с группой, сели в дворик, сидим, общаемся. Все сразу пиво похватили, пьют, скины пьют. Мне стало не очень интересно с ними тусоваться, поехал домой. Так день и закончился, я даже не запомнил, какие там пары были, занятия меня сильно не заинтересовали.

Приезжаю домой, тут ко мне приползает мой дружок Тёмыч. А Тёмыч в этот первый день, 1 сентября, должен был идти в институт. Но в институт ему идти было лень, сказал матери, что «мне чуть попозже», мать ушла на работу, он поспал и ретировался ко мне, чтобы, когда мать придёт с работы, его там не оказалось. Потом он ей сказал, что ходил в институт. Хитрый план.

Пришёл Тёмыч, посидели с ним, поиграли в Героев Меча и Магии, пошароёбились по улицам, так прошло 1 сентября.

Я буквально в первую неделю сдружился со скинхедами. Одного звали Гога. Я сначала не мог понять, как это могут правого человека, нациста, звать Гогой. Потом оказалось, что его зовут Лёша, а Гога — это у него кличка такая, из-за очков он похож на Гогу из мультфильма «Чёрный плащ». Гога, друг Гусёны, гнусавый. «Гусёна, куда ты побежала?». Второго звали Сипыч. Он был футбольный фанат, хулиган, гонял за «мясо», и вдобавок скинхед. Больше никого не было. С нами стали тусоваться ещё несколько ребят, среди них - Лёха Абрамкин, он не был

скинхедом, был репером; надо сказать, что ни чурбанов, ни косых, ни какие-либо другие национальные меньшинства он не любил.

Поэтому стал тусоваться с нами, с нами было весело. На переменах обсуждали национал- социализм, расизм и приставали к девушкам. Хотя на уроках я притворялся ботаником, старался записывать внимательно за учителями. Узнал, какие предметы поважнее, быстро понял, что если ведёт деканша - то надо слушать, если ведёт какая-нибудь ебанашка в платье слушательницы «Радио Радонеж» - то можно не обращать на неё внимание.

Я оказался на довольно хорошем счету учителей. Они, может, и не понимали, что означает моя одежда - потому что проблему скинхедов «в миру» не то, что не поднимали, её всячески старались замолчать. Как-то по телевизору объявили, что «сейчас будет передача про скинхедов» - все сразу поехали по домам. Мы даже прогуляли лекции, пары, поехали смотреть. Показывают передачу про нацистов в Воронеже, которые избили какого-то репера, он оказался в реанимации. Показывают ментов. Те твердят: «Нет никаких скинхедов, то, что говорят, что скинхеды существуют в России - это всё враньё. Есть просто хулиганы, никаких нацистов в России нет и быть не может, потому что Россия победила фашизм, соответственно, это всё — глупость и несусветная чушь!».

Меня это тогда так возмутило. «Как это нет нацистов, а я — кто такой? Несколько лет хожу в ботинках, камуфляжных штанах - как нет нацистов? Что это мент глупый говорит?». Я когда был маленький, не понимал ещё, что это хорошо, что мент так говорит, что ещё не созданы департаменты по борьбе с экстремизмом. Меня это возмущало.

В это же время, буквально в начале сентября, мы с моим другом, Стасом, решили замутить полочный бизнес. То бишь, решили делать полочки для специй. На кухне у всех такие есть, маленькие полочки, чтобы ставить на них маленькие баночки. Полочка стоила на тот момент рублей 100 в магазинах, а себестоимость была 5 рублей, это круче оружия и круче наркотиков. Не нужно было прилагать больших усилий, чтобы её сделать, а буквально выпилить несколько планочек. Предложил мне эту идею папа. Мой папа — известный бизнесмен, нечто типа небезызвестного священника отца Фёдора из книжки «12 стульев». О его «коммерческих успехах» я сделаю специальное отступление...

Своего отца я называл «Гомер Симпсон» всю жизнь, хотя он похож и на Гомера Симпсона и на отца Фёдора. Почему я его так называл? Потому что в «Симпсонах» у папаши в каждой новой серии - новый бизнес, помимо работы на атомной станции. Так и мой папа. Когда он был молодой, одно время подрабатывал, чтобы купить себе хоккейные коньки, на мясокомбинате - то ли грузчиком, то ли мясником, таскал туши и рубил. Купил себе коньки. Потом он пошёл работать инженером по специальности, разрабатывал какую-то форсунку для дозаправки самолётов в воздухе. Но началась перестройка, и мой папа ударился в коммерцию. Началось с того, что он стал разрабатывать счётчики для птицеферм, они должны

были считать яйца, которые прокатываются по желобку. На птицефермах – это любому человеку понятно – воруют яйца дико и все, кому они могут попасться в руку. И если не посчитать, то потом спрос уже бесполезен. Папа у меня, естественно, с высшим образованием, инженер. Дядя у меня тоже с высшим образованием, тот вообще программист. Они с папой давай это разрабатывать. Из фольги сделали лапки, между которых прокатывается яйцо, эти лапки замыкают контакты, если засчитывается — единичка, потом — двоечка. Техника на грани фантастики, конец 80-х годов. Естественно, они думали, что заработают миллион долларов. Разработают это счётчик для яиц, внедрят его в производство и начнут продавать на птицефермы, дико озолотятся, и затем будут жить долго и счастливо. Оказалось всё не так. Птицеферма купила один всего счётчик, и тут же сделала по его образцу десяток таких же, заплатив отцу только за один. По сути, у отца украли идею, потому что патентовать её им с дядькой было лень или невдомёк, что это надо сделать. В общем, стать миллионерами на счётчиках у них не получилось, но энтузиазма от этого у отца с дядей меньше не стало – насколько я помню своим детским восприятием.

Потом у папы с дядей был другой проект: они решили торговать мясом. План был таков: поехать в провинцию, закупить там мяса перед Новым Годом и продать его в Москве. Поехали, но в том городе, который они выбрали в качестве сырьевой базы, мяса не продавалось – потому что к тому времени всю скотину забили, и полученный продукт отвезли в магазины. То есть мяса у производителя купить не получилось, а то, которое продавали в магазинах – стоило столько же, сколько и в Москве. Делать нечего, собрались уезжать – но тут заметили в магазине бенгальские огни, которые стоили просто копейки, и отец с дядей просто не могли их не купить. Накупили на деньги, предназначавшиеся для закупки мяса, бенгальских огней. Посчитали, что наварят в три раза. Вернулись с ящиками этих бенгальских огней в Москву. Надо их продавать. Папа постарше, похитрее – поэтому он отправил дядю торговать этими огоньками бенгальскими. По идее, перед Новым годом они должны были быть нарасхват. Тогда только-только открылась станция метро «Крылатское», мы туда переехали. Ходит дядя по платформам, предлагает людям бенгальские огни. Сзади ходит папа и смотрит, чтобы ничего не случилось. Видит: мент ходит по платформе по пятам, вроде ничего не делает, ждёт. Как ты будешь торговать, если мент за тобой ходит по пятам? Вроде сели, ждут, или мент уедет, или ехать домой. Мент подошёл. «Да не, вы не думайте, я не буду вас арестовывать, я хочу домой огоньков бенгальских купить».

Потом папа взялся клеить ремни. Из дерматиновой ткани с помощью клея «Момент» получались кожаные ремни «высшего сорта». К ним приделывалась пряжка и они продавались в магазинах. Швейная промышленность тогда не в стране была на дореволюционном уровне, вернее, на «дорыночном». С этих идеологических рельс – «выпустим 5 тысяч тонн платьев за этот год» – страна ещё не перешла, производство не было заточено под конкретные нужды потребителей, главным был «вал»: надо выпустить 5 тысяч тонн платьев – и всё, носите кто что хочет, но только зелёные. Вообще, в Москве очень велика была

потребность в качественных модных вещах. Поэтому получилось так, что папа со своим другом начали клеить эти ремешки, и дело поначалу пошло: клеили они их за копейки, но в день выходила зарплата инженера на каждого. Поработал так папа месяц и решил уволиться со своей основной работы, потому то глупо ходить инженером за копейки, а вечером подрабатывать в 30 раз больше. В итоге пришёл на работу, послал начальника в задницу: «Всё, я ухожу» - и свалил. Не стал больше мой папа инженерить, с тех пор он крутится на ниве частного предпринимательства.

Впрочем, папина эпопея с ремешками почему-то очень быстро закончилась, и папа стал заниматься челночеством, то есть ездить в Турцию, привозить оттуда носки, трусы, сарафанчики, тапочки, платья и продавать их на рынке в Лужниках. Вот это деньги приносило нормальные. Вся квартира была заставлена челночными баулами. Такие здоровые баулы стоят, все коридоры забиты, комнаты. Мы там с сестрой играли, с соседями, Женькой и Серёгой, дрались, прятались в них, мягкая мебель по сути. По вечерам у нас с сестрой была обязанность эти деньги пересчитывать, которые папа с мамой зарабатывали, потому что они оба торговали на рынке. По вечерам пересчитывали, складывали ровной стопочкой и отдавали. Мелочь мы забирали себе, потому что зачем мелкие деньги крутому бизнесмену?

Потом папа начал возить кожаные куртки. Их возить выгоднее, они не занимали всю комнату. Кожаные куртки из Турции, из Польши. Нормально сначала шли дела.

Потом частный бизнес стал укрупняться, мелкие «челноки» стали себя хуже чувствовать на рынке. Крупные, соответственно, стали себя чувствовать лучше и лучше. Папу постепенно из этого бизнеса вытеснили. Папа, когда приезжал в Турцию, не старался выбрать модель поновее, помоднее, покачественнее, он там отдыхал. Он начинал отдыхать, когда садился в поезд, и заканчивал, когда выходил из поезда или самолёта. В связи с этим привозил много брака, всякого говна, которое не покупали. Осень весело было, когда я гуталином закрашивал потёртости, нитками зашивали дырки, маркерами чинили, клёпки на супер-клей приклеивали, которые отваливались. Все прелести мелкого торговца я познал в детстве.

С куртками не срослось, закончилось это сладкое время, когда папа привозил мне блоками жвачки «Турбо», «Типи Тип» и «Лав из...» каждый месяц. Решил папа поиграть в «МММ». Купил много акций на тысячу или две долларов, они выросли в 2 раза, хорошо, хватило ума эти вложенные доллары забрать, и он стал ждать, когда к нему потекут деньги. По всем каналам «Лёня, ты не халявщик, ты партнёр», по телефону если с утра набираешь 100, сейчас просто сообщают точное время, а тогда сперва говорили курс акций «МММ», а уж только потом объявляли время.

Папа с утра просыпался, звонил 100, узнавал, сколько денег он заработал за ночь, и спокойно продолжал отдыхать. Но очень скоро его отдых закончился...

Как-то однажды мы поехали отдыхать на Кармановское водохранилище, ловить рыбу – на несколько дней. Там, естественно, папа слушал по радио, сколько денег он заработал. Но в один день оказалось, что он потерял несколько тысяч долларов, потому что курс «акций» МММ резко упал вниз. «Блин, надо резко ехать в Москву!»; папа надеялся, что, может быть, акции ещё поднимутся назад - потому что как это они могут упасть? Это в его голову не укладывалось. Но на следующий день они упали ещё больше. Папа не выдержал, на следующий день мы собрали удочки, уехали в Москву. Но все заработанные деньги, по сути, он просрал. Пирамида рухнула, «МММ» прибыли не дало.

После этого папа загрустил, и одно время занимался тем, что развозил мебель. Кухонные уголки развозил на машине по заказам. Денег это приносило немного, но папа у меня - умелец на все руки. «Смысл? Я буду эти уголки возить, может я сделаю один, и, таким образом, получу больше денег? Дело серьезнее, солиднее, надо делать уголки».

Заморочился. Снял подвал в районе Филёвского парка и давай там оборудовать помещение для производства уголков. Но, чтобы выпилить один хотя бы, надо покупать деревянные щиты. Щиты же дорогие, надо сэкономить, сделать деревянный щит самому. Он купил доски, сварил струбцины из швеллеров, тренировался клеить эти щиты самопальные, не получилось. Купил готовые. Ебался, ебался, сделал уголок. К уголку прилагались табуретки. Две к каждому. С точёными ножками. Мы их тоже сделали. «Мы» я говорю, потому что я тоже иногда приходил после школы и папе помогал. Всё-таки бизнес. Собрал папа один уголок с трудом, поехали, собрали на месте, получили деньги.

Папа обрадовался. Но «что-то эти уголки долго делать, нудно и нерентабельно. Надо знаешь что, сын? Надо делать только табуретки». Забросил он производство уголков, оставил только токарную комнату, где стояло два станка, для ножек и поперечин. Я стал после учёбы, 8 или 9 класс был, приезжать к папе и точить эти табуретки. Вместе мы делали, деда припрягли, семейный бизнес. Потом он их склеивал и развозил по магазинам. Где-то полгода табуреточный бизнес процветал, мы переехали летом на дачу. Потому что лето, снимать за деньги помещение смысла нет. На даче у меня был план, сколько я должен выточить ножек в день. Поперечины и ножки. И мы стояли там, все в опилках, точим. Выгодно, замечательно. Покупаем на строительном рынке доски, на фуганке их стругаем, на циркулярке распускаем на бруски, под размер. Вытачиваем, шкурим, кроем лаком, сверлим дырки, собираем и продаём.

Но тут папе пришла в голову гениальная мысль, что табуретки можно делать не сосновые, а дубовые, и тогда они получаются в 5 раз дороже, а делать их так же. Стали делать. Но это занимает время, тяжело. Папа же инженер. Решил сконструировать токарный станок, который будет ножки точить самостоятельно.

Без помощи человека. Привлекли дядю, стали делать токарный станок с программным обеспечением. Закрылись у моей бабушки дома, в комнате. Сидели, месяц работали, естественно, бухали. Какой смысл? На трезвую голову ничего не идёт, это не интересно. Почти собрали станок, сварили станину, чтобы ничего не тряслось, всё красиво, интересно. Станок точит, но даёт много выбоин, шкурить очень долго, табуретки получаются некрасивые, не так, как руками сделать. Доработать оставалось немного, и вот она, золотая жила! Но надоело... Бросили это на полпути, бросили, до сих пор этот станок на даче валяется. С программным обеспечением, который может выточить заготовку для табуретной ножки....

После счётчиков для яиц папа одно время занимался тем, что они с дядей переделывали мониторы в телевизоры, потому что был период, когда мониторы были дешевле телевизоров. Они покупали пульт управления, блок переключения каналов, переваривали - и из мониторов получались телевизоры. Это было долго, нудно и не очень выгодно.

Тогда мой папа решил торговать радиоприёмниками. Купил конструкторы для радио. Детские конструкторы «Собери сам» для продвинутых детишек. Там можно собрать радиоприёмник. Конструктор, допустим, стоит 2 рубля, а продать ты его можешь за 10. Выгода в 5 раз. Собрали один, он шипит, ни хрена не ловит, вроде паяли, всё как надо. Шипит, не работает. Собрали второй, он работает, но тоже проблемы. Третий — та же хуйня. Понятно, что это конструктор детский, не предназначен для зарабатывания денег.

Стал папа бросаться в крайности – к примеру, однажды воздушных шариков накупил. Принёс домой 1000 воздушных шаров, и говорит: «Я всё продам, это к празднику, выгодно». В итоге я почти год мог лопать сколько угодно воздушных шаров и они никуда не девались. Их можно было надевать на руку, оттягиваешь на запястье резинку, надуваешь его, и можно было стрелять разными бумажками. Бумажку в руку берёшь через шарик и можно играть.

Когда шарики кончились, моему папе пришла в голову мысль торговать презервативами. Они были крайне редки в тот момент, был дикий дефицит, 90-е годы. Привёз домой 1000 презервативов. Пришёл сосед, стал ржать: «куда тебе столько, ты свои силы не переоценивай!». Мама тоже смеётся. Презервативы тальком присыпаны, поставили у меня в комнате за дверью. Я посмотрел: похожи на воздушные шарики, только какие-то странные, некрасивые и формой чуть больше напальчника, не понял назначения и почему сосед смеётся. Понял, что папа собирается продавать их в аптеках. Но в аптеках их не брали, потому что документов не было. В итоге в презервативы я наливал воду и бросал в прохожих. Так где-то 1000 штук я и истратил.

Потом папа торговал вафлями. Купил специально вафельницу. Посадил маму, она пекла вафли, он собирался торговать на улице. Тогда это было модно. Надо было собирать много документов, получать справки, лицензии, чего он, конечно, делать не стал, поленился. Таким образом, вафельная эпопея закончилась, так по-настоящему и не начавшись...

После неудачи с программируемым станком для табуреток папа решил снова торговать мясом, с соседом по даче, дядей Володей. Они на машине стали уезжать в дальнюю деревню, покупали корову, телёнка, свинью, разделявали прямо там и

привозили тушу. Нормально расходилось, соседи покупали, да и нам собаку надо было кормить костями, жилами, мясом - но прожить с этого оказалось крайне трудно и даже невозможно.

Что-то у папы не росло, жили реально бедно. В холодильнике только мясо, которое он привозил, и квашеная капуста. Больше ничего не было.

Потом, после того, как мясом папе торговать надоело, он решил пойти работать. Но не на завод же ему идти? И не инженером - мало платят. Стал он собирать шкафы-стенды, это приносило долларов 50-70 в день, по тем временам уже деньги нормальные. И по вечерам мы с папой сортировали шурупы, которые оставались от сборки, это было довольно интересно, шурупы всякие-разные, разных форм и размеров, крепления, их много. Полный шкаф был забит ими. Папе скоро надоело эти шкафы собирать, он стал искать что-то новое, и на одном из объектов, где собирал шкафы, познакомился с мужиком, который целиком делал евроремонт. «А что ты шкафы только собираешь?

Может ты ещё что-то умеешь?» папа договорился с этим мужиком, что он будет класть паркет. Мы с ним — паркетчики! Я был тогда в 10 классе.

Приезжаю я с папой на объект, там паркетная доска, хорошая, дубовая. Раушская набережная, квартира шестикомнатная. Заходим в помещение.

? Максим, скажи мне как паркетчик паркетчику, ты паркет класть умеешь?

? Да, я, не очень...

? Давай инструкцию читать.

Читаем инструкцию. «Подложите подложку, плавающим методом. Паркет надо постелить стык в стык, здесь поддуваете». Понятно, надо выравнивать стяжку, чтобы всё

было по уровню. Только собрались мерить, заходит плиточник Витька. Он говорил только матом, другим языком не умел.

? Хули вы выёбываетесь? Эту поеботину напиздярить и попиздячили, попиздячили! Метры главное гнать, вы что? Не выёбываете? Хули выёбываться и пизду гладить?

Из чего стало понятно, что не надо измерять уровень пола, надо стелить паркет прямо так, никто не заметит. Мы решили послушать профессионала и прямо в первый же день забубенили 15 квадратных метров паркета. Постелили, приехали на следующий день, обрезали плинтуски, мы теперь паркетчики. Где-то с полгода мы работали так паркетчиками. Я после школы или вместо школы ездил с папой стелить паркет.

Потом папе стало интереснее. «А что только паркет класть? Можно ещё работу брать!». В итоге я приезжал и громил квартиры. Выносишь все стены, стёкла, отрываешь полы, а если надо, то и батареи, раковины, унитаза, ванны. Это интересно первый час или два, когда квартира превращается в руины. Потом это надо выносить на помойку. Это очень нудно и скучно. Этим мы тоже занимались. После ремонта квартир мы стали заниматься тем, что клали дубовый паркет, штучный, в коттеджах. Это было более ответственное занятие, один раз постелили дубовый, штучный, на мастику, в посёлке Луч, в нескольких километрах от колцевой. Приезжаем на следующий день, весь паркет вздулся, разбух, досочки начали сворачиваться. 20 квадратных метров запорото. Нам повезло, что через день это всё высохло и паркет распрямился. Стелили паркет.

В это время я уже пошёл учиться в колледж. Моя бурная деятельность с бизнесменом- папой подошла к концу. Папа и говорит: «А что ты полочками-то не займёшься? Я табуретки делал, это выгодно, а полочки себестоимость 5 рублей, цена на рынке — 100.

Если вы будете продавцам сдавать по 60-70 рублей, то выгодно будет всем. Делать практически ничего не надо». Я послушал, говорю другу Стасу:

? Стас, давай, у моей бабушки в доме престарелых можно получить помещение, - потому что моя бабушка работала в отделе кадров, - давай возьмём, потом возьмём старух и стариков, те, кто вменяемый, будут нам делать полочки, это не трудно. Будем получать целую кучу денег, это круче оружия и круче наркотиков.

Где-то пару месяцев у нас был именно такой девиз. Забрал с дачи станки у папы, лобзик взял, сверлильный станок взял, плюс к этому, решили мы со Стасом взять в долю компаньона. Компаньон — дебиловатый парень по-кличке Гошан. Очень опасный, здоровый был и глупый. В то же время очень агрессивный и богатый. Взяли его в долю, ему очень хотелось быть бизнесменом, потому что бизнес — это круто, престижно.

Поехали с ним на дачу забирать инструменты. Идём по дороге, Гошан над нами прикалывается, отказывается тащить циркулярку, станки, лобзик, арматуры.

? Что ты, Гошан, нам не помогаешь?

? Не, ну я же в долю-то не вошёл. Вот когда я буду с вами в доле, тогда я буду носить станки. А так-то вы ж бизнесмены, а я просто так, хи-хи-хи, школьник.

Взяли его в долю, он внёс свои 200 долларов посильные. Приехали числа 5 сентября к бабушке. Она дала ключи от помещения. «Отсюда надо всё вытащить, все инвалидные кресла, матрасы старые, трубы, коляски, утки». Очистили помещение здоровое. Наставили станков, батя привёз досочки, которые спёр на пилораме. Тоненькие, их довольно много, практически на год, полный багажник.

Стали пилить, все в опилках, грязи, но довольные, потому что мы — бизнесмены.

«Сейчас всё наладится, всё отработаем, потом наймём стариков». Выпилили на 20-30 полок материала, решили, что хватит, пора нанимать рабочую силу. Пошли к бабушке.

? Где здесь стариков можно нанять?

? Сейчас приведу желающих.

Нашла какого-то деда, приходит. Весь в орденах, руки за спину, губа нижняя оттопырена.

? Я готов работать.

? Надо полочки точить, надо напилить, прошкурить, и вот тут покрасить.

? Понятно.

? За одну деталь платим рубль. В день можно сделать 100 деталей, вам 100 рублей.

? Дайте мне аванс 50.

И я дурак, не подумал, что авансы давать не стоит, выдал старику 50 рублей. И уехал. На следующий день бабушка на меня орёт:

- Ты что, сдурел? Старик из-за тебя руку поранил, станки сломал!

- Что случилось?

- Он нажрался на эти 50 рублей, поломал оборудование, ему сейчас в больнице пальцы зашивают!

Приехал я в субботу утром на «Молодёжку». Там стоит человек 20 скинхедов на полном палеве, кто-то пиво пьёт, кто-то семечки жрёт. Я купил себе сухарики «Три корочки», мне они очень нравились, копчёные. Сказать, что ждали долго — это вообще ничего не сказать, стояли до самого вечера. Собралась тусовка, обсуждают, как репаков будут бить, часов в 5 приехало подкрепление, нас было человек 50, и ещё человек 150 приезжает. Нас большая толпа, человек 200 рыл скинхедов, все на полном параде, спущенные тяги, цепи, арматура. Двинулись на «Нескафе». Скандируем: «Россия — для русских, Москва — для москвичей!», «А ну-ка, давай-ка, уёбывай отсюда!». Переходим через «Рублёвку», там переход крытый, стеклянный, трясётся. Прямо на ходу парни расстёгивают бомберы, подтяжки спускают, готовятся к бою, цепи на руки наматывают. Выходим из перехода, колонна движется в сторону Крылатских холмов. Тут 4 мента: «Эй! Стоять! Куда пошли?». Я вообще не понял, 4 мента и 200 скинхедов, в них сразу полетело штук 50 бутылок вперемешку со снежками. «А! Погнали мусоров! Россия — для русских! Москва

— для москвичей!».

Хотя на улице и в колледже я был скинхед, но, приходя домой, жил вполне овощной жизнью, даже более овощной, чем другие. Первым делом, я, приходя домой, включал телевизор. Начиная готовить обед и смотрел сериалы. В основном, сериалы шли по СТС. Смотрел я их очень много. Я смотрел «Голову Германа», там у мужика в голове жило четыре типа: чувства, страхи, интеллект и желание. Они живут, воюют, решения

принимают, забавно. Смотрел «Альф», его я смотрел вообще всегда. Он шёл по вечерам, и без него я не мог обходиться, все шутки запоминал. Смотрел «Зелёные просторы», про городского мужика, который ходит в смокинге, его гламурную жену, которые переехали и пытаются фермерствовать. Ещё что-то смотрел, не помню. Если я приходил домой в 2, то часов до 5-6 я сидел, смотрел сериалы. До третьего курса колледжа я любил смотреть мультики, смотрел Диснеевские мультики, по СТС шли, смотрел «Утиные истории»,

«Чёрный плащ», «Чип и Дейл спешат на помощь», я, конечно, понимал, что это не совсем то, что надо смотреть скинхеду, но, тем не менее, они мне нравились. Потом я повзрослел, стал смотреть «Симпсонов», «Утиные истории» уже не вставляли. Но после 5, обычно ко мне приходил мой дружок Тёмыч, он в это время должен был учиться в институте, но, так как ходить ему туда было неохота, он тусовался у меня дома. Мы играли в компьютер,

«Герои меча и магии», смотрели телевизор, готовили жратву. Вечера проходили довольно однообразно, если я не гулял с девочкой какой-нибудь.

Так как я не пил, у меня не было желания тусоваться где-то. Никогда не ходил по клубам, сидел за компьютером, и если бы не моя общественно-политическая деятельность, то я вполне сошёл бы за ботаника. Но получалось, что я всё-таки не совсем ботаник и занимаюсь интересными вещами.

В конце сентября кто-то из знакомых позвал меня на митинг Народной Национальной Партии.

? Что это такое?

? Это партия, нацисты, там Бус — один из главных, он сидел за то, что избил негра, морского пехотинца, очень крутая партия.

? Поехали. Что, когда, где?

? Сегодня вечером, на Горбатом мосту, у Белого дома. Не важно, за что, главное — что нацистский митинг.

? Поехали.

С нами — несколько мясных фанатов, человека четыре, и все скины из колледжа. Выходим из метро «Краснопресненская», нас встречает парень в чёрном пальто, голубых джинсах, повязка на руке. Объясняет, как пройти. Круто. Идём отрядом, подходим. Там стоит шеренга парней, все одеты одинаково, у всех — голубые джинсы, бомберы, нашивки, с флагами. Смотрится красиво, я в первый раз видел, чтобы скины так стояли, одетые в униформу, меня это уже впечатлило. Рядом стоит Партия Свободы. Те стоят, кто в лес, кто по дрова, кто-то пьяный уже. Вокруг ходят человек 30 скинхедов, беспартийных. И толпа старух... Спустились в переход около Горбатого моста, хотели перейти дорогу. Они за ними, догоняют, окружают.

-Что, пидорасы? Попались??

-Мы не пидорасы, мы с работы идём.

Сложили их друг на друга, настучали по головам. Прибегают. Штаны у одного в крови, у другого — рука разбита, но довольные. Время тогда было не опасное, никто сваливать не стал. Стоим, слушаем, как Сухаревский что-то вещает в мегафон, послушали. Митинг заканчивается. Старухи куда-то поползли вместе с Партией Свободы, а все скины колонной пошли с Народной Национальной Партией. Впереди — те, кто в форме. Сзади — те, кто просто пришли на митинг. Мне понравилось, дисциплина.

Построили всех. Бус сказал какую-то речь, выразил благодарность всем, кто пришёл, похвалил за дисциплину. Особенно отметил, что как хорошо повели себя члены ННП по сравнению с Партией Свободы, которые пили прямо на митинге, что это не организация, абольшой притон, и ребята в форме дисциплинированно промаршировали в сторону штаба. А те, кто пришли на митинг, то есть мы, пошли по метро погулять. По дороге поймали какого-то чурбана, прямо только спустившегося с эскалатора. Дико его забили ногами.

«Ну и всё на сегодня». Я никогда не любил акционировать больше одного мероприятия за раз. Я спокойно слился, поехал домой. На этом закончился мой митинг, но началось знакомство с ННП, собственно, этим она меня и порадовала.

Осенью 2001 года состоялся один из митингов ННП «За национальное телевидение».

После закрытия канала «ТВ6» решался вопрос, кому его отдать. И ННП предлагало на митинге отдать канал русской молодёжи. Русская молодёжь должна что-то вещать. Один из скинов колледжевских, по кличке Тонар, вступил в ННП к тому времени, после митинга на Горбатом мосту, он поехал в штаб и вступил. Он говорит:

? Ребята, поехали. Давайте митинг собирать.

? Конечно, поехали.

Подпрягли народу, человек 6. Двинули на «ВДНХ». Пока мы двигались от метро до телецентра, собралась толпа, человек 70. Менты стоят.

? Вы не пройдёте, тут всё перекрыто, ходить нельзя.

? Ладно.

Делаем 50 шагов назад, залезаем толпой в троллейбус, проезжаем мимо ментов, выходим на остановке перед телецентром. Митинг уже заканчивается, опоздали. «Да что- ж такое? Митинги закончились, не вовремя приехали». Едем обратно. Сидит репер. Широкие штаны, велика куртка ему, кепка на лбу, в наушниках. Я один наушник вытаскиваю.

? Слышь, а ты, что? Репер, походу?

? А, что такое?

? Давай сюда плеер!

Наушники выдёргиваю. Надо же доебаться? Моментом вырвали у него кепку, рюкзак забрали, плеер. «Хватит уже грабить человека, некрасиво». Дал ему по ебалу ногой. Его запиздили. «Сука, репер, гондон!». Выкинули его на следующей остановке, едем дальше в троллейбусе. Дальше заходит хач. Раз! Тишина такая. Двери не успели закрыться, он выскочил. Блядь! Не успели! Он съебал. На следующей остановке опять хач заходит. И этот хач не понял всей глубины своей ошибки и остался после того, как двери закрылись. Били его до следующей остановки, минуты три, тело выбросили. Доехали до метро, спокойно разошлись.

«Вот это вот хорошая социальная инициатива». Потому что в этот раз меня не стал никто звать пиво пить, всё благородно. Почти что партийная дисциплина. Это меня очень сильно вдохновило.

Приехали после Колледжа, с нами парень по кличке Фюрер, тоже из Королёва, дрищ, в пальто, в тяжёлых ботинках, как раз тот, который нас встречал перед митингом на Горбатом мосту. Приехали туда, Кузьмич увидел во мне потенциального члена партии, партнёра. Рассказал, что скинхеды — как беззащитные мотыльки, ничего не могут сделать с мусорами и хачами, и поодиночке они сгорят, поэтому надо объединяться и только партия может их спасти. Всем скинхедам надо вступить в ННП, и тогда власть в России будет русской.

Кузьмич был официальным лидером ННП, Александр Кузьмич Иванов-Сухаревский. В тот момент ему было лет 47-50, он отсидел в тюрьме за разжигание национальной вражды, где-то на митинге сказал, что надо всех кавказцев выгнать из России, что-то такое произнёс на митинге возмутительное, и его закрыли. Прожил довольно интересную жизнь, был режиссёром. Снял фильм «Корабль», про наркоту в коробке. Его критики обосрали и зарубили, в прокат он не вышел. В итоге, он забил на съёмки фильмов и стал лидером организации после того, как вышел из тюрьмы. Вообще, организацию они с Бусом придумали в тюрьме, когда там вместе сидели.

Бус сидел немного по другому делу. С друзьями они тусовались на «Горбушке», это были одни из первых скинов. И как-то шёл по Горбушке негр с белой блядью. Шёл, и Бус дал этому негру пизды. Негр упал на лоток с кассетами, потом вскочил, заорал, опять упал. В итоге, негр смотался. Через 2 дня на «Горбушку» приехало «ТВ6» брать интервью у скинхедов. «А кто вы такие, за что вы боретесь? Что хотите?». Интервью дал Бус.

? Мы за белую расу, за Русь.

? А что у вас такое на кулаке?

? Меня негр укусил.

Это увидела белая блядь, которая была с негром. Так как негр оказался морским пехотинцем американским и охранником американского посольства, заявление приняли, блядь указала на человека, которого узнала. Приехали на «ТВ6» мусора, изъяли кассеты, и Буса арестовали. Дело было дико громкое, первое дело в отношении скинхеда, мало того, в то лето в Москве должны были пройти Международные Олимпийские молодёжные игры, и американский президент Клинтон сказал Ельцину, что «если у тебя на улице бьют охранников моего посольства, то я не могу отправить свою молодёжь в Россию». Решили разобраться на самом высоком уровне - и Буса закрыли. А, так как драка была обычная, в общем-то, никаких особых травм нет, то Бус отсидел год, а негр смотался из России.

Адвокат всё грамотно рассчитал и Бус вышел по амнистии прямо из зала суда, отсидев год.

После выхода с акциями прямого действия он решил заканчивать, потому что они ни к чему не приводят, а только отправляют за решётку, в «Бутырке» сидеть мало кому охота, и решил Бус делать легальную организацию. Чем он занялся? Так как он — человек жёсткий, его любили далеко не все. «Будешь отдавать приказы, требовать их исполнения...». Намного лучше Кузьмич, который мило пообщается, не будет ничего требовать, не будет собирать взносы с тебя, заставлять раздавать литературу, клеить листовки. То есть, всё намного проще, веселее, и ты чувствуешь себя значительным человеком, он же вождь! Поэтому была целая категория людей, которые приходили в штаб только тогда, когда Буса там нет. Бус ходил всегда, как скинхед: камуфляжные штаны, ботинки, бритая голова, бомбер. В то время, как Кузьмич ходил по-другому, импозантно. То плащ наденет с перчатками, то шляпу, то ещё что-то. Выглядел, как типичный режиссёр, однако, от него людей это не отпугивало.

В штабе в первый же день я взял несколько номеров газеты «Я — русский», «Азбуку славянских бритоголовых» и «Основы русизма». «Азбука славянских бритоголовых» - это тоненькие книжки, написанные понятным языком, даже чересчур понятным, о том, что должен делать настоящий бритоголовый, как он должен выглядеть, одеваться, кого должен ненавидеть. Было вплоть до того, что

«настоящий бритоголовый никогда не должен оказывать помощь чурбану». Мне бы в голову никогда не пришла помощь оказать чурбану, если тот упал в прорубь, поскользнулся, попал под машину. Хорошая книжка! Её надо всем распространить. Я стал в колледже агитировать её прочитать, прочитало ещё больше народу. Из-за этого, или не из-за этого, количество скинхедов в колледже ещё больше увеличилось.

Тем временем мы со Стасом продолжали строить планы по нечестному зарабатыванию денежных средств, и прекращать их строить были не намерены. Ну не хотелось нам идти на работу, работать охранниками! Охранник - крайне неперспективная профессия, совершенно ненужная и непрестижная. Не получилось у нас вымогать у вьетнамцев деньги за документы? Хрен с ним. С полочным бизнесом тоже не срослось. А вот перепродажа стероидов, которые во «Флексе» стоили 100 рублей, а в колледже я продавал за 300 – всё же какие-то плюсы приносила. Регулярный грабёж китайцев возле колледжа тоже приносил деньги, но не хватало на жизнь.

Мы решили, что нужно ездить по деревням и закупать по дешёвке или красть иконы старые. Кто-то сказал, что есть иконы старые, соответственно, надо их выуживать оттуда.

Для этого Я, Стас, Юрик отправились в Третьяковскую галерею, посмотреть, как иконы выглядят, заодно окультуриться. Пришли, да, вот они — иконы, облупившиеся, совершенно уёбищные, некрасивые, но денег стоят хороших. Что дальше делать? План такой - приезжаем в деревню, подальше от Москвы, заходим в церковь, смотрим, как и что, дальше хватаем и сваливаем. Мы в бога никто не верили, мистическая сторона вопроса никого не интересовала. Ну а нравственная... Чем церковь занимается? Людей наёбывает, людей на деньги разводит, старухи туда всю пенсию относят. Украсть у вора — дело святое.

Как-то бегу я в колледж, в одной руке — тубус, в рукаве — тетрадки запиханы. Я ехал вниз, а наверх поднимался негр. Весь в бусах каких-то обвешан, в юбке, на голове хуета какая-то повязана, и рука с кольцами лежит на перилах. Ага! Я притормозил, достал нож, открыл, негр со мной поравнялся, я перегибаюсь через перила, и ему — хуяк! Нож втыкаю в руку! Бамс! Выдёргиваю и дальше бегу. Сзади крик: «А-а-а!». Орут что-то. Но кто заметил, тот предпочёл проигнорировать, потому что тут у человека конкретно нож в руке был, кому это надо? Негра порезал, прикольно, ему придётся ручку-то подшивать свою.

Частенько стал так акционировать, то нож воткну, то отвёртку. Здесь, конечно, трудно переоценить важность моего открытия в деле пропаганды НС

движения в метро. Что меня очень радовало, я думаю, многие помнят эту запись, она до сих пор крутится со времён моего детства: «Уважаемые пассажиры! В случае обнаружения агрессивно настроенных групп граждан, в том числе, несовершеннолетних, обращайтесь к сотрудникам метрополитена или дежурным по станции». Давайте! Обращайтесь к сотрудникам! Эта запись была сделана конкретно про нас. Сейчас, конечно, звучит уже не так, потому что таких агрессивно настроенных граждан до ебени матери, потому что и чурбанье ходит агрессивно настроенное, но тогда это были или фанаты или скинхеды, да и все фанаты были скинхедами. Это было в метро.

После того, как я выходил из метро, я шёл по дорожке, по которой ходят гуки. Если во время большой перемены мы их долбили и обували, то с утра я делал им подсечки или бил в челюсть. Тут было два варианта: или я прохожу мимо и бью по ногам, особенно хорошо они падали зимой, когда скользко, как кегли, или бил локтем в челюсть, просто сшибаешь его и идёшь дальше. То есть, вроде как акция выполнена, а, с другой стороны, особо не напрягался, они и так понимают, зачем его бьют. Так было каждый день практически.

Она падает, была в очках, очки брызнули. Серёга в это время тянет сумку. Я продолжаю пиздить. Серёга отрывает сумку вместе с ногтями, держала крепко. Но, в виду того, что я пиздил её ногами в голову, сумка осталась у Серёги в руках. Дали по съёбкам. Было нас там 5 человек: я, Лёха, ещё 2 парня и Серёга. Съебались, перебежали на другую сторону дороги, открываем сумку, там — паспорт китайский, воздушный рис, кошелек пустой и немного йогурта. Йогурт выбросили, лекарства выбросили, паспорт выбросили, я себе обложку только забрал, потому что она хорошая, кожаная, свой паспорт туда засунул. Иду, воздушный рис ем. Один раз прыгнули, достаточно. Серёга идёт, он походу? денег был должен кому-то.

У нашего колледжа на «Соколе» был парк, где постоянно гуляли мамы с детишками, бабушки с внуками, дедушки с газетами. Как-то мы там шастали, увидели белок. Мало того, что белки там кругом бегали, так они и жрали с рук. Берут с рук орешки, залезают на дерево грызть. «Нельзя ли эту белку схватить?». Схватил и унёс.

Что с ней делать? Продать можно. Пошли в зоомаг, спрашиваем, сколько стоит белка? 2000 рублей. Деньги хорошие. Пошли на следующий день в парк на большой перемене, взяли с собой тубусы, мы же будущие проектировщики. По дороге к парку какой-то хач торговал орехами, забрали у него по горстке орехов, фундука и кедрового ореха. Пришли в парк, там белочки. Только оттуда ушли мамы с дочками, Лёха — раз! Протягивает белке орешек, подманивает. Белка спускается вниз, что-то верещит, видно, боится, но лезет. А я захожу к дереву с

обратной стороны, и по Лёхиным глазам я вижу, где белка находится географически. И, когда она находится в зоне моей досягаемости, я с обратной стороны её хватаю! Схватил. Я в перчатках толстых, она что-то там верещит, Лёха быстро хватает тубус, открывает, я её засовываю, мы съебались в колледж... Прихожу в комнату к себе, тряпку взять, смотрю: белки нет! Я давай её искать. Балкон открыт, на балконе окно открыто. 9 этаж. Белка куда делась? Съебалась по балкону. Что-ж такое-то? Вроде, хорошее мероприятие было сегодня проведено, а диван — мыть, белка — пропала. Отстой какой. Ладно. С белками у нас так ничего и не получилось. А жаль.

Из-за того, что мы с Лёхой каждый день пиздили по несколько вьетнамцев и китайцев из нашего колледжа - они, естественно, начали принимать меры. Дошло до того, что если раньше они ходили по одному-двое, то сейчас они начали собираться в метро толпами по 40-50 человек, и двигались в общежитие таким отрядом. Ловить их стало труднее.

Приезжаю домой. «Как я буду говорить, что я — руководитель Западного округа? 1 апреля же, никто не поверит». Решил подождать, стал звонить 2 апреля. Очень интересно было то, что из 30 человек нормально отреагировали, и сказали, что могут встретиться и вести какую-то деятельность всего пятеро. Кто-то сказал, что «меня это больше не интересует, не звоните», я его сразу вычеркнул. Некоторые сказали, что «ну я там, да, но времени нет, учёба, понимаешь, когда закончу, буду». Этих я вычёркивать не стал, но поставил галочку, что у них энтузиазма нет. То есть, я уже стал вести точковочку, кто что говорит, кто что делать собирается, не собирается.

На первую встречу пришёл один человек. Пришёл, и сразу предложил завалить какое-нибудь чудовище. Пришлось его успокаивать, что у нас сейчас — партийное мероприятие и мы чудовищ завалить ещё успеем. Встретились с ним на «Молодёжке», около метро там есть полу-парк, полу-двор, но суть в том, что там довольно мрачное место, и там можно и акционировать, и можно водку там пить, что местные жители и делают, чурбанье какое-то лазит туда-сюда. Я пытаюсь заниматься партийной деятельностью, а парень хочет провести акцию прямого действия. Это было самое тяжёлое, чтобы на эту акцию всё не уехало. Ладно.

В следующий раз собрал двух других. Тоже с ними побеседовал, эти были поадекватнее, не предлагали кого-нибудь завалить, но к партийной деятельности относились весьма скептически, больше интересуясь прямыми акциями. Но контакт был установлен. Это очень важный шаг. В итоге, я установил контакт всего с тремя парнями из Западного округа, которые согласны были что-то делать. Которые хотя бы были готовы приезжать на сборы.

Поехали в одну сторону, Стас с Юриком — в другую. Заходим мы в вагон, едем. Буквально на следующей остановке заползает в вагон семейка цыган. Старый цыган, лет 45, здоровый, но с костылём, в шапке, кожаной куртке, хотя это лето. С ним сынок лет 18, дрищёвого вида цыганёнок, и маленькая девочка, лет 10. Цыган зашёл.

? Уступите место инвалиду.

Тётка уступила, цыган сел, ногу вытянул, костыль ставит в сторону.

? Пива мне.

Дочка достаёт ему пиво. Сын открывает. Дочка крышку в карман убирает, цыган сидит, пиво пьёт.

? Лèха, если сейчас цыган пиво на пол поставит, то мы сейчас его пиздить будем, потому что гондон цыган вообще охуел. Животное, бабу согнал, сам уселся.

Цыган это услышал. Мы стояли около двери, он сидел с самого края сиденья. Поворачивается:

? Ты что сказал? Зачем ты это говоришь?

? Ах ты гондон, ты охуел? - достаю цепочку, там свастика висела, - вот это видишь?

? Э, что ты, что ты? Я же не таджик и не узбек, я — цыган. Богом клянусь.

? Ты дурак что-ли? - потом только дошло, что он подумал, что это крестик православный.

Подхожу, стал спереди, наступил ногой на костыль, второй ногой бью ему в голову. А цыган — здоровый. Деваться некуда, надо забивать. Он не отрубился, вскакивает, начинает драться. Его сын пытается напасть на Лèху, Лèха пиздит сына. Я хватаю костыль, цыган в него вцепился, он тяжелее меня килограмм на 30, я вбок костыль дèргаю (как в фильмах с Джеки Чаном), этим костылём бью ему по ебальнику. У него рука опустилась, костыль оказался у меня. Я этим костылём начал хуячить его по голове и по спине. Костыль сломался. Лèха забивает уже этого сынка. Хотели пиздануть дочку, но дочка убежала куда-то в конец вагона. Забили папу и сына костылём, у нас с Лèхой по половине оказалось в руках. Короткими палками ебашили. В итоге, разорвали мне кофту цыгане, у меня кофта была с надписью Hooligans Moscow на груди. Забили их, поезд остановился на станции, мы выскочили, убежали в соседний вагон. В соседнем вагоне народу дофига, там же не видели, что драка была, а зашли мы спокойно. Поезд стоит, двери открыты. «Дежурный по станции, пройдите в вагон», менты бегут. Мы в толпе затерялись, я книжку достал из рюкзака, потому что я без рюкзака вообще никуда не ездил, и без книжки тоже. Я и сейчас так делаю. Типа на работу еду, читаю. Поезд стоял ещё пару минут. Менты прошли мимо вагонов, но как они определяют? Поезд трогается, мы — к дверям: лежит этот папа на спине, всё ебало в крови, дочка плачет, сынок жопу трёт. Довольные уехали. Хотя Аратова не поймали, но, тем не менее, сделали что-то хорошее в это время.

Где-то в 20-х числах апреля в Лужниках был матч «Спартак» - «ЦСКА». Так как я с одноклассниками гонял за «мясо», мы туда поехали. С шарфами, все подготовились. По дороге едут группы сплочённые, мы искали «коней», «кони» искали нас, но дело в том, что хотелось попасть на стадион и одновременно поймать какую-то мелкую группу «коней». Эти два пункта выполнить тяжело. Если поймаешь кого, то, скорее всего, на стадионе не окажешься. Тем не менее, пока до «Лужников» доехали, забили несколько чурок в метро, как обычно. Вылезли в «Лужниках». Проходит несколько минут матча, начинают отрываться стулья. Мы сидим на трибуне, передо мной — два хача. Один из них сразу получает стулом по голове. Второй не понимает, что стулом-то ударили, что будет что-то нехорошее, тоже начинает залупаться. Тут уже все начинают его пиздить стульями, потому что стульев отбитых много, все фанаты чурбанье не любят. Я смотрю ниже: стулья бросают уже в ментов. Нормальным потоком, всё сильнее, стулья отбивают, спускают вниз, там — гора, завал. Минут 10 прошло, там просто — стулопад. И фаеров всё больше и больше. Вижу: стягиваются мусора... Я дёргаюсь, мент падает, вырываюсь и даю по съёбкам...Включаю, там перерыв и какие-то нарезочки. Смотрю: меня выводят со стадиона. «Вот — задержанные первые хулиганы». Нифига себе, первый хулиган! Мой бомбер засветили, серебряный, очки, я стал суперзвездой.

Матч закончился не важно с каким счётом, суть в том, что были оторваны все кресла на стадионе, все «мясные» сектора были перекрыты, перед каждым сделали живой коридор из мусоров, всех выходящих из сектора менты пропускали через строй и пиздили дубинками. Вообще всех: женщин, детей, мужиков. Смотрелось дико: выходит девчонка, и ей бьют дубинками по спине и по жопе. Зачем? Выходит мужик, лет 45, он точно некидал фаера и с ментами не дрался. Ему тоже — по жопе и по ногам. Так это смотрелось отвратительно! «Ну мусора, ну гондоны, как я вас ненавижу!». Потом это видео показывали по всем каналам, это был вопиющий акт футбольного вандализма и хулиганизма. Действия ментов почему-то особо никому неприятных ощущений не доставили. Всяких правозащитников возмутило только то, что «фанаты «Спартак» оторвали кучу кресел». Что-ж делать? Кресла были плохие, оторвали кресла, новые стали свежие, красивые и хорошие.

В ННП должен был состояться долгожданный праздник: посвящение в Юнкерский корпус и принесение присяги бойца ННП. Заранее все были обзвонены, что все собираемся на Белорусском вокзале, оттуда выдвигаемся и едем в лес. Собралось человек 60-70, погрузились на электричку, доехали до станции «Крюково» и относительно ровными шеренгами двинулись в лес. Прошли 500-600 метров по лесу, по дороге обсуждал с парнем по имени Доктор особенности крови различных народов. Он утверждал, что кровь чурбанов и негров с джинсов не отстирывается. Я ему говорил, то это — предрассудки, и чурбанская кровь

отстирывается точно так же, просто не надо стирать горячей водой. Спор у нас был горячий, к нему присоединялись другие бойцы, у каждого была своя версия, кто-то говорил, что негритянская кровь не отстирывается, кто-то что наоборот, отстирывается, только кровь белого не отстирывается. Таким образом, у нас получился конструктивный, захватывающий диалог и я не заметил, как мы пришли на место.

Туда предварительно выехал передовой отряд, там был заранее сложен костёр, вкопали крест, обмотали тряпками и пропитали тряпки бензином. Там полянка большая. Готовились, устраивались, думали, как получше это организовать. Суть была такова.

Сперва надо принести присягу на верность ННП, потом похоронить предателей, ритуально, то есть похоронить листочек с их именами, вскоре от этого они должны были умереть. Предатели — это те, кто в партию вступил, а потом на неё забил.

После этого должны выступать люди в качестве претендентов на вступление в юнкерский корпус. Это должна была быть драка один против троих. Суть не в том, чтобы победить, а хотя бы выстоять 2 минуты в этой драке.

Построились. Те, кто приносил присягу, должны были встать в шеренгу и повторять слова присяги за Бусом. Разожгли костёр, Бус зачитывал слова, все повторяли, после этого присягнувшие на верность ННП по очереди подходили к флагу ННП, целовали его, отпивали глоток вина из немецкой каски и ели кусок карбоната из советской. Советскую каску я сам для этого ритуала принёс. Было довольно интересно, половина соратников в масках, в масках прорезаны только глаза, я не знаю, зачем они там в масках были, тогда не было такого давления, ходи, как хочешь, но маски понадевали

Как мне объяснить журналисту, почему я стал скинхедом? На меня не нападали на улице хачи просто так, у меня нет каких-то личных обид. Но, вспомнил я ситуацию одну, которая могла послужить основанием. Дело было в том, что я встречался с девушкой, которая жила на Каширском шоссе, недалеко от того места, где были взорваны дома. На Гурьянова был дом. С ней я расстался. 1 сентября пошёл в школу, с ней общения нет. Но телефон помню, адрес помню. Тут сообщение о том, что дом взорван. Я, естественно, бросаюсь из школы ей звонить. Трубку не берут, не дозвонился, расстроился. И пошёл чурбанов пиздить вечером, мстить. Встретил скинов, мы пошли чурбанов пинать.

Нескольких сильно отмудохали. Это давно было.

Дело в том, что придя домой, я смог до Наташи дозвониться, с ней поговорил, узнал, что это не её дом совсем, но журналисту я этого то ли не успел, то ли не стал до конца рассказывать. Он понял так, что девушка у меня погибла, я решил мстить и пошёл в движение скинов. Эту статью он напечатал в газете «Известия». Она стала довольно популярной. Приезжаю в ННП потом, половина статьи посвящена мне, что «Тесак с таким интеллигентным лицом, здоровый, спортивный, у него

погибла девушка, его можно понять». Мне, конечно, Кузьмич выразил благодарность за работу с журналистами.

На самом деле, овощам нужно обоснование, почему я стал нацистом. Овощам обоснование было нужно, его дали. Они рады. Потому что если сказать, что я нацист и переживаю за свой народ, то «ну нафиг, это быдло, они валяются под забором, а ты будешь на них своё время тратить?». Этого не понимают, такая мотивация ничего не объясняет, люди же гондоны по своей сути. А если ты объясняешь, что девушка погибла, то «да, это — месть, это — лично, тут ты имеешь полное право». В то, что дома взрывали не чечены, а ФСБ, я тогда не верил и не думал, сейчас, конечно, не сомневаюсь. Если взрывали и чечены, то с ФСБшной подачи.

За это интервью я был назначен руководителем Московского регионального отделения. Что это значит? Я должен был руководить командирами округов, общаться с ними, посещать мероприятия, сборы округов, посещать по выходным сборы командиров и общаться с прессой, потому что внешность — типично скинхедская, лицо — отмороженное, но в то же время интеллигентное, могу что-то связанное говорить, а это — довольно редкое качество у нас.

Всех журналистов стали приводить, я с ними общался. Я всем рассказывал, что стал скинхедом не потому, что я не люблю чёрных, не потому, что я люблю свой народ, а конкретно потому, что при взрыве дома у меня погибла девушка. Рассказывал столько раз, что уже начинаешь сам это с чувством говорить, в это верить, свыкся с этой мыслью.

Помню, девушке этой позвонил, рассказал.

? Наташа, погибла ты, я скином стал.

? Макс, зачем? Ну ты достал так делать!

? Я твой портрет думал напечатать.

? Только попробуй, зачем тебе это надо?

Портрет я не стал печатать. Ситуация-то простая, овощи не понимают. Вот если им объяснить, допустим, что у меня ни один чурбан никогда девушку не отбивал, и ни одна моя девушка не уходила к чурбану. У меня чурбан не может отобрать рабочее место, потому что я закончу колледж и стану инженером. Чурбаны инженерами не работают, они работают чернорабочими, в крайнем случае, начальниками участков. У меня нет боязни того, что меня какой-нибудь чурбан ограбит, потому что я сам могу ограбить кого угодно. Меня не изнасилуют и не будут грубить, потому что я — мужчина, довольно крупный, сильный и агрессивный. Меня эти проблемы, из-за которых обыватели думают, что можно стать националистом - они вообще стороной обходят. Кроме какой-то идеологической мотивации ничего нет. Но в пропагандистских целях почему овощам лапши на уши не навесить? Это нормально, вполне здраво и объективно. Мы эту позицию обсудили в партии, мне сделали замечание, что «Макс, смотри, не проболтайся, будет некрасиво, сейчас мы будем это пиарить» - «Хорошо, договорились. Стал скинхедом, потому что погибла девушка». Я стал скинхедом в 14 лет, а взрывы дома были, когда мне исполнилось 15, но небольшие нестыковки наружу хрен когда выплывут.

В другой раз тоже ехал на сбор. Сижу. Кольцевая. Надо доехать до «Белорусской» и можно двигаться к штабу. Смотрю по сторонам, заходит в вагон хач. Дорого одетый, дублёнка из стриженной шерсти, моднявый, туфли. Рожа наглая, нос горбатый. На меня зырит. А я одет: нашивка ННП на плече с крестом, чёрный бомбер, камуфляжные штаны. Смотрит. Я головой киваю, «Что смотришь?». Он подмигивает. Я встал, подхожу.

? Хач?

? А что?

? Откуда приехал?

? Из Грузии. - руку в карман суёт.

Я предполагаю, что в кармане что-то есть, одной рукой хватаю, фиксирую в кармане, другой начинаю бить по ебальнику. Он в меня вцепляется и мы падаем, потому что он комплекцией чуть поменьше меня. Может быть, такой же. Начинаем бороться, рука у него из кармана выскакивает и выпадает нож открытый. Я хорошо, что руку придержал, иначе он нож бы воткнул. «Ах ты пидор!». Начинаю со всей дури бить ногами, коленками. В итоге он лежит, я бью его ботинком в нос, он падает, я начинаю прыгать на голове, на груди, пинать. Люди оттаскивают. «Пошли нахуй, не видите, меня хач зарезать пытался?». Где-то три минуты я бью его по ебалу, со всей дури, как только могу. Поскользнулся, упал. Люди оттащили. Дверь открывается, я вылетаю на «Белорусской» и побежал к эскалатору. Стою, можно не торопиться. Перчатки надеваю. Надо успокоиться. Меня — раз! По плечу. Поворачиваюсь — мент стоит.

? Молодой человек. Вы там дрались?

? Я? Дрался? С кем?

? Ты на своё лицо посмотри.

? Что такое?

Глаза опускаю вниз: у меня все штаны в крови, майка в крови. Просто видно, что бомбер блестит. Догоняет тётка.

? Вот этот бил ногами, прыгал на парне каком-то. Это фашист, заберите его.

Приводят в отделение.

? Дрался?

? Не, просто разнимал.

? Ты в зеркало на себя посмотри.

У меня ебало всё в крови, как будто резал кого-то, брызги. Начинаю лицо вытирать, оно просто размазывается.

? Сейчас посмотрим, найдём мы его, нет. Кого бил-то?

? Хача я бил. Чурбан, у него нож вылетел.

? Чурбана бил?

? А кого ещё?

? Конечно, да, тебя бы отпустить надо, но тут такое дело, понимаешь. Если в течение трёх часов не найдём, то отпустим. «Внимание всем постам: ищите лицо кавказской национальности, весь разбитый, может на Кольцевой кататься» - «Сильно избил?» - «Там ебло должно быть в хлам, ищите».

Но, может он долго без сознания катался, может ещё что, может его умыли или выполз, просидел я три часа и хача не нашли. Я сижу, всё лицо в крови, менты смотрят, умыться не дают. Маньяка поймали.

? Да не, я драку разнимал.

? Пизди больше.

В течение этих трёх часов я смотрел, как приводят всяких задержанных, которые пытаются дебоширить, посылают ментов нахуй, дёргают решётку обезьянника, орут:

? Начальник, дай закурить!

Ну нахуй? Сиди тихо, быстрее домой пойдёшь, будешь вопить — ещё пизды получишь. Я сижу, спокойно жду. Если не приведут хача, то хорошо. Приходит явный лох. Менеджер, в рубашке, в курточке лоховской, с сумочкой лоховской.

? Товарищ милиционер, у меня деньги украли и паспорт.

? Откуда?

? Из заднего кармана, я там всё ношу.

? Ты дурак? Кто-ж сюда деньги кладёт?

? Не, ну я тут носил, примите заявление.

? Иди нахуй, не хочешь, чтобы паспорт украли, носи в кармане на груди.

Ты сам подарил.

? Примите заявление.

? Не понял, что-ли? Пошёл нахуй отсюда.

Заявитель ушёл. Интересно милиция работает. Смотрел, как они табельное оружие сдают. К концу задержания, видимо, рабочий день заканчивается, они домой собирались.

«Вот как бы сейчас подорваться, этому в челюсть ударить, если бы не наручники, можно было бы ствол отнять». В итоге, отсидел я три часа, позвонил в штаб. Объяснил ситуацию.

? Не смог прийти.

? Причина уважительная. Не будет с тебя взыскания. В другой раз так не делай, если собрался на сбор командиров, то ни в коем случае нельзя отвлекаться.

? Хорошо, я понял.

Выводы сделал, но при всём желании остановиться не мог. Мне много раз в партии говорили:

? Ты не можешь больше драться. Ты — руководитель, партиец, не просто скинхед. Ты должен быть ответственным человеком, хватит заниматься фигнёй, надо подходить ко всему серьёзно. Прекращай, иначе будем штрафовать.

? Конечно, всё хорошо.

Ни разу не дошло до штрафов. Хотя разговоры шли постоянно, что надо заниматься политической деятельностью, а не уличным террором. Уличный террор бесполезен.

? Я понимаю, что уличный террор бесполезен, конечно, надо заниматься именно политической деятельностью.

Но когда я видел чурбана, не мог я ничего сделать с собой и продолжал акционировать, причём моё акционирование становилось всё чаще и чаще, так как я набирал вес, появлялся опыт уличных драк, у меня получалось всё больше акционировать одному. Потому что один ты — независимый и один на один я любого забивал. Два на один тоже иногда получалось. Одному и убежать проще, не сдаст никто, ты всегда прав. Так я посещал сборы командиров.

Так как я был руководителем Московской региональной организации, зарабатывал деньги на журналистах и прочих связях с общественностью для партии, я приезжал каждое воскресенье на сбор командиров. У меня был пропуск. Суть в чём? Все приходят, надевают белые рубашки. Обычно приходили, кто в чём, поэтому белые рубашки доставали из специального пакета. Галстуки на резиночках. Повязки с крестами. Собираемся, зажигаем свечи на столе, гасим свет. Человек по 8-10 собирались. Читаем символ веры. Длинная речь, я её, конечно, наизусть не помню, но суть такая, что «Русы — подлинные хозяева земли. Мы исповедуем русизм. Сила русизма — в таинстве. Таинство русизма — в его святости». Такое пафосное рассуждение, которое, если повторять его медленно, занимает порядка 15 минут. Его надо читать стоя, громкими голосами и хором. Дико надоедает, но, с другой стороны, есть чувство, что приобщаешься к чему-то великому. Что ты находишься в какой-то закрытой структуре, практически тайная организация. После чего шло какое-то обсуждение того, что было сделано за неделю и обсуждался план на следующую неделю. Допустим, как собрать деньги на тираж газеты, как собрать народ на митинг, кто будет газеты развозить, кто будет с предателей деньги вымогать. И так далее. Разные мероприятия.

Зимой ННП отмечало день зимнего солнцестояния. Это был не совсем простой праздник. Там принимали в юнкерский корпус. Мне выпала честь принимать кандидатов. Я должен был быть одним из тех, кто втроём будет драться против одного кандидата. Пиздить по сути. Я должен был принести присягу бойца лейб-гвардии и пройти секретное испытание. Мне долго говорили, что пройти его трудно, и тот, кто пройдёт, станет доверенным лицом и приближённым к вождю. Волнение, конечно, что там придумали?

Обзвонил я кучу народу. Собралось человек 50 около штаба ННП, сели на электричку и поехали в сторону деревни Крюково. Зима, сугробы кругом, вылезли в тяжёлых ботинках, джинсах, полное палево. В основном, парни, но есть несколько евчонок. Пошли по полям, по лесам, по сугробам, вглубь России-

матушки. Шли минут 15, подошли к опушке леса. Там сложены костры, сделан крест ННП из дерева, обмотан тряпками, пропитан горючей жидкостью. Начали готовиться к мероприятию. Во-первых, началось посвящение. Сначала кто-то принёс присягу бойца ННП. Те, кто были только кандидатами, прочитали клятву, выпили вина из немецкой каски. Из советской каски съели карбоната. «Плоть и кровь европейских народов». Причастились, поцеловали знамя, встали в строй. Потом была приёмка в юнкерский корпус. Я принимал в корпус в маске, кофте «Пит Буль» качковской. Там такая собака штангу держит в зубах. В джинсах, ботинках и перчатках, чтобы мне кулаки не прокусывали кандидаты. Принимали втроём:

Я, Артём и Потап. Ни одного кандидата на ногах не удержалось. Все падали, рожи им поразбивали. Но, при этом, никто не включил заднюю. Никто не сказал, что «Всё, я больше не буду, я так не играю. Я пас». Все вставали и продолжали бой. Дух был у соратников довольно крепкий. Хотя, физические комплекции оставляли желать лучшего. Приняли, дело нехитрое. Они тоже прочитали присягу. Дальше зажгли костры, крест, факелы у людей в руках. Уже стемнело, смотрится интересно. Факелы в заснеженном лесу — это очень красиво. И мистически выглядит. Кузьмич прочитал речь о том, что проходит эпоха рыб, наступает эра водолея, еврейское время проходит, наступает время белых народов, они проснутся и вернут себе власть. Действительно, может и наступит. Хотя я никогда слышать не слышал про все эти эры и эпохи рыб.

Дальше мы прочитали клятву лейб-гвардейца, принимали нас двоих. Меня и Лысого. Мы должны проходить испытание. Мне в лоб направили ружьё помповое. «В чём приколы принимать, если меня сейчас в лоб застрелят?». Нехорошо. Я понимаю, что вряд-ли будут стрелять, я должен не испугаться. Так и получилось, что Каиль, который принимал нас в лейб-гвардию, поднял ружьё чуть выше моего лба, и выстрелил через голову в воздух, в сторону леса. И не дернулся, потому что ожидал, что это произойдёт, но было стрёмно, потому что оглушило.

Прошёл я это тяжелейшее испытание. Поцеловал знамя и оказался принятым в лейб-гвардию, стал особо приближённым к фюреру. Интересно, что клятва была сформулирована так, что я приносил клятву не Александру Кузьмичу Иванову-

Сухаревскому, а фюреру. Как потом мы это анализировали, что я приношу клятву верности Адольфу Гитлеру. Что я буду бороться до последней капли крови, что я не просто верю в победу, но и сражаюсь за неё до конца. Что я выберу смерть, чем сдамся на пути борьбы. Красивые слова, мистически звучат, плюс в такой обстановке они произвели на меня впечатление, назад я ехал в сильно приподнятом настроении.

Общались мы по дороге больше с Лысым. Обсуждали цены на стероиды в Рыбинске, в

Москве. Сколько набирается килограмм с одного курса метана. Какие у него показатели в жиме и так далее. Хотя, молодые соратники слушали нас и даже пытались давать какие-то советы:

? Ребята, от метана стоять не будет, это вредно, это пиздец, не надо употреблять анаболики, лучше пивка выпить, всем известно, что это не настоящие мышцы.

? Слышь ты, дебил. Мышцы не настоящие. Хочешь по зубам получить? Проверим, настоящие или нет.

? Я не хочу.

? Ну а что ты? У тебя от пива стоит, может хорошо? Или мышцы растут? Настоящее брюхо от пива.

Мы с Лысым над ним поржали. Тенденция была такая, что из соратников практически никто не качался. Нас было только двое любителей тягать железо на всё ННП. Со временем тенденция изменилась. И стало довольно чётко, что нацисты торгуют стероидами. Любые стероиды можно достать у нацистов. В то же время антифашисты торгуют наркотой. Совершенно конкретное разделение. Нацисты торгуют стероидами и занимаются спортом, антифашисты ебутся в жопу, курят, пьют, торгуют наркотой.

Каждому своё.

Пришли на станцию, до поезда минут 40. Пытались греться, прыгали, бегали. Сели в электричку. Поехали домой. По дороге после такого знаменательного события нельзя было не совершить античеловеческую акцию. Совершили. Потому что в электричке ехал какой-то чурбан, вагон был практически пустой, нельзя было не отоварить. Подошли и с криками «Слава Руси!». Один из посвящённых гвардейцев ударил ему ботинком в челюсть. Когда человек сидит, его ботинком бьют, у него голова назад и он оказывается без сознания. В этом есть плюс, он ничего не чувствует, дальше его просто ломают, и убегают в другой вагон. В другом вагоне же не найдут уже никогда. Сели, довольные. Доехали до Москвы. Так закончилось наше посвящение в лейб-гвардию.

Через пару дней из штаба мне звонят. Семён Валерьевич Токмаков.

? Тесак, надо тебе съездить, разобраться с человеком. Он решил не то, что выйти из партии, а забить на неё. Всем своим знакомым он рассказывает, что в ННП состоят лохи, они сделать ничего не способны, своего командира он послал нахуй. Сказал, что платить взносы не будет и ни на какие собрания не пойдёт.

? Понятно.

Что делать, сели в машину. Приехали к его подъезду. Хорошо знали, где он и во сколько будет. Причём, во сколько будет, сказала его мама.

? Здравствуйте, а Сашу можно?

? Ой, он в бассейне, будет через полчаса.

? Спасибо.

Мама не контролирует инфу, которую выдаёт. Посидели, подождали полчаса, смотрю: идёт. Нас четверо в машине сидит. Я с друзьями вылетаю, с ходу бью его по ебальнику, начинаем его отоваривать вчетвером. Мне Саша этот не понравился, я его бью ногами по яйцам. Убивать его не собирался никто, так, попинали. На память я забрал у него шапку, я всегда так делал, забирал трофей. Отдадим, если одумается. Уехали.

Сказали, что если собирается из ННП выходить, то пусть заплатит взносы, деньги за выход и идёт нахуй.

Суть в том, что при принятии присяги ты подписываешь бумагу, что тебе выдаётся униформа, джинсы, рубашка, галстук суммой на 1000 рублей. Это сделано для того, чтобы при выходе ты заплатил за свой выход из партии. Чтобы люди, которые шныряют туда- сюда просто так, приносили пользу. Ему об этом просто напомнили. Отъехали, через полчаса звоним домой.

? Сашу можно?

? Да.

? Алло.

? Ну что, Саня, ты живой?

? А кто это?

? Ты собираешься деньги платить за выход из ННП?

? Да, я всё заплачу.

? Ну смотри, потому что если будешь кривляться, то в следующий раз уже так легко домой не поднимешься.

? Да, я понял. А можно, я 1000 рублей взноса заплачу, а из партии выходить не буду?

Я понял, что вы можете дела делать. Мне просто так показалось. Я по пьяни сказал, я очень извиняюсь, хочу в партии остаться.

Хороший поступок порождает другие хорошие поступки. Человек одумался, после этого я видел его несколько раз на митингах, на выездах в лес. Он стал активнее действовать. Хотя, ему просто сказали заплатить 1000 рублей. Всё работало как надо. Едем мы с этого опиздюления домой. Время позднее, часов 11. Где-то в районе

«Нагатинской» стоит толпа девок, парней, человек 6, явно пьяные некоторые. Один вылез на середину дороги, ловит машину. Останавливаемся. Каиль открывает окно.

? Тебе что надо?

? Ребята, подвезите.

Получилось так, что он не просто ловит машину, а выскочил на дорогу. Почему Каиль и остановился.

? Тебе что надо?

? А, у вас народу много, езжайте.

? Ты охуел, говно? Пошёл нахуй отсюда.

? Э, ты что так базаришь?

? Нахуй пошёл, пидор!

? Охуели что-ли? Нахуя так разговаривать с пацанами?

Надо как-то «пацанов» научить жизни. Нас в машине — 4, но все готовы к бою. Их

— 6, но там говно. Я вылезаю из машины.

? Дай ему по ебалу.

А что ему не дать по ебалу? Бац! Одному. Получилось так, что они стоят все шесть в ряд: пятеро вдоль машины и один за дверью. Я — раз! Одному, второму, они стоят.

Третьему ногой в живот, четвёртому. Пятому по ебалу кулаком. Шестой стоит, ничего не понимает. Никто не дёргается. Хвать! По носу сверху, куда ладони хватило, потому что стоял далеко.

? Вы охуели?

? Да я вас сейчас вообще убью.

Так разозлили эти пьяные рожи, один из них хач ещё был. Я на хача прыгаю, начинаю долбить. Он пытается убежать, я его бью со спины кулаком, получается кривой удар. Но в сторону носа. Я бегу за ним и бью в нос. Сгибается. Я сделал подсечку, он упал, начинаю бить по лицу лежащего. Девки подбегают.

? Не бей его! Он русский.

? Вы охуели, какой он русский?

? Он не русский, он — грек.

? Да мне похуй, грек он или еврей, мразь черножопая.

В это время выскочили из машины ещё двое, Артём, Лёха. Каждый взял себе по одному алкоголику, из шестерых троих мы забили.

? Ладно, поехали.

Сваливаем. Эти очухались, бегут за машиной, кричать что-то. Что делать?

Остановиться добивать? Неохота. Один из гондонов бросил что-то в машину, это оказался нож-бабочка. Сука. Машину попортили. Уже драка шла несколько минут, могли и ментов вызвать. Хрен с ним. Троим рожи разбили, одному, причём, сильно. Надо сваливать.

Иначе палево. У нас в машине оружие было, бита, лопатка сапёрная. Не стали их гасить. Едем дальше. Высадили Лёху. Едем домой. Опять какое-то быдло пьяное выскакивает, ловит машину руками. Ну что такое? День россиянина? Остановились. «Ну сейчас я выскочу, ебальник разобью». А суть в том, что ловил он не нашу машину, а поймал каких-то ещё мужиков. Мы остановились, я планировал проучить алкоголика, что не надо так сильно нажираться, давать волю эмоциям. Мужики тоже выскочили из машины, которую он поймал, по ебальнику ему — тюк! И ботинками по роже. Люди знают, что делают.

Переглянулись с ними, друг другу показали большие пальцы и поехали дальше. Так закончилось наказание неплательщиков партийных взносов.

С Бусом мы начали активно заниматься продвижением фонда содействию возрождения русских традиций. Всячески пиарили его, клеили наклейки у метро. Пришла в голову мысль провести фестиваль исторической реконструкции.

В чём суть? В том, что там надо было договориться с администрацией парка «Коломенский», найти целую кучу толкиенистов, которые там бы согласились выступить, и найти спонсоров, которые дадут денег на проведение фестиваля, а взамен получат рекламу там. Хорошо.

Как действовать? С толкиенистами у меня контакты были, я с ними договорился. Клуб исторического фехтования в значительной степени состоял из толкиенистов: людей, которые играют в эльфов, орков, троллей - у них деревянные мечи, щиты, топоры, луки. Но когда они стали старше, то быть толкиенистами уже не круто, а с мечами играть привыкли, и они стали клубом исторической реконструкции, а так как я одно время с ними очень плотно тусовался, я стал практически толкиенистом, хотя был скинхедом при этом, они все согласились.

С парком «Коломенский» надо договариваться только после того, как получим бабло. Тоже понятно. К кому обращаться за финансовыми вливаниями? Естественно, к русским предпринимателям. Нашли мы справочник «Жёлтые страницы», и давай отзванивать по всем фирмам, в названиях которых есть слово «Русский». Русский продукт, Русские шубы, Русские куртки, Русские товары. В 90% хозяева этих предприятий — это Ашоты, Армены, Магомеды, Исааки, короче, если в названии фирмы есть слово «Русский», то, скорее всего, там русским духом вообще не пахнет, это просто кто-то хитрый и прошаренный использует такое название. Может быть, если потому что русские используют его, то это экстремизм? Но тогда этого не было. Это просто хитрые чурбаны. По фирмам с названием «Русский» обращаться бесполезно, хотя идея хорошая.

Нашли офис, в котором можно было сидеть и руководить этим процессом. Нашли курьера. Я уговорил Деда на то, что он будет ездить по фирмам и предлагать эти мероприятия. Напечатали буклеты, которые предполагалось раздавать начальникам этих фирм: «Не хотите-ли поучаствовать, вот будет мероприятие». Дед ездил где-то в течение месяца, по разным фирмам. Буклеты брали неохотно, в самом крайнем случае берут и не звонят. Дед потратил целый месяц на поездки туда-сюда и не срослось. Хрен с ним, раз не получается фестиваль исторической реконструкции, значит не будет у нас никакого фестиваля.

Родилась у нас с Бусом идея снимать ролики для интернета. Думали, как назвать студию. Сначала «88 Кадр», потом «Формат 18». Формат — это видео, а 18 — это Адольф Гитлер. Варианты были или 88 или 18, мне понравилось 18. Надо студию открыть, видеопродавать. У меня была к тому времени довольно обширная база журналистов, хорошо.

Поехали на 20 апреля снимать тайный нацистский ритуал. Развесили баннеры ННП, одели маски, бомберы и снимали какую-то реконструкцию ритуала СС-овцев на принесение клятвы вождю, фюреру и канцлеру Райха. Перевели текст присяги на русский язык, нашли два балахона, меч. Всё красиво получилось.

Принесение клятвы: я клянусь тебе, фюрер, не только верить в победу, но и идти к ней до конца. Пафосные слова, получилось красиво. Сняли ролик. Дальше моя задача была его продать. Я нашёл базу данных журналистов на Горбушке, всяких информационных агентств, изданий, журналов. Прямо по базе обзванивал всех, не хотят ли они приобрести видео с тайным ритуалом русских националистов. Кто-то хотел, кто-то не хотел, желающих было меньше. В итоге я договорился с

телеканалами ТФ-1 и ЦДФ о том, что они покупают. Встретился с ТФ-1, штаб у них располагался на Белорусской, недалеко от штаба ННП, там целый дом аккредитован журналистами, они там живут, работают, студии, дети. Всё сделано по высшему разряду. Вот стоит дом с обычными москвичами, там всё обоссано, заблѐвано, стѐкла разбиты, бычки валяются, газоны вытоптаны и злые старухи сидят на лавках. И чурбаны ходят. Дом журналистов выглядит по-другому. Там КПП, ровные газоны, хороший асфальт, цветочки, по газонам бегают дети босиком, стоят шезлонги, валяются игрушки. Видно, что за территорией ухаживают и она своя, родная. Еѐ очень любят. У нас такого не увидишь никогда. Меня шокировало, как можно ходить босиком и не бояться проткнуть себе ноги. Пришли. Показал в ухудшенном качестве ритуал. Они посмотрели: «Покупаем, но с условием, что ты дашь нам интервью и комментарии.»

Надо сказать, что интернет в то время не настолько был развит, чтобы там слушать музыку онлайн. Можно было, конечно, скачать, но даже на это не у всех хватало трафика. Идею обсудили, интересно.

? Ты составь список всей музыки, я переговорю с Костькой, сделаем сайт, можно будет его раскрутить, почему нет? Потом, может, шмотки появятся, какой-нибудь бизнес замутим.

Название будет Формат 18, музыка правая, Адольф Гитлер, все дела. Тем более, раньше была тоже такая идея. А теперь уже будет магазин. Решили делать, осталось

дождаться, когда Ромео каталогизирует альбомы. Их надо было перегнать на комп, отсканировать обложки все, переписать всё, чтоб можно было потом записывать на диск музыку в формате audio CD и на принтере печатать обложку. Отложилось это в долгий ящик, потому что Ромео — один из самых диких распиздяев, что я знаю. Потому что он опаздывал на все встречи абсолютно, равно как и Костька, плюс у Ромео была странная черта: он не бухал, он не был наркоманом, он не водил девок в ресторан, но у него всегда куда-то девались бабки. Ему деньги дашь, через полчаса их уже нет, куда-то тратил. Он не игровой, не любит ни карты, ни автоматы, не наркоман точно. Хрен его знает, куда деваёт бабки. Он был всегда в поисках денег, он добывал их нечестным путѐм, путѐм открытого хищения, путѐм каких-то афѐр, не суть. Афѐра с открытием магазина отложилась на долгий ящик.

После того, как Бус женился, у него родилась двойня, он переехал в Троицк к своей жене, он начал постепенно овощеть и у него появилось стремление легализоваться. Сперва устроился на работу, понятно, семью надо кормить, да и я инженером работаю. Ничего в этом криминального нет. Но проблема в том, что Бус стал пить. По выходным, пятница.

? Тесак, ты понимаешь, ты понимаешь, как мне тяжело, у меня дети, семья, я живу жизнью обычного россиянина.

? Ты пить-то прекращай, нахуй ты это начал?

? Не, ну как тебе сказать, ты не поймёшь, у тебя нет детей...

? Причём здесь дети, нахуя ты бухаешь?

? Ты молодой ещё, ты нихера не понимаешь, жизни не видел, пить — это не значит бухать, это значит, что я расслабляюсь.

Слышать это от Буса было как ножом по сердцу, я просто охуевал. Пытался объяснить, но ничего не получалось. Бус стал тусоваться с Троицким отделением КПРФ, просто они националисты, но не от ЕР же идти? Поэтому они все идут от КПРФ. Его уважают, знают про его взгляды, но не отталкивают.

? Ну и что ты будешь с ними крутить?

? Сейчас будут выборы в Троицкую думу, я хочу депутатом от КПРФ.

Хочешь, значит надо помогать старшему соратнику, почему нет? Тем более, депутатское кресло — это обеспечение финансами, административные ресурсы, можно залы для правых выделять, деньги пиздить. Похуй от какой организации.

Настало время собирать подписи за кандидата.

? Будем по квартирам ходить, агитацию расклеивать, собирать подписи людей.

? Хорошо.

Поехали туда, Шульц приехал с Настей, Дед со мной. Приезжаем, нас человек 15 собралось помогать Бусу. Палыч ходит с красным КПРФовским флагом, машет им. Мы стоим, нам весело, все в ботинках, джинсах, все чисто красные скинхеды. С одной стороны, смешно, сейчас подойдёт коммунист, начнёт уважение высказывать, дадим ему пизды. Или какие-нибудь красные скинхеды, вдруг такие тоже в Троицке подойдут, загондошим. С другой стороны, это всё клоунада. Постояли, флагами помахали, у людей подписи собрали, пошли по квартирам. Разбились на двойки. Ходим, я ходил с Дедом. У нас было 2 дома, разложить листовки в ящики и пройти по квартирам, собрать автографы. С ящиками-то легко, а вот ходить по квартирам другой вопрос. Звонишь в квартиру.

? Мы представляем партию КПРФ, собираем подписи за нашего кандидата.

? Нет, я не буду расписываться.

? Но он идёт от КПРФ.

? Нет, я коммунистов ненавижу.

? Нет, сам-то он нацист и мы нацисты. Хайль Гитлер.

? А, ну если нацист, то ладно.

И так было во многих квартирах. Без особых проблем собрали подписи за двое выходных. Последний раз, когда собирали, смотрю, Бус сидит, пиво пьёт.

? Ты понимаешь, вот мой соратник, товарищ, мы давно с ним не виделись, пиво решили выпить, давай с нами.

? Зачем?

? Пообщаемся, я с ним познакомлю.

Смотрю, сидит какой-то говна кусок. Я конечно, Буса уважаю, но не до такой степени, чтобы сидеть с говном и общаться.

? Не, я поехал.

И съебал. Подписи собрали... Пока мы ходили, Бусу помогали ещё троицкие скинхеды, они конечно скинхеды, но волосатые, непонятного вида, алкаши, полуфанаты. Весёлые ребята.

- Макс, мы смотрели видео, которые ты снимал.

- Да, а что такое?

- Пиздатые ролики, особенно где «будет дохуя трупов», вообще круто. Когда ещё будет?

- Сниму, будет.

- А будешь постоянно снимать?

- Да.

- Вот это крутая тема, вот это будет охуительно.

Я думаю: нифига себе, вообще ребята меня знать не знают, а видео смотрели.

Хорошая пропаганда, надо дальше заниматься.

Дальше идём, бродим, заебались, жрать охота, но нет. Тут идут какие-то два дага-чеха. Идут, мажорные, мы за ними. Щас, они куда-нибудь отойдут, чтоб потемнее было, их-то двоих загондошим. Там одного вырубим, а второго будем бить и издеваться. Прошли за ними метров 30, хуяк, из-за поворота Макдональдс. Всё, толпа народу, они туда. Да ёб твою мать! Где же совершить доброе дело? Вообще негде. Расстроились. Без доброго дела отправились домой. Были такие времена в Москве, когда за 2 часа прогулки по району нельзя было найти подходящий объект.

В интернете тогда правого видео практически не было, тем более, с акциями. Что делать? Надо снимать избиение врагов. Кто враги? Для начала надо снять избиение какого-нибудь панка-антифашиста. Хорошо.

Собрались вчетвером: я, Костька, Ромео и Фауст. Костька, как самый дохлый и одетый в косуху, играл панка. Вагон. Сидит Костька в дальнем углу, заходит Ромео с Фаустом, я за ними с видеокамерой. Они заходят.

? О, нихуя, панк!

Бьют его, месят, всё охуительно. Приехал домой, быстро залил через USB видео на комп. Но видео получается странное, как будто с эффектом стробоскопа, не перегоняется полностью с камеры. Ну и ладно, и то пойдёт. Нарезал быстро само видео, приделал

фотографию Адольфа Гитлера, которую отфотошопил, сделал в красно-чёрных тонах и наложил музыку, в описание файла добавил: «Эту песню вы можете заказать на сайте format18.org» и диск на следующий день передал Костьке, чтобы он заливал этот ролик. Звоню на следующий день.

? Ну что, как?

? 20 скачиваний.

? Да ладно?

? Пиздато.

На следующий день.

? Сколько?

? 60 человек посмотрело.

? Ебать, 60 человек!

Уже круто, это уже бригада. Стали мы с Костькой по вечерам перезваниваться, как там сайт работает? Его же надо переделывать, апгрейды делать. А у Костьки была проблема: он пил пиво по вечерам. Пил сильно, и если не сидеть с ним постоянно, то он мог или играть в игру, или уснуть, или идти бухать. Приходилось постоянно беседовать. Решили наснимать кучу таких роликов, потому что уже дошло до 200 просмотров, а заказов практически нет. Ладно, прошло время, мне пора выходить на работу, месяц прошёл.

Блядь, 2 недели страдать. За эти 2 недели я успел напечатать целую кучу наклеек формат 18. Вечером делал наклейки в стиле «Будущее принадлежит нам», «Будь белым»,

«Красота спасёт мир». Красота спасёт мир — нарисован орёл нацистский. Покупал в

Комусе бумагу самоклеющуюся. Распечатывал на принтере, дикая скорость печати. Если в обеденный перерыв улучшить момент, то можно спокойно напечатать 200 листов и никто не заметит. Чем я и занимался, напечатал по 1000 листов, на каждом по 8 наклеек, с Дедом нарезали их и у каждого в кармане колода из наклеек. Лучше всего их было хуярить на платформах на эскалаторах, потому что люди ездят, срывать не успевают. Стали их всем раздавать, все клеят. Первый такой креативный нацистский сайт, как не клеить?

2 недели я кое-как отработал. Надо дальше снимать видяшки. Сняли видео с опиздюлением Идущих вместе. Собрались в метро, человек 6. Выбрали двух самых худощавых, нарядили их в майки Идущих вместе. Единственная проблема, что у них тяжёлые ботинки, бритые головы. Сидят в метро. Люди с работы едут, да похуй на них.

Идёт 110 кг скинхед в маске, по вагону. Люди уже что-то недоброе заподозрили, пока я проходку одну снимал. Я на сиденье залез, чтобы удобнее снимать. Второй проход. Артём подходит, прям с ходу начинает ебашить, причём он весит сотку, а эти килограмм по 70. Поэтому у него получается швырять, долбить, ногами прыгать. Они даже если бы захотели сопротивляться, то не

получилось бы. Единственный минус в том, что Артём немного переусердствовал и одному из участников ребро ботинком-то сломал. Хрен с ним. Приезжаю, наложил музыку Berzerker.

Понятно, драки драками, но надо ещё что-нибудь весёлое снимать. Дай-ка я сниму ролик, что скинхеды — хорошие люди. Набрал всяких картинок унтерменшей, наскриншотил из фильмов, обработал их. Снимаем видео. Я надел майку White Power, надел маску. Наложил на стол кучу всякого оружия, книжки, канделябр. Ромео меня снимает. Как надо начать? Вспомнилась мне ОСП-студия: «Здравствуйте, мои маленькие любители спорта». Надо что-то позаимствовать.

? Здравствуйте, мои маленькие любители экстремизма.

Там было снято по-другому в тот раз. Там было снято суровым голосом, без приколов.

? Здравствуйте, сегодня я проведу урок терроризма. Скинхеды — это brutальные радикальные жестокие маньяки. В терроризме главное — иметь много взрывчатки. Её можно заложить в людное место и там будет дохуя трупов.

Мне так понравилась фраза «дохуя трупов», что я повторил её в ролике раз.

Продемонстрировал нож, кастет, арматуру, дубинку, канделябр. Весело. Кадр меняется, но сижу уже я за столом, в белой рубашке, очках, Оружия на столе нет, только книжки и канделябр. Я объясняю, что это ложь, продемонстрирована СМИ из ЗОГа, а на самом деле скинхеды — это милые, добрые и интеллигентные люди. Мне показалось вполне весёлой эта видяшка, которая показала, что мы — нормальные люди, мы имеем свои политические убеждения, мы свои моральные ценности несём в мир. Выложил. 100 человек посмотрело за 2 дня, вот это старт масс-медиа.

Утром поехали снимать видео про Беларусь, как там всё происходит, как устроена страна. Начали с вокзала. Он в Минске один, называется «Чугуначны». Чем он отличается от московских? В корне. Новое современное здание. В Москве могут тоже такой сделать. Я там облазил всё. Я не увидел ни одного цыгана, ни одного бомжа, попрошайки, алкаша, всё чисто и для людей. Не для животных.

? Где цыгане?

? Не осталось.

? Почему?

? Батяка выгнал.

? Как выгнал? Почему из России не выгнать?

? Он их по закону... Все люди должны быть грамотными, обучаться в школах. Для того, чтобы учиться в школе, надо регулярно ходить. Это же кочевые уроды, они

посчитали, что отдавать ребёнка в школу — это фашизм. И уехали.

? Куда?

? В Россию, куда ещё? Там нет фашизма, в школе можно не учиться, можно на вокзале жить, дети будут милостыню просить, песенку петь.

Цыган таким образом не осталось. С алкоголиками и бомжами бороться попроще. Для них существуют вытрезвители и лечебно-оздоровительные профилактории. Это у нас можно валяться сутки и месяцы, и ничего не будет. Даже общественного порицания.

Может, тяжёлая жизненная ситуация? Там нет, хватить под мышки и понесли, положили. Я походил, в шоке. Купил семечек. Как обычно идёшь с семечками? Грызёшь, потом фантик бросаешь, чем хуже, тем лучше. А здесь я чувствую, что было бы неправильно бросить фантик на землю, просто как-то нехорошо. Странно выходит. Ощущение, что не должен бросать. Прикольно, на уровне подсознания.

Зашли в парикмахерскую, меня там побрили, постригли, я снял очки, надел линзы.

Потому что в линзах ходить всё время неудобно. Глаза раздражаются, болят. Но для того, чтобы какое-то время, на камеру, я очки снимал, потому что я же всё-таки имею некоторый образ, он без очков.

Ходим дальше, город чист, всё красиво. Бросается в глаза, что кругом только белые лица. Просто, реально нет чурбанов. Нет китайцев, нет таджиков, нет негров. Ходим, ходим. Скушали по блинчику. Там, как у нас шаурма, там блинные. Торгуют белые люди, русские. Белорусы не считают, что они отдельная нация, большинство считают себя русскими. Скушали по блинчику, идём дальше. Пошли в центр. Посмотрели строения, исторические места, Малюта рассказывает: «Здесь мы жидов били, здесь мы чурок били, здесь мы забили ногами гея-активиста. А вон, видишь, оппозиционер идёт.» А он в майке, они против Батьки выступают, хотят, чтобы Беларусь была открытой страной, как вся Европа, чтобы здесь была свободная экономическая зона, то бишь сделать из Беларуси такую же помойку, как из России. Надо интервью у него взять. Оппозиционер выглядит, как чистый Лермонтов. Пальто, тяжёлые ботинки, длинные волосы, ножки, как у меня руки.

? Уважаемый! Давай возьмём у тебя интервью.

Он по съёбкам. Гнались за ним, догнали около института. Студент. С ним ещё несколько человек.

? Стоять, кто такие?

? Студенты.

? Оппозиционер.

? А что убегал?

? Я не убегал.

И в институт.

? А ты кто такой?

? Я — алковеган.

? Алковеган? Долбоёб что-ли?

? Ну да, алковеган.

Хер с ним. Мне понравилась сама процедура взятия интервью у оппозиционеров, которые боятся в этом признаться.

? А что он боится?

? Может принимает нас за омововцев?

Там очень жёстко, милицию все бояться. Поймали ещё нескольких.

? Женщина, вызовите милицию, на меня напали!

? Нет, я не оппозиционер, просто дырку на рюкзаке зашил.

? Я ничего, я никто и ничто.

С оппозицией что-то не так. Посмотрели памятник героям-афганцам. Там мне бросилось в глаза то, что в этот памятник бросают денежки. Памятник внутри в виде каменной чаши, и в неё бросают деньги. Причём деньги бумажные. Но, что самое удивительное, никто их не забирает. Я насчитал, что мы сможем квартиру на два дня снять и жратвы закупить. Собрал бумажки, посчитал. Малюта снимает.

? Положи.

? Почему?

? Положи, блядь, нахуй ты берёшь.

? Это деньги.

? Здесь никто не берёт, положи.

? Как не взять деньги?

? Даже бомжи не берут деньги, оставь.

Не мог я об этом вопиющем инциденте не снять видос. Я, конечно, не стал упоминать, что я хотел взять эти деньги, глупо, они там валяются. Бросилось в глаза, что этот памятник стоит на островке посередине реки, которая течёт через Минск. В речке прозрачная вода, утки плавают нормальные. В Москве-реке дна не видно нигде, это просто сточная канава серого цвета с нефтяными пятнами и всей таблицей Менделеева, ставь фильтр и добывай драгметаллы. А тут чисто, рыба плавает, кое-где стоят люди, рыбу ловят с удочками. Я охуел. Дети ходят, бросилось в глаза тоже. Классы, группы детские с воспитательницей. Все светлые, улыбаются, много-много белых детей. Я в Москве такого не видел хрен знает сколько. У нас, если идёт класс, то две трети — чурки. Там нормальные дети.

? Это что?

? Дети ходят.

? А почему?

? Потому что здесь уже давно рождаемость превысила смертность.

В России, надо сказать, что смертность превышает рождаемость на 1 000 000 человек в год. Россия сокращается, а в Беларуси население растёт. А от чего зависит рождаемость? От доверия правительству и президенту, то есть люди уверены, что всё будет нормально, Батяка решает вопрос, даёт квартиры, люди доверяют, размножаются,

всё замечательно. Нихуя себе! Интересно. А для меня всё в новинку, потому что я ожидал увидеть козу посреди Минска, людей в лаптях, избы стоят. А там пиздец, европейское государство.

? А мне кажется, или здесь девки красивее?

Это я заметил, когда мы сидели в столовой, кушали борщ и котлетки, а за соседним столом сидела девчонка, с учебниками и тетрадками. Такой красоты, что пиздец! Охуенно красивая, стройная, глаза голубые, волосы.

? Что это?

? Ну да, здесь девчонки красивее.

? Я никогда не видел, чтоб в Москве сидела девчонка и делала домашнее задание.

? Правильно, потому что в России по 100 000 самых красивых девушек в год вывозится в бордели для работы проститутками.

? Как так?

? Вот так, потому что ещё со школы в младших классах проходят конкурсы красоты. Самые красивые девушек берут на заметку. Обещают карьеру. Как им исполняется 18 лет, они на низком старте, готовятся стать моделями и уезжают в турецкие бордели.

Об этом я слышал давно, но я не думал, что это массово так. Хотя моральный уровень девушек зависит от уровня общества.

? Батяка говорит, что заебали вывозить девок, белорусские девушки — это наше достояние, международные конкурсы красоты запрещены, никто никуда не поедет, все будут жить в Беларуси. Либеральная общественность завопила. Как так? Любая девушка имеет право работать проституткой в любом борделе. Нет, нихуя, все конкурсы красоты — сутенёрство, всё закрыто, только национальные конкурсы, никто никуда не уезжает, это наше национальное достояние. На девушек можно посмотреть, познакомиться, поговорить, вот они здесь, живые, а не в порнороликах Вудмана.

Ещё вопрос у меня был.

? Мне кажется, или здесь менты крупнее?

? Ну да, крупнее.

? Как так? Мясо жирнее? Если есть переход в Москве, то там патрулируют солдаты-срочники. У меня даже было предположение: дают задание — поставить 200 кг мусоров. Можно поставить 4 мусора по 50 кг или 3 по 70 или двух по 100 кг, но так как мусоров по 100 кг мало (срочников), поэтому ставят 4 по 50. И вот они ходят сморщенные, кривые, лица жалкие, горбатые, ноги волочат, форма висит, и попрошайничают сигареты. То есть это не охранники порядка, а какие-то орки ходят. Здесь отряд срочников, крепкие, нормального вида люди. Что такое? Почему?

? Ну... Потому что в России — служить в армии — это позор, трата времени. А тут почётно. Если пришёл из армии, то тебя и в институт возьмут, и много других социальных льгот. А в России — ну пришёл, ну дурак, что отмазаться не смог, ещё и в спину плюнут. Был тут случай, посадили военкома, за то, что брал взятку...

? Ну естественно, в Москве тоже сажают военкомов.

? Да, но этот военком взял взятку за то, чтобы призывник пошёл в армию. Он был негоден по медицинским показателям, а военком взял, чтоб признать годным, и в армию пустить.

Это вызвало у меня шок. Чтоб в России кто-то дал взятку, чтоб пойти в армию? Он вообще должен быть душевнобольным, его надо изолировать от общества, одеть в смирительную рубашку и положить на растяжки на полтора года. Он просто опасен.

Поехали на рынок, посмотреть торговлю в Минске. На рынке я тоже не увидел ни одного чурки, белые лица у всех. Девушки торгуют, причём такие, что у нас не в каждом бутике будут нижним бельём такие торговать. Реально красивые. Мятой торгуют,

помидорами, огурцами.

? А где чурки?

? Сейчас чурок не осталось.

? Почему?

? Потому что Батяка обязал всех платить налоги. Чурки не любят платить налоги. Они говорят: «Слюшай брат, давай всё решим, коррупционный схема строить будем, друг другу рука рука моет.» Чурки решили, что торговать невыгодно, и посъебались в Москву. Там бизнес идёт хорошо. Здесь фермер вырастил, что надо, привёз на рынок, продаёт.

Видел я там двух азиаток, корейки. Стоят, торгуют морковкой, кальмарами корейскими, прочей ихней шнягой. Они не вызывают желания их убить даже. Дальше пошли мы на памятник какому-то коню. Стоит конь.

? Слабо залезть?

? Не слабо.

Понимаю, что не могу залезть, 120 килограмм, здоровый, но не прыгучий.

? Будь казаком!

? Долго будет.

Лезу, снял куртку, запрыгнул, заебись. Только вот как слезать — непонятно. С горем пополам слез.

Пошли на главную площадь города, посмотрели на президентский дворец, фонтан, где мальчик душит гуся, возле которого собирались пидорасы, возле которого этих пидорасов РНЕшники били. Стали встречаться со знакомыми Малюты, бывшими РНЕшниками.

Одним, другим, третьим. Ситуация одна и та же: превратились в овощей. Все уже обычные люди, кто-то торгует, кто-то актёр, уже ничего не интересно. Из разговоров слышно: «А за что бороться, здесь и так всё нормально. Я работаю. Кого бить? Чурок нету. Делать нечего». Ситуация такова, что те, кто хотел борьбы, кто не хотел просто ходить на работу, те сваливали в Россию, где всё крайне ебано, и далеко до того, что на улице можно увидеть белые лица.

Ещё я слышал, что в Беларуси много антифашистов, которые борются с Батькой, антисистемные. Очень хотел увидеть, но за 3 дня не нашёл ни одного. После 11 вечера никого не бывает на улице. Пустой город, кто-то может бежать быстрее домой, спать лечь. Но в общем и целом замечательно, тишина, спокойствие.

Пробыли 3 дня. Уезжаем. Чувствуется, что жить здесь охуенно, но жизнь скучная.

Я понимаю, что не смог бы там жить. Всё нормально же, что мне там делать? Ходить на работу? Я заебусь. Но в стране всё хорошо. Получается, что всё хорошо в стране, а Россия её ещё врагом не объявила. Просто никак. Приехали 29 декабря в Москву. И тут же по всем каналам: «Белоруссия — враждебное государство. Не

платит России за газ, наживается. Вся её экономика держится на том, что получает субсидии на газ. Вы посмотрите, Батка — диктатор, сволочь.» Нихуя себе. Они газ получают не дешевле, чем в самой России, а экономика как-то держится. У нас пиздец, а там — нормально. По поводу того, что это российский газ, так у нас тоже газ туркменский. Покупают у Туркмении и перепродают в Европу. Конечно, он когда идёт по нашим трубам, он

становится российским. Что же русский народ не наживается на этом газу? Если он ещё дешевле, чем в Беларуси? Нет, нихуя, враждебная страна. Объявили врагом, думаю. Надо делать ролик и выкладывать. Как мы приехали, я первую ночь не спал, монтировал сидел. Получился почти часовой ролик, наложил музыку, смонтировал, разбил на три части, залил в интернет.

Надо сказать, что поездка в Беларусь, она просто поменяла моё представление об этой стране на все 120 %.

В это время появилась новая схема отмывания денег. Если сделать кучу карточек, причём даже не кредитных, а дебетовых, на которые от неизвестной фирмы будут поступать деньги и наличить их. По 20-40 тысяч. Суммы небольшие, но так как карточек много, то набегит много денег. НСО — организация большая. Начинаем хуярить карточки. Я себе тоже сделал, ВТБ, ещё где-то. Задел на дикую сумму бабок. Собственно, деньги пошли. Перспективы охуенные. Осталось только загасить всех патриотов. Все националисты будут национал-социалистами, и нам останется собрать их в единый кулак, вот тут-то мы власть и захватим.

На форуме, для того, чтобы мотивировать пропагандистов, я ввёл медали. Скачал медали Третьего Рейха, за вклад в дело национал-социализма. Скачал, в фотошопе обработал, чтобы стало три вида: золотая, серебряная и бронзовая и стали этими медалями награждать участников форума. Там было два вида медалей. Первая медаль — спонсорам. Если дал больше ста долларов, то у тебя золотая медаль. Это говорит о том, что ты помогаешь организации, не просто пиздишь на форуме, а именно помогаешь. Это уже как-то добавляет веса твоим сообщениям. И так же с медалями пропагандистов. Если ты вывел в топ Яндекса хотя бы одну статью, если тебе сказали вывести, то получаешь бронзовую. Если написал некоторое количество сообщений и вывел несколько раз в топ Яндекса, то серебряную. Если твой ЖЖ попал в топ-300 Яндекса хотя бы, если у тебя нормально сообщений и раз 20 вышел в топ, то получаешь золотую. В общем-то фигня, ничего не значит, но люди дико рубились за эти медали. Писали статьи, вели пропаганду, выкладывали. Охуенно работала эта интернет-пропаганда, как часы. Я писал статью, с просьбой сделать свободный пересказ этой статьи и перепост. И весь топ забит!

После митинга мы поехали в Воронеж. Выезд, концерт «Русского Стяга» там должен был быть. И мы должны были съездить в Дивногорье. Малюта сказал, что там хорошая энергетика, древнее капище. Выехали, я, Малюта, Сёрфер, Женя Стяг с барабанщиком, и ещё несколько человек взрослых НСОшников. По дороге ничего особенного не приключилось, остановились в кафе, между городами. Кафе азербайджанское «Ататюрк». Напротив армянский автосервис. Кемаль Ататюрк нормально армян ебашил, это видимо у них братские чувства. Остановились сожрать что-то. Я пошёл в туалет. Там я обнаружил ведро, чтобы жопу подмывать. В унитаза я мочиться не стал.

Приехали в Воронеж, там нас встретили местные НСОшники, отвезли на квартиру. Мы там протусовались некоторое время. Ребята съездили, сняли квартиру на ночь, потому что нас было очень много и у НСОшников не было места. Сняли хату и поехали на концерт. Приезжаем, Малюта, как обычно, на «Ягуаре». Поставили «Ягуар» около какого-то клуба сельского. Огорожено забором, облупившаяся краска, внутри здания зал, 20х15, паркет обтопанный. Женя начинает налаживать гитару, всё звенит, скрипит. Мы тусуемся на улице. Я смотрю: концерт «Русского Стяга», что за контингент? Я думал, что я попал в фильм ужасов. Рядом стоят гопники и скинхеды. Причём и те, и те — классические.

Гопники в восьмиклинках, в вельветовых брюках, в кожаных куртках, барсетки, семечки, девки под мышками. Это просто пиздец, Адъ и Израиль. Рядом скинхеды, чистые кожи: камуфляжные штаны, ботинки с белыми шнурками, подтяжки спущены, головы бритые, это вообще жесть. Гопники ходят, семки грызут, на кортах сидят, пиздец.

Решили мы на концерт не ходить, а остаться снаружи. Женя начал играть, я не очень люблю эту музыку, если честно. Слов я не знаю. Вообще смысл ходить на концерт, если не знаешь слов? Лучше на компе послушать. Остались снаружи разговаривать с бывшими РНЕшниками, а сейчас — представителями ПЗРК «Русь» и по совместительству, воронежскими бандитами. Разговариваем, и тут подъезжает джип. Старый Рајеро. Из него выезжает мужик, килограмм 100, в малиновом пиджаке и брюках. С толстой золотой цепью, перстнями на пальцах. Я смотрю: что такое? Это только в кино можно увидеть мужика на джипе, в малиновом пиджаке, бритого наголо, с цепью. «Здарова, пацаны. Я — смотрящий за городом.» Человек вменяемый, но внешний вид — я в шоке. С нами стоят три блатных, все РНЕшники местные, они бандиты. И стоит батюшка. Разговариваем, обсуждаем политическую ситуацию, планы, совместную деятельность. Они пьют пиво без перерыва. Отправили батюшку ещё пива принести. Раз, выпили, опять батюшку отправили. Опять выпили и так далее. Там как раз около дома культуры палатка.

? А что вы так без перерыва пьёте?

? У нас обет.

? Какой обет?

? Ну мы батюшке обет дали, что мы без гостя не пьём. А гости — это вы. Поэтому при вас мы может пить. Иначе мы бы алкоголиками стали, а так мы пьём только при госте. Поэтому нам можно.

Они нахуячиваются постепенно. Я смотрю: за воротами ДК стоит какая-то четвёрка, в ней сидят явно мусора с видеокамерой, всю компанию нашу снимают. Без палева.

? Смотрите, нас снимают.

? Ой, бя, сейчас надо пойти переговорить. Решать надо, потому что если они снимают, то приедет спецназ, будут всех брать, класть.

? Почему?

? Потому что у нас всегда так, если нас снимают, то всех берут.

Начинают звонить кому-то, решать. Батюшку ещё сильнее за пивом гоняют, он там им то сухарики, то кальмаров. Отзваниваются, решают, рамсят, пальцами машут.

Обзвонили всех. Понимание пришло, что несколько автобусов, с СОБРОм, с ОМОНОм приедут штурмовать этот ДК, что у ментов информация о том, что сейчас эмо планируют нападение на скинхедов, и они заранее планируют захватить скинхедов, чтобы спасти их от эмо. Интересный расклад сил.

Пока шёл концерт, первый час шли переговоры по телефону, нагнетание ситуации.

? Пошли в машину сходим, ножи скинем.

? Пойдём.

Вышли, прошли мимо мусорской машины, они на нас. Зашли в магазин пожрать, подходим к «Ягуару». На капоте насыпано ведро песка. Ебать деревенские крестьяне. Не могут они не насыпать. Москали проклятые с белорусскими номерами. Пришлось машину переставлять в соседний двор, где дома не деревянные. Переставили.

Вернулись к блатным, которые прозванивают. Тут два мента-опера вышли, посмотреть, что на концерте происходит. Подошли, поздоровались с блатными, зашли в зал, там посмотрели, ушли, потом опять подошли к блатным, разговаривают, ля-ля-ля, руки пожимают, менты с блатными пивка выпили. Всё, вопрос решён, разногласий нет, всё улажено, заебись. Смотрю и думаю: «А сразу не могли к ним подойти, если вы всех знаете? Нахера прозвоны-то?». Это их дело. Заодно пивка попили...

Концерт закончился, они зовут всех в гости к себе, на ночь, дальше тусить. Но ни у меня, ни у Малюты нет никакого желания на ночь ехать, будут предлагать набухаться. Если не набухаемся сами, то они сами набухаются. Думали-думали, поручили почётную миссию вести переговоры группе «Русский Стяг», бросили их, а сами поехали ночевать на квартиру. Там переночевали, и утром поехали в Дивногорье. За нами заехали НСОшники местные, и поехали мы на машинах смотреть древние капища. Я так, со скепсисом

обдумывал, что там может быть? По дороге Малюта говорит.

? Здесь место странное, постоянно машина ломается.

? Ну да, конечно.

Через километр, проезжаем. Трещинка в дороге: бух!

? Вот смотри, сейчас что-то будет.

Проехали по дороге, что-то стукнуло, машина заглохла. Ягуар не заводится. Лазили, лазили, выбило какой-то предохранитель. Ставили его.

? Видишь, какая фигня, постоянно что-то ломается в этом месте.

? Ну да.

Починили. Доезжаем до Дивногорья, это меловые горы, белые. Там древние пещеры, в которых на мелу выбиты свастики, письменность, руны, признаки древней цивилизации. Суть в том, что во время войны это место захватывали немцы. Они его захватили, выставили дорожки наверху из специального камня из Германии, изучали аномальные явления, там Аненербе, все дела. Месту несколько тысяч лет. Очень древнее место. Это было при немцах. Потом советские учёные увезли камни куда-то для изучения. И всё. Дальше российская власть отдала пещеры для восстановления РПЦ. Там монастырь организовали. Монахи ведут работы для потомков. Как? Просто сдалбливают свастики, все руны со стен. Уничтожают наследие русской цивилизации. Типа до прихода христиан не было вообще ничего, никакой письменности, рун. Просто уничтожают! Там везде написано: «Ведутся реставрационные работы». Всё срублено. Прошли чуть дальше, там письменность остаётся. Малюта, когда ещё туда ездил, привёз свастику меловую, которой порядка 2000 лет. Там выбита она была и её со стены сдолбили, чтобы выбросить.

Конечно, восстановить же надо, может плиточку положить, побелить стены.

Ходим, лазим, Малюта рассказывает. Мне сначала было смешно, не особо был вдохновлён. Однако, когда поднялись вверх, там гора крутая, я почувствовал себя по-другому. Чувствую изменение сознания: всё, что я должен делать на этом свете, моя цель — это просто-напросто защищать именно эту гору. У меня топор в руке, я понимаю, что этим топором надо отбиваться от врагов, которые будут лезть на гору, а я должен только защищать эту гору и всё. Буду выполнять свой долг. Чёткое ощущение. Я это сказал на камеру.

Ходим, смотрим камни, дорожки, которые немцы стелили. Дошли до капища, оно находится на вершине горы. Там, на вершине, выбрана площадка 20x20 м. На ней растёт мелкая трава. Посередине пятачок метров 10x10, где не растёт вообще ничего, травы нет, как будто перекопали всё, залили бетоном, и насыпали немного земли. Всё мёртвое. И посередине этого мёртвого пятачка где-то пятачок 3x3, на котором растёт обычная трава, не жухлая. И посередине яблоня. Вообще не понятно. Даже если выжигать что-то. Хрен его знает. Там должно было быть что-то под землёй, что должно препятствовать росту травы, или должно быть всё обработано химикатами. В траве, которая пожухлая и кривая — ползают гадюки и ужи. Их много, ползают туда-сюда, я одного схватил, другого, тянусь за третьим — гадюка! Что-ж такое-то? Они же вместе не пересекаются?

Там раньше проводились ритуалы, приносились жертвы богам. Место силы ощущается до сих пор. Мистический смысл нашей поездки заключался в том, что мы там должны были провести ритуал. Таким образом, разбудить место силы и заставить его служить славянскому роду снова. Оно уснуло, а мы воскресим.

Разожгли костерок небольшой. Малюта сыпал зерна. Сказал несколько слов о том, что есть павшие герои, в честь их мы собрались, что мы хотим принести жертву богам, чтобы они защищали наш род. Суть в том, что мы стояли, и молча вспоминали погибших в борьбе соратников. Получилось так, что я стою и думаю, что у меня реально никто из тех, кого я лично знал, в борьбе не погиб, ни один. Я знал, что погибают люди, что погибают герои, но ни одного я не потерял.

Постояли. Стали заряжать над священным огнём оружие. Там был ритуал, что если ты три раза проведёшь над пламенем, то ты зарядишь оружие на защиту. Если девять, то на убийство. Ну давай на девять, конечно, чтоб наверняка, мало ли что. Слабовато на защиту, надо по полной вооружаться.

Провели и поехали назад. Прямо с гор, в Москву. Чувство у меня было офигенное, как будто я сделал очень важное дело. Еду. Если после выступления в клубе Билингва у меня было чувство, что я в чане с говном побывал, то сейчас было чувство, что я выиграл олимпийские игры. Замечательное поднятие духа, эйфория. Малюта рассказывает о своих ощущениях, что то, что он почувствовал на горе — это обязанность защищать эту гору от врагов, если полезут и больше никому не должен. Стой! Камеру перемотал, и там чётко слова, которые я сказал, чуть отойдя в сторону на камеру. Это было удивительно.

С Лёхой мы колледж закончили, надо идти работать. Но работать инженерами скучно.

? Пойдём работать в «Красную шапочку»!

«Красная шапочка» - это женский клуб, куда мужчин не пускают, и мужчины, которые там работают — они официанты, стриптизёры, бармены. И женщины, которые туда приходят, они через меню могут их или домой увезти, или в специальную комнату. Это называлось Crazy Menu, оно нормальных денег стоит. Инженерам-то трудиться — геморрой. Прошли кастинг.

? Вы — нормальные, симпатичные парни, всё замечательно. А у вас дипломы официантов-барменов есть?

? Нет.

? Тогда вы сейчас направляетесь на обучение, проходите месяц теории, потом у вас практика, вы становитесь дипломированными барменами, тогда у нас будете работать.

? Хорошо.

Стали кататься на «ВДНХ», слушать, в каком бокале надо подавать виски, в каком — мартини, в каком — шампанское. Там я первый раз задумался, что алкоголь — это не только пойло для быдла, но и ещё определённая традиция, потому что если в это реально вникать, то для каждого напитка своя рюмка, закуска, по разному надо пить, у каждого напитка — своя история, рецепт приготовления. Это было интересно слушать. С одной стороны, но с другой стороны, я знал, что народ просто покупает водку и выпивает её не для того, чтобы ощутить божественный аромат напитка, а просто, чтобы нажраться в говно

и забыть, что он дела должен делать, проблемы решать, просто чтобы деградировать.

Ездили, учились. В итоге, сдали теорию. Надо сдать практику. Лёху не помню куда направили. Меня направили в исторический музей быть барменом на симпозиуме учёных. Исторический музей находится на Красной площади. Около него — Сталин, Ленин бутафорские. Там снимали фильм «Брат-2», когда тип архивы каталогизировал. Собрали нашу тусовку, все в белых рубашках, брюках, я тоже, но вместо туфлей — тяжёлые ботинки и ноготь на пальцах выжжен, из него кровь течёт, потому что я бинт потерял.

Этот тип, который распределял всех, говорит.

? Вы — туда, вы — сюда. А с тобой что делать?

? А что такое?

? Ты что, скинхед?

? Не.

? А что в таких ботинках?

? Не знаю, других нету.

? Как тебя в зал пускать?

? Не знаю.

? Что с рукой?

? Фигня.

? Сиди тогда просто здесь, никуда не ходи.

Вся моя практика заключалась в том, что я сидел и что-то жрал. Отсидел 10 часов, мне подписали, что я практику прошёл. Я поехал, получил диплом официанта-бармена. В течение того месяца, я не занимался спортом вообще. Было неохота. Лень, она такая, забить на спорт легко, а начать тяжело. И питался неправильно: хлеб, лапша. Я похудел, перестал ходить на официанта-бармена для «Красной шапочки». Прихожу туда.

? Ой, а ты тощий такой, как ты будешь у нас работать? Давай мы тебя в другой клуб отправим.

? Куда?

? Хочешь в казино «Империя».

? Да.

А при слове «казино» у меня мысль: «Там можно что-то замутить», я согласился. Приехал в казино. Там собеседования, конкурс. Всё прошёл. Поставили меня на фуршет. Там денег не дают никому, поэтому нет ни чаевых, ничего. Херня. У меня был план, как грабануть казино, потому что просто так вообще работать не интересно. Особенно

барменом. Работаю я там один день, первый. Работа совершенно неинтересная, нудная. Я специально туфли купил, ноги натёр, нельзя сидеть, всё болит, надо ходить, постоянно смотреть, чтобы у гондонов еда была горячая, они меня дико раздражали.

? А какой это суп? Свинина или говядина.

Тебе не похуй? Жри! Но было несколько плюсов. Во-первых, там была целая куча девушек, которые были почти все не из Москвы, очень общительные.

Была комната для персонала, они приходили, снимали туфли, колготки, отдыхали. Приходили туда же стриптизёрши, танцовщицы. Тусовались.

Плюс еда. Она стоит два часа, потом её надо выкидывать. Очень много вкусной еды я там попробовал, которую до этого вообще не ел.

Там кормили, итальянский повар варил супы, вторые блюда. Первый день я отработал, на второй я познакомился с двумя официантками, которым негде было жить.

? У меня есть квартира, в которой никто не живёт. Можете там пожить немножко.

? А что по деньгам?

? Ничего по деньгам, но там кровать одна, так что нам спать вместе придётся.

? Да, ладно.

Я смотрю на них, девчонки красивые, и друг друга трогать начинают шаловливо.

Вот это не зря я сюда попал. Второй день закончился. Прихожу на третий день. Там с утра какой-то чурбан говорит:

? Максим, принеси мне ананасовый фреш.

Что делать? Пошёл на кухню, нести ему фреш. Сделали его, там лестница есть для поваров. Она очень узкая и там обычно никого нет. Я остановился, выпил половину

фреша, нассал в стакан, вот несу, пожалуйста. Чурбан фреш взял, отпил.

? Это не фреш.

? А что это?

? Это не фреш, принеси фреш.

? Слышь ты, ебло арбузное, пей, что дают. Охуел?

? Ты кто такой? Ты знаешь кто я?

Прибежал администратор, оказалось, что у этого чурбана — серебряная карта, он денег нормально спустил. В течение 15 минут я был уволен. Самое обидное, что я не взял денег у девушек, с которыми мне жить. А тусоваться почти сутки, ждать, когда они закончат работу, мне было неинтересно. Так закончилось моё первое знакомство с казино «Империя».

Вернулся в Москву, там объявили проведение сборов НСО. Сборы проходят в начале мая, в самом начале. В лесу. Как обычно, заранее приехала небольшая группа, человек 6. В Москве скучно, надо в лесу потусоваться, видео снимать. Приехали я, Сёрфер, ребята из Воронежа, несколько человек. Строим лагерь, расчищаем полянки, строим полосу препятствий, готовимся. Но больше отдыхаем от города. Вокруг туристы, спортсмены, спортивное ориентирование, бегуны, хардбольщики, просто группы, занимающиеся скалолазанием на спуске. Подготовили лагерь, приехало человек 50. Всех переодели в камуфляжи-горки, на каждого были выданы автоматы пневматические,

калаши, дрозды, кроссманы, у всех было оружие. Поиграли в хардбол, Женя-стяг поиграл на гитаре, полосу препятствий ребята преодолевали, бросали гирию, слушали песни у костра. Приехал туда Румянцев со съёмочной группой CNN, мы дали интервью, Адольф, я, Малюта. Они поснимали, как нацисты тренируются убивать людей, проходят полосу препятствий и играют в хардбол. Конкретное человеконенавистничество. Сняли страшный сюжет. Вечером происходила клятва членов НСО. Мистический ритуал, заключался в том, что сделали свастику на земле, подожгли её, стоят люди с флагами, посередине стоит тот, кто принимает присягу возле свастики читает текст: «Я клянусь перед лицом соратников не отступать от идей национал-социализма, быть верным и преданным». Затем он должен порезать себе ладонь ножом, капнуть каплю крови в вино и все должны сделать оттуда по глотку те, кто принимают присягу (Малюта, Адольф, Румянцев, ещё человека 4), я не принимал, потому что не состою в НСО.

С Сёрфером родилась новая идея – замутить афёру со Сбербанком. Там была в чём суть: в ипотечном кредитовании есть одна лазейка: что если ты покупаешь квартиру в строящемся доме, то в залог ты даёшь не квартиру, а только документы на квартиру, потому что на неё посмотреть нельзя. По сути предоставляешь воздух, у тебя нету ничего, но ты получаешь уже деньги. Можно было найти бомжа, поселить его в квартире, кормить его мясом, фруктами, овощами, не давать бухать, превратить его в человека, но он же по сути бомж? Привести в Сбербанк, сделать документы, что он где-то работает, что он зарабатывает прилично, чтобы бомж получил ипотечный кредит, сделать ему справки все о доходах, всё нормально, он получает бабки налицом и эти бабки забрать. Дальше

остаётся за этого бомжа где-то полгода ипотеку, и потом можно спокойно забивать. Если даже какие-то коллекторы или служба безопасности находят бомжа, то вот лежит он вдоль забора, а он: «Яееее не знаю, иди нахуй!» И всё. Тем более, что бомжа можно перевести в другой город, дать ему немножко денег, и всё, он осядет где-нибудь на свалке, его там уже никто не найдёт, его нет. Задача была простая: найти бомжа, выцепить его и привести его в Сбербанк. Ну, конечно, было чуть посложнее, нужны были сотрудники Сбербанка, но с этим тоже было решено. Для того, чтобы поселить бомжей где-то, нужно снять квартиру, в которой их содержать хотя бы пару месяцев, чтобы они себя привели в нормальный вид и обрели человеческое лицо.

... Как-то Малюта говорит: «В казино «Кристалл» будет проходить покерный турнир, в эту субботу. По русскому покеру. Народу не очень много, довольно большие шансы получить призы.» Быстренько договорились с Гусём, договорились, что поедем туда. Сёрфер выдал денег, каждому по 3000\$. Собрались,

оделись поцивильнее, насколько в нашем случае это возможно. Выдвинулись. Приезжаем в казино, заходим. Каждое казино по-своему обставлено. В Кристалле атмосфера Лас-Вегаса. Кругом автоматы, блэк-джек, джекпоты везде выпадают. Пол сделан из аквариумов, под ногами рыбки плавают.

Красота, вокруг, как обычно, долбоёбы ходят игровые, мы лазим, туда-сюда.

Зарегистрировались в турнире, купили фишки, нашли столы, до покерного турнира оставалось полчаса. Что делать? Посидим, сожрём что-нибудь. Решили, пока не начался, посидеть покатать, поиграть в покер для времяпрепровождения плюс бесплатно покушать, потому что если ты сидишь за игровым столом, то тебе еду приносят бесплатно.

Сели, мороженого я скушал, креветочек жареных. Суть турнира была очень простой: надо было набрать как можно больше выигрышных комбинаций: флешей, каре, фуллхаусов, флешроялей, не помню, стриты считались или нет. Стратегия на этом покерном турнире должна была отличаться от стратегии игры против казино, когда ты играешь чисто на заработок, потому что здесь ты можешь рисковать чуть сильнее с целью собрать больше комбинаций. В этом случае всё окупится. Не так, чтобы до безрассудства, но чуть больше обычного можно рисковать.

Получили инструкции, как надо себя вести, как ставки делать, в каком случае, где карты менять. Ни волнения, ничего особого нету. У меня особой надежды выиграть не было, потому что, чтобы выиграть покерный турнир, надо быть таким игроком, таким счётчиком, хотя если подумать, то ничего особенного в этом нет. Надо только больше везения, чтобы за два часа собрать больше всех комбинаций. Особого мастерства не должно быть. Если играть против автомата, то можно выиграть, если остальные будут играть против дилеров. Основное время в покере занимает раздача, перемешивание, раскладывание. В это время можно покушать, поговорить по телефону.

Сидим. Играем с Гусём за одним столом. Комбинации приходят, конечно, но вот сидят два мудака, у них то флеш, то фуллхаус, то карэ, и так далее... Висит табло, все игроки, все номера, и тот, кто поймал. Смотрим: мы уже в жопе, а приз получает только тот, у кого первое место, остальные сосут. Отстали мы безнадежно. Тут реально чистое везение, никакое мастерство не поможет. Можно, конечно, безумно играть, сливая деньги впустую, в надежде поймать комбинацию, но тут риск не оправдывается никоим образом, если играть без правил... Как-то ехали мы с Малютой отвозить Сёрфера домой. Решили по дороге заглянуть в казино. Заглянули, расселись. Посередине Сёрфер, по краям мы с Малютой. Сидим, взяли фишечек, играем. Я на один бокс, Малюта на один бокс, и Сёрфер на два бокса, потому что за столом можно играть в открытую на четыре. То бишь или два человека на два бокса, или четыре на один бокс, или два на один и один на два. Было бы оптимально, если бы Сёрфер сидел и играл один в открытую на четыре бокса, но так нельзя, игра становится слишком прибыльной. Поиграли, поиграли и часа за 4 заработали 1500 долларов. Сёрфер говорит:

? Чо, так прикольно, давайте втроем кататься. Сидишь, разговариваешь, весело. Деньги идут. Информацию с двух боксов я получаю.

? Ну да, в принципе, нормально.

Стали мы регулярно кататься искать казино. Сначала Сёрфер прознал, что где-то около Черкизовского рынка открыли новую казину «Двойной кокос». Открыли в расчёте на то, что всякие барыги черкизонские пойдут туда играть. Приехали, как люди, на «Ягуаре». Заходим. «Извините, у вас камуфляжные штаны, вам нельзя». Ну ёб твою мать. А у меня английский камуфляж, толстые, хорошие, не порвутся. «Нет, у нас правило, смотрите: В военной одежде вход запрещён, а также спортивной, строительное и так далее». Ладно. Пришлось уйти, перейти на другую сторону дороги, в какой-то магазин забрели, купил джинсы в магазине, купил не я, конечно, купил Сёрфер. Надел джинсы, штаны в багажник, заходим в казино. «Да, пожалуйста, проходите.»

Казино новое и пустое, нас там три человека, четыре стола для покера, три для блэк джека один — рулетка и игровые автоматы. Маленькое казино, но уютное, официантки ходят, дилерши симпатичные. «Пожалуйста, садитесь, дорогие клиенты, гости.» Сели. Сидим, играем. У меня есть маячки, которыми я передаю Сёрферу информацию. Я ему курсирую совпадение с картой дилера, туз, король, дама, валет. И Малюта делает то же самое. У меня там маячки — цыкание зубом, сморканием, если я говорю: «Так» - это одно совпадение, если «ага» - два совпадения, всё очень просто.

Сидим, играем. Почему-то нам казалось, что нас должны очень быстро выкурить. Но нет, все ходят вокруг нас, официантки, боссы, «ребята, хорошо, что пришли, а как вы узнали о нашем казино?», «да вот ехали, случайно увидели, решили зайти», «ой, как хорошо, мы так удачно расположены». Конечно, вы охуенно расположены!

За первую ночь мы вынесли 4000 долларов. Сёрфер: «Блядь, они вообще походу чистые люди, они ни хрена не понимают.» Приехали на второй день. Всю ночь играли. А в 7 утра вынесли 3000 долларов. Но это 3000 долларов + бесплатная кормёжка. Я ж на анаболиках, жрать надо в 3 раза больше, Малюта жрёт в три горла. И про нас подумать, что мы сидим, считаем карты, просто невозможно. Мы разговариваем, как кого выебать, как надо убивать чурбанов, антифашистов, то есть это просто пиздец. Официантки слушают, с боссом разговариваем о национал-социализме. Они видно, что пугаются, но уйти не имеют права, надо смотреть, что играем честно. А мы играем честно, в карты друг другу не заглядываем вообще. Зачем нам заглядывать, если мы маячками действуем? Сёрфер молчит, да и зачем ему говорить, если он на два бокса играет, надо за игрой следить.

Нашли мы рыбное место. Мне очень нравилось во время игры: сидишь, Сёрфер зазевается, возьмёшь у него несколько фишек на 500 долларов, свистнул. Он: раз! Руку тянет, где фишки? Шарит, шарит по столу, когда проиграть успел. Мне смешно: Ха-ха-ха. Отдавай! Отдаю. Потом опять спижжю через 5 минут. Получалось очень прикольно.

Как-то говорю: «Кислого хочется». А я на каком-то курсе был, набрал килограмм 120.

«Выпейте лимонный фреш». А я всё время пил апельсиновый и грейпфрутовый. Что, думаешь, не выпью? Официантке: «принесите мне лимонный фреш!» На меня смотрят.

«Да, лимонный фреш». Пошла, сделала, смотрю, ещё три официантки. Глотнул, у меня сразу глаза перекозились, и испарина во лбу, нихуя себе! А что делать? Принесли мне 400 грамм здоровый стакан, пришлось его выпить. Блядь, вот это кислятина! Мне в тот день больше фреша не хотелось. Обычно не хватает чего-то кислого, обычно пьёшь эти фрешы апельсиновые, а тут вообще ахуенно!

Заметили, что в казино вместе с нами появляется ещё один мужик, но он играет в блэк джек. Играет, орёт, возмущается. Руками по столу стучит. Сёрфер сидел, смотрел:

«Блядь, это тоже счётчик, я вижу как он играет, как ставки повышает, когда выходит карта из колоды.» Они вообще не понимают. Он счётчик, а они его не выгоняют, это пиздец.

Они вообще не следят, лохи.

Казино это вообще всегда пустовало. Мы решили, что слишком палимся. Поехали на другой день подальше, за Черкизоном, нашли ещё одно казино «Золотая жила». Опять, как обычно сели, Сёрфер делает последние ходы, по нашей схеме, сначала я, потом Малюта, чтоб у того было больше информации. Играли часов 5. Объяснили администратору всю политику национал-социализма. Про мировую экономику с ним поговорили. Про всё.

Тут ему в наушники что-то сказали. «Ребята, извините, казино не может больше с вами играть». «Что такое?», «Вы-ж сами понимаете». Ну да, понимаем! Забрали мы из этого казино 6000 долларов, нам их выплатили и уехали. Потом мы подумали, что нас через неделю туда пустят, но больше нас не пускали. «Двойной кокос» всегда был рад нас видеть. «Ребята, проходите, здравствуйте». Один раз сели, играем. Играли-играли.

Проёбываем. -3000 долларов, 5000... 8000... 13000... Блядь! Просрали. Я сижу в машине,

Сёрферу похуй. «Да ладно, какая разница, мы отсюда вынесли уже под 40». «Но 13 просрали», «Ничего, ещё завтра вынесем». У меня таких денег никогда не было, и просрать их для меня трагедия. А Сёрферу пофигу. На следующий день приехали, отыгрались. Ничего страшного не произошло. Однако меня впечатлило поведение Сёрфера: смотрит на дистанцию, да сегодня проиграли, какая разница, игра идёт по синусоиде. Играли мы играли, через месяц приезжаем, казино закрыто. Странно, двери на месте, свет включён. Охранник говорит, что закрыто.

? Закрыто как, для нас или вообще?

? Вы тут постоянные клиенты, почему для вас-то? Прогорело казино.

? А что такое?

? Что-то проигрывает казино, а люди не ходят.

Расстроились мы, конечно. Сели в машину, поехали искать новые. Нашли одно в районе Строгино. Там совершенно безумные параноики. Вы за одним столом не играйте, играйте все за один бокс и на разных столах. Понятно. Нахуй надо.

Приехали в казино «Европа» на Пушкинской. Поиграли полчаса. «Ребята, извините, с вами казино не работает». Пошли в казино «Шангри-Ла». «Ребята, извините, с вами казино не играет». Причём там нас сразу забанили, даже не

пустили раздеваться. Сразу блэклист. Видать, казино торгуют между собой блэклистами, и те, которые находятся в дружественных отношениях, они информацией меняются. А казино «Арбат» для нас с Сёрфером было закрыто ещё с того года. Казино «Империя» тоже, «Метелица», «Клуб А»,

«Корона»...

Поехали в казино в Митино, небольшое такое. Сели. Там ставки слишком маленькие. Всё накурено, дилерша ебанутая. Попросили принести чай. «Чай 50 рублей». Блядь! В казино чай всегда бесплатно, еда и соки. Я, конечно, потерпел бы, но Сёрфера это прямо возмутило. Да вы охуели! Идите нахуй! Встал и пошёл. Это его право. Приехали в казино и ещё за чай платить. Конечно, казино на нас хочет нажиться и ещё и продавать напитки, которые должны нас удерживать за столами.

Расстроенные, едем домой. Тут смотрю: казино «Десперадо». Я почему-то всегда думал, что это дискотека. Куртки принимают. Казино сделано в стиле Дикого Запада, всё красиво.

Садимся. Дилеры вменяемые, правила очень щадящие: можно играть за одним столом на четыре бокса. Кстати, казино «Двойной Кокос» почему проёбывало: там можно было играть на 6 боксов за одним столом в открытую, это ошибка, хотели сделать дико удобные правила, чем мы и пользовались. Это был пиздец. Сахарное место.

Тут мы играли на 4 бокса. Играли, играли, по 500-1000 долларов получается за ночь. Очень вкусный стол, красота вообще. Там я впервые попробовал фрукты: полулимон, полувиноград, полуапельсин, по форме винограда, кожура как у апельсина, а по вкусу — лимон. Хотел почистить кожуру, а надо было целой есть. Там их нажрался. Больше не хочу. Вообще, в казино «Десперадо» мы катались, наверно, с месяц, пока нам там не зарубили все мероприятия. Потом пошли другие фишки.

Купили ноут, мобилу скайлинговскую. Поехал я жить на даче. На даче вообще красота. Поселился на старой кухне. Маленький домик 2х3 метра. Хижина Шрека, только чуть меньше. Диван, стол, шкаф и плитка. Мне-то больше ничего и не надо.

На стол я сразу поставил ноут, за этим же столом жрал, спал, на плитке готовил. Мне ничего не нужно больше. Естественно, интернет. Писал статейки, выводил их в топ. Отдел пропагандистов помогал. Весь топ забит. На даче всегда можно шашлыков пожарить, на пруд сходить. Отлично. Жизнь налаживается. Но никто не знает, где у меня дача. Бате названивали, но меня хрен найдут. Звонит как-то Адольф.

? Тесак, меня просили взять у тебя интервью.

? Какое?

? У меня вопросы, ты должен будешь отвечать.

? Бля, реально лень. Какие ответы, заебись.

? Ладно, давай по телефону расскажешь, я голос запишу, потом распечатаю.

? Совсем другое дело.

Так и сделали, вопрос-ответ.

? Что бы ты сделал, если бы знал, что сядешь в тюрьму?

? Ну, если бы точно знал, что сяду, я бы убил человек 10 и смотался бы в Мексику.

? Почему?

? Потому что из Мексики можно выложить в Интернет всё это видео, и оттуда не выдают людей.

? Интересно. А как ты думаешь, к чему приведёт наша борьба?

? Не знаю, надеюсь, что к революции и смене власти.

Обсуждаем радикальные вещи.

? Тебя менты-то не ищут?

? Хрен его знает, вроде ищут, но если бы хотели, то нашли бы уже, я-то совсем не скрываюсь. Если бы в розыск объявили, обыски начали делать по квартирам, тогда всё. Надо на дно ложиться. А пока непонятно. Пусть ловят и повестки присылают.

Приезжает на дачу Дед. В панике.

? Бля, тут ко мне домой менты приезжали, следак какой-то. Из УБОП, про тебя спрашивал, про Ку-Клукс-Клан спрашивал.

? Что хочет?

? Чтобы ты в прокуратуру пришёл, показания дал, поговорить.

? А ты?

? А мне он дал повестку, сказал прийти, показания дать.

? Приходи, дай. Скажешь, что ничего не знаешь. Может тебе что-то расскажут.

? Хорошо.

На следующий день приезжает Дед, рассказывает, что сказал, что ничего не знает, что занимается в зале, слышал, что нацист, но конкретного сказать ничего не может, не общается со мной, и типа отвалите. Отлично.

? Менты серьёзно настроены?

? Походу да. Дело толстое, написано «Ку-Клукс-Клан», всё хотят про тебя узнать, спрашивают. Народу кучу допросили.

? Понятно.

Что-то нехорошее. У нас на носу митинг на ВДНХ. Опять организатор — ПЗРК

«Русь», людей предоставляет НСО и Формат 18, всё как обычно. Суть митинга — здоровый образ жизни. На самом деле — митинг против гей-парада, который должен пройти на следующий день. 26 мая. Митинг за здоровый образ жизни — имеется ввиду моральное здоровье граждан. Сделали мы объявление, написали, что приглашаются все вменяемые НС на ВДНХ, с собой не должно быть ни алкоголя, ни сигарет, все будут построены в колонны, никаких монархистов, дрондов мы не ждём, только нацисты.

Опять схлопнули все страницы: Формат, НСО, Северный Ветер, Нацтех. В ЖЖ написали, вывели в топ. Народу должно быть немеряно. Приезжаем на ВДНХ с Малютой, с камерой. Жарко! Хорошо! Я разделся по пояс, иду, рука, правда, забинтована, потому что ещё не заросла после больницы. Приехали заранее, погуляли. Нам звонят, что пора.

Приходим. Людей дофига, качество реально хорошее, большинство спортсмены, накачанные. Кругом не видно ни рамок, ни металлоискателей. Стоит один автобус с ментами. Менты не выходят. Люди, прямо не скрывая, ходят с ножами, дубинками телескопическими, это совсем не дети, не карланы. Несколько человек пыталось с пивом прийти. Пиво было отнято, выброшено на помойку. Вариантов два — или нахуй идёшь, или всё выбрасываешь, встаёшь в строй, но это фигня, потому что ты одновременно пьёшь и выступаешь за ЗОЖ. Все пиво выбросили. То же самое случилось и сигаретами.

Людей дофига, человек 300, с учётом того, кому мы говорили не приходить, очень многих отпугнули этим. Обещали, что если придёт хоть один ДПНИшник, сладкий, или старуха, то все получают пизды. Старух приходилось выгонять! Смотрю: старуха с плакатом «Банду Ельцина — под суд!» Зачем ты пришла на митинг против гей-парада с плакатом «Банду Ельцина под суд»? Какую банду Ельцина, если Путин у власти? Старуху прямо силой из колонны я вывел. На этом митинге ей нельзя находиться, пусть в стороне стоит. «Ну я на митинг». Нет, нельзя. Выгнали. Тут же моему примеру последовало несколько человек.

Ещё четырёх выставили из колонн, они стояли, проклятиями на нас сыпали, ушли. В итоге получился замечательный вид. Три колонны по 100 человек. Рядами стоят, с флагом, знаменосец впереди, все ровно построены, красота. На самом деле, никто такого не ожидал. Если бы все митинги нацистов проходили именно так, то это было бы самая образцовая и идеальная организация. Потому что обычно все люди просто бродят, никого не слушают, какие-то старики газеты продают, старухи ходят. Просто Содом и Гоморра, Адъ и Израиль.

Ярче всех выступал Румянцев и Адольф. Я сначала снимал со стороны зрителей, потом залез на «газель», там поснимал, получилось нормальное видео для монтажа. Надо сказать, что Адольф произнёс зажигательную речь, как-то так вроде и не о чём, а вроде и закончил словами «удачной охоты вам, волки», намекая на то, что завтра должен быть разорван гей-парад в Москве. Довольные мы оттуда свалили. Поехали ко мне на дачу. Малюта меня, Шульца завёз на дачу, шашлычка поесть, приезжаем. На даче бабушка.

- ? Как дела?
- ? На митинге были за здоровый образ жизни.
- ? И что?
- ? Представляешь, 300 человек, все трезвые, спортсмены, некурящие.
- ? И что, все трезвые?
- ? Да.
- ? Ну кто-то наверняка был пьяный?
- ? Да, там без алкоголя.
- ? И что, все без пива? А ты всех обнюхивал, там 100% пьяные были.

? Не было пьяных. Выгнали.

? Не бывает такого, зож — фигня, все люди пьют. Чушь.

С Шульцом смотрим друг на друга — ну да. Вот она российская философия. Русский — значит пьяный. Получилось довольно смешно.

На следующий день состоялся гей-парад. Состоялся условно, потому что, как обычно, настоящих геев на нём нету. Приезжают всякие депутаты, федерации, политические больше. Потому что те, кто просто любят ебаться в жопу, они могут и без парадов это делать, им не мешает. На гей-парад ходят те, у кого политические требования есть. Например, легализовать однополые браки, разрешать однополым семьям брать детей.

Спустились к воде. Места красивые, нашли полянку, два понтона, с них можно и рыбу ловить, донки закидывать, купаться. Плюс деревца эти полянки окружают, с поля нас не видно, а дальше поля, там коров пасут обычно. Видно, что деревня сгнила. Место классное, решили, что полянка маленькая, поместится палатки две-три, а нам надо штук 15 поставить. С другой стороны, всегда можно кусты повырубить и деревья тоже, полянки увеличим, а снаружи не видно будет. Место определили, едем домой, довольные. На сборы мы уже приняли человек 50 и ещё остаётся несколько дней. Будет 70 человек, нормальных активистов, а не интернет-пиздаболов и приварков, которые придут только на митинг, а на самом деле от них пользы никакой. Это нормальные люди, адекватные и достойные, их можно привлекать к нашим мероприятиям. Надо готовить площадку. Выехала группа человек из шести. Загрузились к Малюте и приехали на это место. Я, Сёрфер, Крест, Ванька. Главное, что с нами поехал писатель, Саша Усовский. «Мне в Москве делать нечего, я буду вас кормить». Отлично, толстяк, давай. Приехали.

Начали строить лагерь. Если на сборах НСО мы просто подметали место, кустики вырывали, то здесь надо конкретно всё вычищать. Пилили брёвна, вырубали кусты, крапиву, собирали банки, мусор сжигали, какие-то покрышки находили. Дня три бес перерыва работали топорами, мачете, пилами. Там было много мух, комаров. Когда куст спиливаешь, то там вжжжж! Целый рой из него. Крапиву уничтожаешь, тоже рой. После того, как мы расчистили место, поставили палатки, сложили мангалы из кирпича, сделали вертелы здоровые. По моему плану мы должны были купить в деревне Карманово телёнка, разрезать его пополам, по половине туши жарить на мангале, как викинги делали: жарят, срезают верхний слой телёнка, готовый, как хачи шаурму. А там следующий слой готовится. Собрали скамейки, столы. Съездили на рынок, купили доски. Лагерь подготовили. Сначала Сёрфер распаковал кубышку, он привёз кучу протеиновых батончиков, но их сожрали в первый же день. Потом начали тягать тушёнку, ещё какие-то вкусности. Тут уже Саня возмутился: «Еда уходит под мой контроль, буду готовить супы и каши.» Основной конфликт был по поводу лука. Я, если кладу лук, то или порежу мелко-мелко, или я буду его вообще не чистить, чтобы потом

луковицу можно было выбросить. Саня резал кусками, которые попадали на язык, фу какая дрянь! Мы там с ним ругались, воевали: «режь лук мелко, или вообще не режь, зачем эту дрянь вообще жижя плавает?», «Нет, так вкуснее». Битвы были жестокие, не помню, чем закончилось. Готовил вкусно, слов нет. Мало того, мы купили пару сетей по дороге, донки, удочки. Поставили сначала самую мелкую сеть. Утром в неё попало 60-70 окуней, длиной сантиметров 8.

Сеть мы вытащили, окуней выковыряли в пакет. Сеть запуталась, но можно выбросить. У нас целая кастрюля мелких окушков. Надо варить уху, а для этого чистить окуней.

Отрезали бошки, выпустили кишки, промыли, засунули в марлю. Саня сварил здоровый котёл ухи на всех, второй сетью мы поймали сазана — золотистый, прикольный. Рыбина была только одна, и сеть пришлось сразу выкинуть. Она совсем уж одноразовая, начала разлагаться прямо в воде. Ну выкинуть как? Сжечь. Саня этого сазана почистил сразу. Сварил в той же ухе. Окуней из ухи схватил в марле и собрался выкидывать. Тут мы с Сёрфером хватя этих окуней.

? Куда?

Уволокли и жрали горячих окушков. Плавники оторвёшь, и хаваешь, вкуснятина! Нахрен эта уха. Саня опять лука накидал. Съели вдвоём этих окуней. Мне запомнилось.

Наступило время прибытия групп. Стали приезжать ребята. Ехали в дико зашпигованных условиях, садились в электричку, на разных платформах заходили, потом смсками скидывали, на какой электричке и в каком вагоне группа едет. Собрались все в итоге. Доехали до Гагарина, там встречают. Все садятся в «газели», мы их сняли в городе. Группу довозили до определённого участка, высаживали. В принципе, можно было доехать и до лагеря. Но от этого участка нужно было делать марш-бросок в 5 км.

Побежали! Она группа, вторая, третья. С одной стороны — лишняя сложность, а с другой — сборы нацистские, надо же усилия прилагать.

С Пушкиным мы разрабатывали и углубляли философию социал-тутовизма. Тутовик — это такой гриб, который растет на умирающих деревьях. Он пускает в них корни, пьет из них сок и разрушает начавшую отмирать древесину. Дерево, засыхающее само по себе, может простоять многие годы и не упасть. Оно не освободит жизненное пространство молодым до тех пор, пока его не повалит ураган, не сгниют корни или его не срубят человек. Но вот тутовик помогает “дать дорогу молодым” значительно раньше. Это санитар леса. Суть в том, что споры этого гриба есть в каждом дереве. Только растет он исключительно на ослабевших и умирающих. Мы исходили из того, что наше общество подобно лесу. В котором деревья — это разного рода социальные установки. Одни из них молодые, другие древние. Одни сильные и здоровые, а другие дряхлые и отжившие. Так вот задача

“тутовиков” в том и состоит, чтобы улучшать, обновлять общество путем разрушения отживших установок.

Например. Есть два понятия: Дружба и Целомудрие. Звучит и одно и другое слово красиво. Но одно из них живо, а другое так и отдаёт лицемерием. Дружба – это то, что составляет основу отношений между людьми. А вот целомудрие – это уже давно миф. Девочки в четырнадцать лет стесняются сказать подругам, что они целки. Ищут кто бы их безболезненно дефлорировал. Целомудрие похоже на тряпку, которая пролежала несколько десятилетий в кладовке, стала рваться легче, чем марля, но из нее кто-то сшил платье.

Много понятий, которые выглядят так же. Сопереживание. Всем давным-давно насрать на окружающих. А вот Реструкт – человек, живущий по философии тутовизма – циник. Он не любит притворяться, что испытывает чувства, которых у него нет и в помине. Особенно когда к этому его пытается принудить какое-либо социальное уложение. Естественно, “общепринятое”. Смотря новости, “волокна” так дружно вздыхают, сочувствуют и возмущаются, что вполне логичным было бы для усиления эффективности восприятия использовать тот же общеизвестный прием, что и в юмористических передачах. Только там в нужных местах накладывают смех, а здесь можно звуковой ряд сильно разнообразить: использовать “Ах!” (обязательно групповой), сочувственный выдох с причмокиванием, разочарованный вздох, возмущенный ропот-гул и т.д. Вряд ли кого из волокон на самом деле трогает голод в Африке, возмущает гибель лосенка в Екатеринбурге или умиляет рассказ о том, что пенсионер-ветеран из Волгодонска получил квартиру к 90-летию. Но волокна просто физически ощущают потребность выразить уместную эмоцию. СМИ в совершенстве владеют искусством дрессуры. Правда действует оно лишь на тех, кто этого не осознает. Поэтому Реструкта только веселят и попытки управлять его чувствами, и реакция тех, с кем этот фокус удался.

Мы долго думали, как бы в нашей субфилософии называть “обычных людей”. Тех, что не думают ни о чем, выходящем за пределы круга, освещаемого очагом их жилища. Нам известно слово “овощ” – оно намекает на то, что в своей жизни человек пользуется исключительно вегетативной нервной системой, не задействуя высшую. Вегетативная (от англ. Vegetable) и значит “овощная”. Но это слово не совсем подходит с нашей точки зрения для выражения роли некритическимыслящего человека в обществе. “Волокно” здесь явно выигрывает. Во-первых, из волокон состоит любое дерево, а из деревьев – лес, символизирующий в тутовизме социум. Во-вторых, волокно очень многофункционально – из него можно сделать ткань, бумагу, строительный материал типа ДВП и т.д., что с ними и происходит при умелом обращении. Хочешь партия, хочешь коллектив, хочешь стадо. В-третьих, “волокно” – среднего рода, что очень кстати, т.к. этим словом можно обозначать и мужчин и женщин. В-четвертых, “волокно” само по себе безвольно, легко гнется и ломается, ценности практически никакой не представляет. Поэтому, нам с Пушкиным понравилось слово “волокно” и мы с удовольствием стали использовать его в своем лексиконе.

Когда людям нечем заняться – они начинают много думать. Если они, конечно, изначально думать умели. А если, к тому же, пища для ума была под рукой! В итоге из множества философских течений, классической литературы и оккультизма мы взяли то, что, как нам казалось, может составить “установки” Реструкта. Само слово “реструктуризация” означает переустройство, внесение изменений в структуру;

Реструкт обладает чувством юмора.

Реструкт циничен.

Реструкт контролирует свою глупость.

Реструкт нерелигиозен.

Реструкт относится критически ко всему.

Реструкт не имеет вредных привычек.

Реструкт предпочитает идеальные блага материальным.

Реструкт постоянно самосовершенствуется.

Реструкт гетеросексуалист.

Реструкт принципиально полигамен.

Реструкт не испытывает угрызений совести.

Реструкт понимает, что нет абсолютного добра и абсолютного зла.

Реструкт выбирает знания, а не веру.

Реструкт оптимист.

Реструкт гордится собой.

Реструкт честен с друзьями.

Реструкт знает свои слабости, борется с ними и побеждает.

Я сомневаюсь, что все те, кто готов разделить эту философию, смогут подписаться под каждым пунктом. Но это то, к чему необходимо стремиться.

Реструкт не имеет вредных привычек. Он знает, что они ослабляют его организм, который дорог ему как жизненно необходимое орудие борьбы. Они не только здоровья, деньги, время, силу, мозги отнимают, но и чувство собственного достоинства, уверенности в себе, волю, подчиненную разуму.

Реструкт относится критически ко всему, что ему говорят. Это ему приносит исключительно пользу. Его нелегко обмануть. Он не действует, “как все” и не попадает в глупые ситуации. Его мозг постоянно занят аналитической работой, значит он развивается, самосовершенствуется. Реструкт во всем стремится разобраться, увидеть суть. “Кому выгодно?” – вот о чем думает Реструкт, когда ему пытаются проехать по ушам. Он понимает: мало что в этом мире может произойти случайно. А если вдруг произошло, то кто-нибудь сразу старается извлечь из этого пользу. Поэтому совет: “Зри в корень!” Реструкт превращает в один из основных своих жизненных принципов. Этим он кардинально отличается от волокон, впитывающих любую муть.

Реструкт гетеросексуалист. Он во всех своих действиях опирается на законы природы, поэтому никакой толерантности к гомосекам не допускает. Он ненавидит их, как и все другие пороки волокон. Только этот, в отличие от большинства остальных, нельзя излечить у отдельного человека. Если, например, бывают бывшие курильщики и бывшие алкоголики, то бывших пидоров быть не может!

Реструкт нерелигиозен. Для этого он слишком критически мыслит. Он не сможет поверить во что-то, даже если захочет. В этом его огромное преимущество. Никто не сможет управлять ни его чувствами, ни его поступками, узурпировав право толковать желания Бога в свою пользу. Реструкт допускает, что Бог может и существовать. Но он учитывает и то, сколько существует различных религий, религиозных течений и сект, что все они толкуют желания бога по-разному, имеют подчас несовместимые заповеди и предписания. И при этом дружно предрекают вечные муки тем, кто за ними не последует. Глупо было бы пытаться угадать, кто из них прав. Искать черную кошку в черной комнате, при том, что ее может там и не быть вовсе. Реструкт в таких случаях зажигает свет.

Реструкт постоянно самосовершенствуется. Именно это отличает его от волокон и делает шаг за шагом ближе к сверхчеловеку. Развитие – вот цель жизни. То, что перестает развиваться – умирает. Пускай и медленно, но это уже не важно. Прочитать интересную книгу всегда полезнее, чем разложить пасьянс на компьютере. А подкачать мышцы – чем пройти очередную онлайн-игру. Реструкт выслеживает свои недостатки – когда они проявляются, в чем, в зависимости от чего. И тогда, когда он узнает про них достаточно – выбивает из-под них основу. Каждый день, который Реструкт прожил впустую, ничего не улучшив в себе, он считает бесцельно потраченным.

Реструкт понимает, что нет абсолютного добра и абсолютного зла. Как сказал Шекспир: “Добро и зло – их нет. Есть то, как мы решим назвать их сами”. Все в этом мире относительно. Если для зайца волк – “злодей”, то для волка заяц – просто пища. Общество любит играть само с собой в трансцендентные игры, выбирая, что есть что. А затем ненавязчиво меняя понятия местами. Реструкт это видит и ухмыляется. Ему смешно видеть, как одни и те же люди в институте получали “отлично” по “атеизму” и “научному коммунизму”, а теперь ратуют за демократию и искренне веруют в бога. Как дружно они презирали барыг и спекулянтов, а теперь завидуют бизнесменам и коммерсантам. Как радовались развалу СССР, а теперь грустят по твердой руке Сталина.

Реструкт, если он что-то делает, то стремится получить от этого именно моральное удовлетворение, а не материальную выгоду. Волокна не понимают этой мотивировки – зачем тратить силы на то, что потом на хлеб не намазать и в карман не положить? Но Реструкту эта повсеместная меркантильность противна – для него лучше на голодный желудок ощутить чувство выполненного долга, чем почувствовать себя сытым биороботом.

По сути, Реструкты были всегда.

Это и Ницше с его “падающего – подтолкни!” Это значит не то, что если твой друг поскользнулся – пни его ногой. Бывают бараны, которые и так поймут. Это говорит о том, что все отживающее надо добивать.

Это и нигилисты, типа Базарова из “Отцов и детей”. Они тоже хотели избавиться от ошибок, предрассудков и пережитков старины, держащихся исключительно на авторитете своих приверженцев.

Это и ученые эпохи возрождения, бросавшие вызов церкви. Не желавшие мириться с тем, что им пытаются ездить по ушам текстами и заповедями те, кто сам их никогда и не думал придерживаться.

А сейчас это люди, которые понимают, что все в мире не так, как им пытаются внушить. Просиживая штаны в офисах, они зря тратят свою жизнь. Многие, например, из офисного планктона, это осознают. Люди получили образование, они оказались достаточно умны для того, чтобы не оказаться на заводе или на стройке. А дальше? Общество дает им возможность хорошо зарабатывать, ничего не производя. Этим надо пользоваться. Но вот правильно ли это?

Тутовизм начался с того, что мой друг Темыч не хотел работать. Он не работал никогда в жизни. И вот, когда ему исполнилось 22 года, мамка особенно рьяно принялась отправлять его на работу. Он всячески отмазывался. И заболел и опоздал на собеседование. И отказали, и вакансию закрыли... А я ему и объясняю.

- Мамка ж у тебя сама виновата, что ты ей так плотно на шею сел, что теперь и не снять. Кормит, поит, одевает, бабки какие-никакие дает. Люди в ответе за тех, кого приручили! Ты как гриб на березе – вырос и не скovyрнуть! Тутовик.

Потом эту тему мы развивали с Лехой в казино.

- Мы же просто паразитируем на игровой индустрии. Они выманивают деньги из азартных дурачков. Но если придут неазартные и не дурачки, то тут иммунитета у их системы нет. Они вынуждены кормить определенный процент паразитов.

При этом мы не чувствовали ни малейших угрызений совести. Только моральное удовлетворение. Офисные работники, кстати, тоже вряд ли переживают из-за того, что живут лучше рабочих и крестьян, условия труда лучше, а продукта на рынок выходит ноль. То же и с чиновниками, и с ментами. Большинство из них – это паразиты, которые не хотят этого признавать открыто. Но себе-то они в этом прекрасно отдают отчет.

Теоремы в математике, скажем, можно доказывать “от противного”. Тутовизм – это философия “от противного”.

Например, идете вы с работы и видите неубранную помойку. Что делать? Можно нанять машину и вывезти ее самому. Но это, если не говорить о том, что идиотизм, приведет к тому, что ответственный за это чиновник вообще забудет на это дело навсегда. Можно написать жалобу. Дескать, деньги за вывоз мусора из бюджета списываются регулярно, а по факту помойка вывозится через раз. Это путь активиста из жильцов. Далеко не факт, что эта бумажка получит ход, а если и получит, то даст результат. Можно эту помойку поджечь. Раз, два, три – как только накопилась. Тогда на проблему могут “обратить внимание”. А можно сперва написать заявление, предупредить, что источник пожарной опасности, жильцы негодуют. Потом поджечь. А потом вдогонку написать заявление, типа, “Я же говорил, но никто не послушал”. За это чиновник ЖКХ сто процентов по ушам получит.

Или кто-то дерзко ставит машину поперек тротуара. Писать заявление? Смешно. Делать замечание? Тоже. А возьми да проткни ему колеса. Если с первого

раза не усмотрит взаимосвязи – второй, третий... Для идиотов можно записку на лобовуху приклеить на суперклей...

Дело все в нестандартном подходе к решению проблемы. Главное – стараться искоренять пороки общества, не переступая границу между административным и уголовным кодексом.

Но дело не в методах даже, а в образе мыслей. И, самое главное, в их наличии. Преимущество тутовизма в том, что человек со скудным умом его не сможет понять и тем более с ним согласиться. Конечно, я не возьмусь утверждать, что все разумные люди станут Реструктами. Нет. Главное, что Реструктом не станет ни один баран.

Чем-то тутовизм напоминает пиплхейтерство, столь распространенное среди нацистов. Но только напоминает. Здесь нет ненависти к людям, а скорее насмешка над их глупостью, слабостью, пороками. Тяжело бороться за благо народа, ненавидя его. Это, мне кажется, странно. А вот высмеивая – легко.

При этом нельзя к тутовизму относиться слишком серьезно. Это, все-таки шуточная философия. Больше высмеивающая и выпячивающая пороки общества, чем лечащая их. Да и родилась она в результате брожения в мозгу от скуки. Однако, сколько я ни ставил экспериментов над зеками, на предмет их приятия или неприятия этих идей выяснил следующее – любой, кто пытается их оспаривать – вынужден дико лицемерить, а иногда просто врать.

- Ты, вот место старухам в автобусе уступаешь?- Спрашивали мы у испытуемых.

- Конечно! Если вижу, что старый человек зашел – сразу встаю. Меня так воспитали!

- Баран! Никого так не воспитали! Всех пытались, но никого не воспитали! Ты же, как и все мы, рос на “Черепашках ниндзя”, “Симпсонах” и игре “Дум”! Я же знаю, что места уступают только тогда, когда старуха встанет над головой, слегка наклонившись, хрипя и “случайно” отдавливая башмаком ногу! Особенно смешно слышать это от зеков. Такие культурные все, воспитанные. Наркоманов больше половины, алкаши и антиобщественные элементы. Но как велико желание показаться хорошими.

- А нищим подаешь милостыню?- Это вообще тест на вменяемость. Варианты разные. Но все утвердительные ответы ведут к тому, что человек признается неполноценным в интеллектуальном плане или вруном.

- Да, но только если вижу, что это на самом деле нужно...

- Только если это не цыгане!

- Я понимаю, когда мне врут, а когда нет!

Как ты определишь, что он врет, если он делает это всю жизнь, да понатуральнее актера в МХАТе? А ничего, что чем больше нищим даешь – тем больше их становится? Зачем искать другой заработок, если на чувстве жалости можно ехать? Причем не на жалости подающих к просящим. На жалости подающих к самим себе! Они смотрят – ой, человек оборванный, в переходе сидит! А если я в такой же ситуации окажусь? Бедненький я тогда буду! Надо дать червончик, полегче станет на это смотреть! Да ты соберись, тряпка! Плюнь в него,

пни ногой. Он своим попрошайничеством унижает не себя, а тебя! Бедность не порок – нищета порок!

Дело не в отношении к конкретному вопросу, а в образе мышления. Рамочно человек мыслит, или свободно. Дает ли ему мозг свободу посмотреть на определенную проблему под разными углами, а не только под общепринятым?

Мы специально заводи́ли на эту тему разговор то с одним, то с другим. Многие просто не могли вникнуть в то, о чем им говорят. Какие социальные установки? Что за Реструкт? Для чего помойки поджигать? Но многие проникались.

Роман Билык «Рома Зверь», музыкант («Дожди пистолеты», «Солнце за нас»)

Раньше было модно – обмен квартир. Моя мама увлекалась. Наверно, ей было прикольно переезжать из города в город, вот она все время и обменивалась. До сих пор не знаю – зачем, это надо у нее спросить.

Родился я в Таганроге, потом мы переехали в Дружковку, в Донецк, затем в Мариуполь, где прожили шесть лет. Там я закончил школу и проучился год в строительном. В Мариуполе у меня остался лучший друг Леха Макаров.

И в конце концов вернулись в Таганрог. Такой круг получился. Мне было пятнадцать лет. Мы возвращались из Мариуполя в Таганрог втроем: мама, младший брат Паша и я. А ещё у меня есть старший брат, мы все трое – от разных отцов, представляешь? У меня были не очень хорошие отношения с отцом младшего брата. Я его не любил, с ним не общался. Да и когда мы вернулись в Таганрог, мама с ним разошлась. А старший брат Эдик, когда ещё учился на тракториста-комбайнера, поехал на практику в колхоз под Мариуполем, там женился и остался.

На самом деле мы еще с Лехой в Мариуполе вовсю играли. Собирались ребята с его поселка. И мы играли разные песни. Дворовые, про Афган, Цоя. Все подряд. Это было достаточно жизненным и героическим. Ходили в пивбар, брали по четыре литровых баллона разливного пива, бухали в посадочке придорожной. Играли на двух гитарах. Вино, пиво, девушки, пацаны и — мы с Лехой, в центре внимания, с двумя гитарами. Сидим, разные песни поем, здорово.

Леха? Я в Мариуполе год в строительном отучился, и к нам пришел новичок, который приехал с Урала, из города Красно-уральск. Звали его Алексей. Это и был тот самый Леха. Так как-то получилось, что он сел со мной за парту. И мы подружились. Сначала я его в гости пригласил. Потом он меня. Это восьмой класс — по-старому, по-новому — девятый.

Как учились на гитаре играть... Да как все! Просто собирались. Один парень знал аккорды, показал. Я, правда, ходил в Мариуполе во Дворец металлургов на уроки к преподавателю. Но там надо было по нотам. Мне это было неинтересно — всякую хрень играть, там Баха или Скарлатти. Поэтому я выучил аппликатуру, то есть аккорды как ставить. По аккордам было интересно подбирать, как из чего песня строится. Последовательность аккордов, как для этого пальцы надо переставлять, чтобы получалось. Перебор, бой. Вот так и учились, показывали друг другу. Если не знал какого-то аккорда, можно было спросить у кого-нибудь, как брать, как зажимать струны. А потом дома репетировать этот аккорд, пока не выйдет. Я все время дома сидел с гитарой. Я практически спал с ней, даже в туалет ходил. Зашел в туалет, сел. Гриф наверх, иначе она не помещалась. И так круто в туалете было играть! Там же эхо: у-у-у-у, гудела гитара. Здорово, как на концерте! Прямо как электрогитара! А Леха играл на трубе — он учился в музыкальной школе еще в Красноуральске...

Дали мне гитару. Мол, покажи, как ты умеешь. Стали петь песни. Не помню, какие, честно тебе скажу. Дворовые, какие же еще? Они посмотрели, послушали. Говорят, нечего тебе на басу играть, будешь на гитаре! А Иван в конечном итоге стал играть на бас-гитаре. Вот так началось наше творчество...

В доме, где жил Иван, по Итальянскому переулку, был чердак. Там мы и сделали место для репетиций. Была какая-то стойка с тарелкой, барабан. Две акустические гитары — такие старые! В этой берлоге мы и сидели, репетировали, пили пиво. Тусили...

Мы репетировали больше для себя. Песен у нас своих не было, нам интересно было понять, как это все делается. Мы брали какие-то известные песни, начиная с «Кино», заканчивая «Алисой», и пытались воспроизвести: кто соло выучит, кто ритм подберет. Вот так и учились играть.

Учеба в училище — параллельная жизнь «чердачному» творчеству. Ты представляешь себе, что такое училище? Нет? В Мариуполе я поступил на первый курс строительного ПТУ. Специальность — отделочник-строитель или плиточник-отделочник, что-то типа того. В Таганроге перевелся в местное училище аналогичного профиля. Мы пришли с мамой, сдали документы в ПТУ № 23, куда меня и приняли на второй курс.

Первое сентября. Я опоздал на торжественную линейку, на все эти праздничные дела. Прихожу в училище, занятия уже начались. Мне сказали, что я буду учиться в третьей группе. Стучусь в кабинет, открываю дверь, спрашиваю преподавателя: «Это третья группа?» Мне женщина отвечает: «Да, третья». Я смотрю на людей в аудитории и не вижу ни одного мальчика. Я растерялся. Закрываю дверь. Стою, думаю, вот глупость-то какая! Подошел к вахтеру, спрашиваю: «Это пятнадцатый кабинет?» — «Пятнадцатый». Снова стучу, захожу: «Третья группа?» — «Да, третья». И уже, знаешь, все на меня с любопытством поглядывают, говорят: «Ты новенький, да?» — «Да», — говорю и опять закрываю дверь. Я ничего не понимаю, я вижу в аудитории одних девушек!

Причем в группе мариупольского училища, где я учился, были одни пацаны, и специальность наша называлась «плиточник-отделочник». А это что такое?! Как выяснилось потом, в Таганроге это называлось «плиточник-отделочник широкого профиля»: и маляр, и штукатур. То есть подразумевалась и отделка, и поклейка обоев. И оказалось, что по этой специальности в Таганрожском училище учатся одни девушки!

Когда они стали недели через две-три при мне на переменах рассказывать разные женские штуки, что с ними происходит, я поначалу не знал, куда деться. Они просто меня не замечали, стали ко мне относиться не как к мужчине, а как к одному из этого большого женского коллектива. Меня это шокировало. Не то что мне было обидно. Я все время очень удивлялся. Как они могут при мне говорить разные вещи? О месячных, например, как это все у них происходит. Об их пацанах, кто как с кем. Да какие там советы спрашивали! Они ведь поначалу меня практически не замечали. Они между собой общались, а меня не брали в расчет. Не то чтобы они меня игнорировали, нет. Но они не относились ко мне как к

мужчине. Просто член коллектива, и как бы не девочка, но из-за этого они не стеснялись при мне говорить о своих женских проблемах и тайнах.

Потом наступила практика, и мы месяца на два-три поехали строить, отделять какой-то объект. Мы жили в вагончиках для строителей. В вагончике была кухня, раздевалка и, как в купе поезда, четыре лежащих места. Я переодевался с ними, они при мне раздевались. Я при них, они при мне. Нет, меня, конечно, возбуждало это все. Но я уже не реагировал на них как на полуголых девушек, потому что это были мои подруги. Это были просто мои боевые подруги, которые бухали со мной все подряд. Целовались по пьяни, потом говорили: «Э, Ромка, да все нормально!»

Когда мы начали играть на чердаке, это была просто самодеятельность. Мы тусили в своей компании и брэнчали для собственного удовольствия. А когда стали более профессионально заниматься, нашли репетиционную базу. Таганрог — небольшой город, и в принципе все музыканты друг друга знали. А мы еще тогда мало кого знали, но нам посоветовали: типа там есть барабаны и репетируют группы разные. Мы туда обратились. Это была база «Радуга» в районе, который называется Свобода. Там еще комбайновый завод рядом.

База — слишком громко сказано. На самом деле это был какой-то детский центр, клуб. И все это дело называлось «Радуга». Там была комната, где играли разные ВИА. Стояли живые барабаны, «Амати» какие-нибудь. Даже синтезатор был. Еще электрогитара, колонки. Все как у взрослых. И мы там начали репетировать. Тогда это было, скорее, увлечение, мы не думали, конечно, что будем какой-то там супергруппой. Даже не мечтали, чтобы нас все-все знали. Мы просто хотели играть и чтобы у нас были какие-то свои слушатели.

Амазонки? Да нет, они не в курсах были, потому что их это не интересовало. Там была жизнь абсолютно другая. Отдельная от всего. Так что и скрывать-то не имело смысла, они никогда не интересовались, а я им никогда не рассказывал. Мне же было совершенно по барабану, кем были их парни. Это были достаточно невинные отношения. Поцелуи, массаж — просто по-дружески. Бухануть вместе, на гитаре для них побренчать. Пикники какие-то за городом.

Вообще, на море ходили нечасто. А море — это отстой. Лохи ходят на море. Ночью еще ладно, где-нибудь вдалеке от пляжа, с костерком, а так море — только для приезжих. Оно для местного жителя, живущего на море, ничто. Это всем известный факт. Потому как к хорошему привыкают, к тому, что у тебя всегда под боком. Поэтому море для меня было таким местом, где можно было разве что развести костерочик, неподалеку от пляжа, и вечером бухануть и, может быть, изредка покупаться. За все лето, может, раз-два побывать на море. А что романтика? Романтика есть всегда. Понимаешь, когда романтика всегда, романтики нет. Ты к этому привыкаешь. К красоте. И ее не замечаешь. Романтика была абсолютно в другом: бухнуть, уехать куда-нибудь, познакомиться с какой-нибудь девушкой, поцеловаться. Что-нибудь устроить. Найти денег. А еще замутить какой-нибудь концерт.

Вообще, в городе рыбалка была достаточно популярная вещь. Можно было сидеть на набережной возле яхт-клуба с удочкой и ловить бычка. Люди ходят по набережной, а ты сидишь и ловишь рыбу. Потом собрал удочку, пошел домой, накормил кошку. Смотря что наловишь. Маленькую рыбешку, которую тяжело потрошить, можно и кошке скормить. Не могу похвастаться каким-то сказочным уловом. Есть такая рыба речная — сазан. Сазана как-то поймал на донку килограмма на полтора. Мы специально ездили на реку Миус, что впадает в Азовское море, и там ловили рыбу. На обычную удочку поплавочную я поймал рыбу под названием чехонь. Сколько сантиметров? Тридцать с копейками. Она такая вытянутая, тощая, но жирная. Когда ее солишь, прямо жир течет.

Потихоньку о группе «Асимметрия» стали узнавать в городе. Она уже «вышла» с чердака. Мы выступали на всяких самодеятельных концертах в связи с какими-то праздниками или политическими мероприятиями вроде выборов. Местный комитет по делам молодежи выделял какие-то средства. Их часть шла на организацию мероприятий, где играли местные группы.

Что играть, мы не знали, и как это делать — тоже. Я начал писать песни, когда из группы ушел Леша Черный. Не было у нас с ребятами никакой конкуренции! О чем ты говоришь! Была просто идея. Мечта. Играть вместе. Причем играли все, кто хочет. Не было такого — сесть, прислушаться друг к другу, чтобы как-то все зазвучало ритмичнее. Мы даже об этом тогда не думали. Мы просто играли кто как умел и как хотел. Что-то из этого получалось. То есть лидером-то был я. Приносил песню, мы ее кое-как делали. Но я не мог отследить и понять многих музыкально вызвали, чтобы родители заплатили административный штраф и чтобы им прочесть нотацию. И мы садимся в трамвай с мамами, сейчас типа начнется. Мама о чем-то друг с другом трещат. Приезжаем, заходим в кабинет. Там сидит тетюшка лет пятидесяти-шестидесяти, такая вся правильная, в очках. Мымра. Мы сидим вчетвером напротив нее, и она начинает читать мораль: «Вы знаете, алкоголизм... все дела... а кем они вырастут? Почему не следите за своими детьми? Сегодня они ругались матом, а завтра они станут преступниками! Нужно следить за воспитанием детей! Как не стыдно!»

Бывало, в городе люди выходили с ножом, бывало. Время такое было. Ростов, все знают, криминальный город. А Таганрог был изначально милицейский город. Но разницы никакой — милиция все держит вместо банд. Вместо братков — одна большая крыша, которая называется милиция. Но даже при милиции все равно бывали случаи. Вспышки насилия. И все сразу сто, называется «пятак» — огороженная площадка, залитая бетоном. Там сцена, на которой стоят колонки. Плюс какая-то простая светомузыка. И крутятся песни. Вход на «пятак» стоил рублей пять. Весь город съезжается вечером на дискотеку. Все танцуют на этом «пятаке». По краям стоят лавочки. Народ сидит, курит, что-то выпивает. Возле самого «пятака» на площади тусуются люди: встречаются, расходятся. Некоторые приезжают на дискотеку драться. Не танцевать приезжают, а реально драться. Ну,

да, типа того — мужики не танцуют. Они приезжают просто на разборки. Для начала драки нужен очень маленький повод. Если ты вдруг подойдешь к какой-то незнакомой девушке, начнешь общаться, и вдруг окажется, что это девушка тех парней. А они в принципе и используют эту девушку как приманку, для того чтобы получить повод к драке. И начинается пиздиловка. Очень серьезная.

Мы попали только один раз. Совершенно случайно. Такая атмосфера! Я стою и понимаю, что никто не танцует. Все ждут, когда начнется. Они, конечно, танцуют, но практически на пределе, в ожидании. Все ожидают удара. И так озираются по сторонам — ничего еще не началось? Не, ничего, можно танцевать. И все ждут, откуда же в этот раз начнется волна. И начинается! Один на другого: «Ты откуда?» Подтягиваются друзья, постепенно человек двадцать-тридцать. Начинают бузить. Мочилово начинается — район на район. Потом с клетки всех выгоняют наружу. Эта толпа сама выходит, и там уже вступают зрители, ожидавшие начала. И тогда начинается очень большая пиздиловка. Дискотека пустеет, остаются девочки, какие-то парни непонятные. Девочки начинают визжать: «Перестаньте!» Некоторые девочки пытаются разнять, часть остается на танцполе. Драка большая длится полчаса, по-разному бывает. Потом потихонечку рассасывается, люди возвращаются на «пятак» и снова танцуют. Вот такая дискотека.

Дрались до крови. Бывало, разбивали головы. Менты никогда не вмешивались. Они просто в конце уже приходили, забирали несколько человек: кого отправляли в больницу, кого в отделение. Мочили друг друга серьезно: кастеты, цепи, трубы. Пару раз под раздачу попадал. Было дело. Просто когда несется такая волна, ничего ж непонятно. Получаешь свое, падаешь, встаешь — о, круто, подрался. А с кем дрался, не видно, не разберешь. Волна захлестывает. Идет толпа дерущаяся, кто-то кого-то зовет, к тебе подбегают: «А ты че сидишь, бля?! Получай!» И хрясь в пятакину! Я ходил на дискотеку не драться, танцевать. Там, конечно, не каждый день были драки, раз на раз не приходилось. Бывало, что и попадало.

Да я не особо помню, как на эти дискотеки народ одевался. Ну как? Парни — рубашечки всевозможные, белые, черные, с золотом воротничок стоечкой. Помнишь, на рынках продавались? Тут еще цепочка на воротнике. Или просто майки... треники, кроссовки. Пытались выглядеть «правильно». Обычные черные туфли, черные брюки, черная майка. Наряжались, в общем. А девочки тем более. Все, что было модно. Не то чтобы с шиком. Мини-юбки, кофты — побольше секса. Чтобы красиво.

Но чтобы попасть под раздачу, необязательно надо было идти на дискотеку. Бывало так: сидим в центре где-нибудь, на лавочке в парке или еще где. Подходят ребята. Типа сигаретку стрелкнуть: «Привет, пацаны. А вы ваще откуда? С кого? Че делаете тут?» Сначала по-доброму. Мы говорим: «Да мы из центра, здесь живем недалеко». — «Ну, пойдём отойдем, поговорить надо...» И сразу понятно, что сейчас будет. Так спокойно говорят: «Пойдем поговорим». Все! Значит, нужно либо убегать, либо идти и драться. Но чаще пытались как-то замять. Когда начинаешь пытаться с человеком разговаривать, то можно найти каких-то общих

знакомых, Таганрог-то — город маленький, и в принципе все друг друга знают. Даже если ты с другого района, ты можешь назвать пару кличек с района, который против твоего. Клички дворовых авторитетов, достаточно взрослых людей, которые что-то там делают, машины воруют, например, хрен его знает. Так вот тогда есть шанс замять типа: «Брат, а ты знаешь Васю Кривого?» — «Все нормально, братан. Извини». Я с такими авторитетами не общался. У нас была своя дружная компания, тем более мы занимались музыкой, редко ходили на дискотеки, где основное мочилово и проистекало. Мы играли на гитарах и хотели заниматься музыкой. Мы, конечно, видели все, что происходит в городе. Но в этой криминальной волне не участвовали.

Мы с Лехой зашли выпить чуть-чуть в кафешку. А кафешка — пивнушка банальная на три столика. Заходит чувак, смотрит на нас долго, подходит: «Пойдемте, ребята, выйдем». Леха говорит: «Все, мы попали, короче, сейчас нас будут рубить. Бабло забирать...» Мы подходим к официантке, спрашиваем, есть ли черный ход. Нету. И мы понимаем, что нужно выходить. Мы посидели, что заказали, так и не выпили от нервов. Вышли. Там еще один стоял. Они взрослее нас были. Два пацана: «А чего вы у нас тут делаете?!» — «Да вот сидим...» — говорим по-мирному. А они ни с того ни с сего: «А деньги?» — «Да у нас мало денег. Че скрывать-то? Мы, конечно, можем дать, но так чтобы не все. Сами понимаете...» То есть мы не нарывались. И тут один из них дает мне в лицо. Сильный удар в скулу. Такой «тыдыщщщ» с призвуком, что в кость бьется. Второй Лехе врезал. Деньги они так у нас и не взяли. Просто вломили слегонца и ушли.

Потом мы сидели с Лехой, выпили. Он орал матом типа «Я их найду, я приду с ребятами!» Прошло уже месяца три-четыре. И когда я в очередной раз приехал в Мариуполь, он меня встретил с автовокзала, говорит: «Ромка, я разобрался! Помнишь, к нам приходили? Я разобрался...» А он, короче, молодец, собрал своих ребят, вычислил этих чуваков — они все время там паслись и у пацанов, которые, видать, послабее и помоложе, отбирали деньги. Он их нашел, причем рядом с этим кафе практически. Приехал туда вместе с ребятами с Горького. Со взрослыми и большими. У него был пистолет газовый, баллончик. Леха практически один их «учил», а старшие стояли и смотрели. В общем, отомстил. То есть он не бросил все это дело, типа, ну, избили и избили. Нет! Он тех чуваков наказал жестко: они уже встать не могли, когда надо было срочно сваливать, потому что милиция приехала.

По городу наши записи практически не ходили. У нас были записи, но не студийные, а с концертов. У одного известного в городе музыканта был бобинный магнитофон «Ростов». И он как-то с пульта на концерте записал выступление всех групп, в том числе и нашей. И вот по вечерам мы слушали. Приходили к нему в гости, себе переписывали.

Кое-как по нашим поклонникам разошлось, но проще было прийти и вживую послушать те же самые песни. Кроме этой плохой записи с концерта, ничего не было. Группа «Апогей» однажды ездила записываться в Ростов на какую-то частную студию. И у них был вроде как свой альбом. А у нас не было. Завидно

немного было. У них как-то все чистенько... Мы пробовали записаться сами, забивали электронные барабаны на машинке, живых не было. Было два микрофона «Электроника» с шапочкой...

Многие музыканты Таганрога, многие творческие люди работали сторожами в школах, в каких-то конторах. И по вечерам в этих школах, которые они сторожили, народ играл на гитарах, пел. Был в городе такой парень — Дима Селегин, музыкант. Он тоже был сторожем в школе. И у него там собиралась вся эта так называемая таганрожская музыкальная элита, начиная с людей тридцатилетних и заканчивая нами, семнадцатилетними пацанами. Конечно, все всё друг про друга знали, кто какие песни поет, что играет.

Я не старался кому-то подражать. Короче, писал просто околесицу. Сидел и придумывал, шлифовал. Для меня тогда была важна не идея, не то, что хочешь сказать от себя, а именно результат как достижение цели. А цель — песня. О смысле не задумывался вообще. Нужна ли она мне, людям. Интересно было просто как ремесло — как пишутся песни. Мне нужно было придумать куплет, музыку и чтобы это как-то все вместе звучало.

Я писал песни, а стихи — никогда. Это было чуть ли еще не в Мариуполе, когда я решил написать песню на чужие стихи. Дома валялась книжка какого-то советского поэта, который про какие-то ромашки писал, про поля, про Родину. Я открыл стих и ради прикола придумал музыку. Просто на готовый текст сочинил мелодию.

У меня было несколько песен, для которых я сначала придумал музыку, а потом под нее написал какие-то слова. Я сидел, напевал что-то, придумывал квадрат аккордов с какой-то мелодией, которая пришла мне в голову. И бормотал какие-то слова под эту музыку. Вообще не связанные друг с другом. «Ля-ля-ля... солнце... а-а-а-а-а ветер... ля-ляля... хочется...» — фигню какую-то. Чтобы был просто набор слов, укладывающихся в музыкальные фразы мелодии.

Мне просто хотелось петь. Жутко. «А-а-а выюга... снежинки... ля-ля-ля вечность...» Ерунда полная! А потом я придумал песню, которая уже немного была со смыслом, но я все равно еще ничего не понимал.

Была мода на вещи, которые продаются на рынке. Что привозили из Турции челноки, то и было. Все заражались этим. Хренью. Одно время были модны черные куртки из легкого, слегка прорезиненного материала, который блестел. Все ходили в этих куртках. А до этого — свитера были с вышивками. Орел какой-нибудь — вьетнамские дела. Есть же мода провинциальная, которая никакого отношения к столичной, а уж тем более мировой не имеет. Какая-то полутурецкая-полународная. Она живет по своим законам. Если привозят на рынок какой-то товар, то волей-неволей его начинают все носить, начинает нравиться. «Ой, наверное, это все сейчас носят». И все покупают. Рубашки с воротничком-стоечкой. Куртки дутые. Кроссовки и спортивные штаны — обязательно. Они тоже менялись: одно время было модно, чтобы по бокам на клепках могли расстегиваться. Короче, что привозилось в город, то и модно.

А еще было модно сережку в ухе носить. Даже я проколол, когда на ПМК еще жил. Мне как раз Наташа, девушка Ивана, пробивала ухо. С какой-то подругой. Помню, они мне долго терли одеколоном ухо, чтобы не чувствовать боли. И иглой пробили. Был жуткий треск — хрясь! Вставили серебряную с крестиком сережку. Она вскоре загноилась, мне было лень ее вертеть туда-сюда и одеколоном смачивать. Я два дня поделал все это, потом подумал, да ну ее! И она у меня заросла моментально. А так все ребята вокруг ходили с сережкой, обязательно в левом ухе. Я помню, это было очень всем важно: в левом — нормальный пацан, в правом — пидор.

Это была, скорее, околomuзыкальная туса. В ней люди интересовалась не только музыкой, но и книгами, фильмами, театром, живописью. Многим. Хочешь расскажу, как поехал поступать в театральное? Когда я был хиппи, у меня было много разных друзей патлатых. С одним из них мы и решили поступать. Звали его Игорь, он встречался с девушкой по прозвищу Малая. У Игоря кличка была — Люми. Он был очень веселый парень. Длинные волосы, рюкзак из штанов. Из джинсов старых — брючины отрезаны, и веревка вставлена как ремень. Это сейчас появились модные фирменные рюкзаки такого типа. А тогда просто джинсовый рюкзак, туда вино, сигареты. Джинсы зашил, веревку вставил, пацифик нарисовал — и красавела!

Поступив в колледж, я сообразил, что из него можно что-нибудь полезное вытащить. Для себя, для группы. Я уже первого сентября очень пристально смотрел на колонки и аппаратуру: что есть и что из этого можно придумать, выжать. Там были колонки, усилитель, пара микрофонов и разломанная барабанная установка, которая где-то на складе валялась еще с 70-х годов, когда были ВИА и все это для них покупалось.

Я решил воспользоваться и потихонечку у дирекции колледжа стал все это выпрашивать, а также деньги на аппаратуру. Я стал профоргом — руководителем тамошней профсоюзной организации. Как стал? А вот так: никто не хотел заниматься всякими бумагами, а на Рому можно было все спихнуть. Чем тебе не комсомольский работник? Вообще-то, я застал последний год существования комсомольской организации. Но смысла туда вступать уже не было. Нас, конечно, предупредили, если хотите, можете вступить. Но зачем? Пионером был, а вот комсомольцем не довелось. Хотя многие поступали, вероятно, им прикольно было. А мне не до того было: то девчонка, то гитара. Не до комсомола, были дела поважнее.

Занимался сбором членских взносов. Да, матответственность, у меня и настоящая печать была. Я даже ездил в Ростов-на-Дону в областной центр строительного профсоюза — на какие-то совещания. Защита прав студентов и все такое. Примитивные какие-то проблемы: трудные ученики и т.п. Общественная деятельность — начиная субботниками, закачивая какими-то конкурсами, самодеятельностью, дискотеками. Жизнь колледжа, в общем.

Я всем этим рулил. Просто так получилось: сначала я стал поднимать аппаратуру в колледже, смотрят — инициативный парень, ну и закрутилось. Я же КВНы вел, был капитаном команды нашего колледжа. Мы придумывали шутки, открывали Первое сентября, первый, последний звонок, День учителя. Во всех праздниках, мероприятиях принимала участие моя команда.

Вот так я стал профоргом, занимался общественной деятельностью. И у меня достаточно неплохо получалось. И в конце концов я в колледже стал авторитетом. Выбил отдельный кабинет. Мы хранили там аппаратуру, ценные вещи, какие-то кассетники, магнитофоны, колонки. Документы профсоюзные. Мы там все время собирались, что-то делали: стенгазеты выпускали, с КВНщиками номера придумывали. У меня одного был ключ от этой комнаты. Многие учителя сначала очень недоверчиво к этому отнеслись, сопротивлялись. Особенно вахтеры — пускать народ в семь вечера, когда колледж уже закрыт. Я брал у директора колледжа бумагу за его подписью, специальное разрешение, добивался, чтобы нас туда пускали. Я был даже диджеем на дискотеке колледжа. У меня было три магнитофона с компакт-дисками. Я что-то там микшировал, песня заканчивается, я другой магнитофон включаю. На таком уровне.

В колледже даже разборки были цивилизованнее. Если у кого-то возникали конфликты, все ждали большую перемену. За школой стояло отдельное здание, где располагались актовый и спортзал. И за ним у забора было место, где происходили все разборки. Выходили двое, за ними шли остальные поглазеть или морально поддержать. Поводы были разные: кто-то какого кого-то задел, что-то сказал. Знаешь, когда кого-то начинает задирать. И ты в ответ: «Все, за спортзалом встречаемся!» Как дуэль. Из-за девчонок дрались крайне редко, я даже не припомню такого. Все время были такие походы за спортзал. Все сбегались. Народ стоит, курит на большой перемене возле туалетов. Вдруг идут двое. Проносится шепоток: «О, щас будет, щас будет!» И все идут смотреть. Никто никогда не вмешивался. Дрались один на один. Там же хватает обычно пары ударов. Обычно это такие размахи, пока один не срубится. И стоп, хватит. Лежачего бить нельзя.

Девушки разбирались просто. Кто-то кому-то про кого-то что-то сказал. Вслух сплетни. И начинается разборка: «Ты чего, сука, про меня говорила?» — «Я не говорила!» И начинается... Мне было бы неприятно, если б узнал, что девушки из-за меня рожи друг другу бьют. Я не тщеславный в этом смысле.

Тогда я даже не думал, что можно зарабатывать музыкой на жизнь... Я ни разу не получал деньги за выступление. Я подозревал, что за музыку люди могут деньги получать, но особо не думал об этом. Мне больше всего хотелось попробовать себя и показать людям, на что способен, а что дальше — посмотрим. Что там, как... Те деньги, которые выделялись местной администрацией на проведение концертов, шли на организационные нужды. В лучшем случае нам оплачивали проезд до места концерта, если он проводился в другом городе. В Таганроге я ни разу не получил гонорар. Мелочь, которую нам кидали в коробку,

когда мы играли во Франции, — не в счет, как ты понимаешь. Стипендии не хватало ни на что. Приходилось подрабатывать.

Я все время пытался найти деньги. Чтобы куда-то с девушкой пойти. Мне все время казалось, что, когда ты с кем-то встречаешься, нельзя приходить без денег. Если хочешь услышать про комплексы, то, скорее всего, страх отсутствия денег и был главным комплексом. Потому что все остальное — фигня. А деньги — это реальная проблема. Все время не хватало. И как-то все совпало. В колледже напруги, заканчивал третий курс, у меня проблемы были с какой-то девушкой. И я решил бросить колледж, уйти. Тем более к тому моменту я не ходил туда по какой-то причине недели две. Стипендия была очень маленькая, меня задолбал этот колледж, я устал учиться. Преподаватели докапывались все время: то курсовые не принимали, то начертил что-то неправильно. А у меня к тому же еще с этой профсоюзной деятельностью мало времени было, чтобы заниматься учебой. В конце концов за инициативу меня наказали, конечно. Дела, которые я должен был делать, я и делал, а на учебу времени оставалось мало. И я решил забить на все это дело и бросил колледж. Без разговоров. Я пришел и сказал: «Все, отчислите меня, я больше не буду учиться. Я устал». Никто ничего не сказал.

Я решил пойти работать. Все лето проработал на центральном рынке грузчиком. Развозил воду на телеге по торговым точкам. Напитки в двухлитровых пластиковых бутылках. Я ж по напиткам специалист! Потом я работал продавцом аудиокассет. Были пиратские торговые точки — прилавочки, где продавались левые кассеты, на которых не было даже обложек. Нненн в ассортименте было пять альбомов с обложками — типа фирменные, с фотографией, а остальные — просто с надписью на ребре, например «Ирина Аллегрова». И на принтере синим шрифтом напечатано, какие песни. У меня был лоток, магнитофон. И каждому покупателю, который хотел послушать, я ставил кассету, Перематывал. Люди слушали, покупали. Был продавцом музыки, в общем.

А еще я работал сторожем в одной Конторе. Называлась «ООО Экология», напротив центрального рынка. Помнится, там какие-то трактора стояли. Контора, кажется, озеленением города занималась. Была сторожка, и я в ней сидел за Окошком с решеткой. Замдиректора этого предприятия торговал 646-м растворителем для наркоманов. Он мне сказал: «Ром, тут, короче, есть растворитель. Тебе ночью постучат, сунут десять рублей, а ты просто отдашь бутылку». Я говорю: «Да без проблем!» И я заступил на дежурство. У меня был с собой магнитофон, несколько кассет любимых, гитара. Мне тогда дали послушать кассету «Rage against the Machine». Не то альбом назывался «Revolver», не то песня там такая была.

Я слушал в сторожке эти кассеты, писал песни. У меня была гитара. Был кипятильник. Баночка чая, еда какая-то, картошка... Не спать было очень легко. Потому что в то время никто не спал по ночам. Мы все тусили, чем-то занимались. Спали до двух дня.

И вот в первое же мое дежурство постучали в окошко. Я говорю: «Че надо?» — «Как что? 646-й!» Я посмотрел по сторонам, увидел ящичек, а там растворитель. Мужик сунул мне десятку, я отдал ему бутылку, и он ушел. Так за ночь пришло

человек пятнадцать. И где-то через месяц работы я понял, что можно зарабатывать деньги. Я стал каждый вечер потихонечку приторговывать и своим растворителем. Я очень боялся, мне было очень страшно, что меня кто-то засечет.

Я стал покупать на рынке напротив этот самый растворитель, который там стоил семь рублей. Я приносил на работу бутылочек пять и за ночь без проблем их продавал. То есть навар у меня был рублей пятнадцать за ночь. Хорошие деньги — можно было купить несколько бутылок вина. И сигарет, и выпить, и чего-то пожарить. Я аккуратно заходил в ворота, озирался. А во дворе какие-то рабочие — «Рома, привет!» А у меня пакет как бы с едой, но там еще были бутылки с растворителем. Я ужасно боялся, что они зазвонят. И вот я шел по двору к сторожке со своим товаром. Но я прекрасно понимал, что никакой не товар это, а растворитель, за которым приходят наркоманы, которым ночью его купить нигде — рынок не работает, а ширку готовить надо. Потому они за десять рублей без проблем покупали. А поутру я должен был сдавать замдиректора все деньги, на которые наторговал за ночь. К утру в ящичке обычно лежало рублей двести. Так я торговал расширителем для наркоманов. Еще откуда-то деньги доставал. Мы уже в Мариуполе с Лехой как-то сустились, подрабатывали. Вот летом на молокозаводе работали. Пустые бутылки складывали и ящики. Были ящики не пластмассовые, а из проволоки. И мы ставили туда бутылки. Нам молоко за это давали. И мы напивались молоком, с собой брали. Иногда вытаскивали слишком много молока. Тетки в цехе говорят: «Да берите, ребята, сколько можете». Ну, берите так берите — и мы через забор ящики с этим молоком. А потом на ближайший рынок. Коммерция тогда зарождалась. И мы бабулькам тамошним сбавляли это молоко ; в три раза дешевле. Они у нас с удовольствием его покупали. И деньги какие-то.

Еще была подработка — шабашки, я же строитель. Мы летом после второго курса с Валерой Крахмалюком работали. И с Василием, не помню, как его фамилия. Валерка был такой суетной, все время нам эти шабашки находил. Как-то приходит и говорит: «Я тут нашел детский садик. Они про-сят сделать ремонт, предлагают деньги, им надо побелить, что-то подмазать, подштукатурить». Я говорю: «Круто! Давай!» Мы достали пылесос, насадку. Такая банка пол-литровая, туда вставляется насадка и при помощи пылесоса все распыляется. Пульверизатор, короче. Закупили шпатели, мел, алебастр, раствор, песок — все что надо. И вот мы в этом садике сидели недели три. Мы сначала так походили по кабинетам с умным видом — надо ж сказать цену, определить объем работ. Нас пригласили к директору садика. Мы, такие деловые, ходим по помещениям, стучим шпателем по стенам: «Так, тут отвалится, здесь отвалится!» Я такой подцепил штукатурку, бац! Такой кусок отвалился. Директор в крик: «Ты что делаешь?!», а я ему: «Все равно бы отвалилось рано или поздно!»

И принялись мы за работу. Детсадовский плотник соорудил нам леса. Они так жутко качались! Садик располагался в очень старом особняке. Потолок был в ужасном состоянии — аж дранка была видна. И что такое «дранка» не знаешь? Короче, набивалась на деревянный потолок щепка деревянная, такие реечки крест-накрест, чтобы раствор прилипал. Вместо арматуры. Дерево и раствор — вещи не

совместимые друг с другом. И вот мы потолок поколупали, все посыпалось. Говорим: «Чувак! Это другие деньги!» — «Как другие?!» — «Да ты посмотри сам! Мы, конечно, можем замазать на соплях, но дети попрыгают, и все отвалится!» В общем, мы сошлись на цене и втроем решили работать.

Приходили утром. Первая наша настоящая работа! И весь особняк — наш! Валера сразу сказал: «Надо сюда телок водить!» — «Валера, где мы найдем телок?!» — «Найдем! Вася, у тебя есть телки?» Вася очень веселым человеком был. Первая мысль про «телок», потому что там же кабинеты были, I кровати. Ну, кровати детские, допустим, а вот кабинеты! Тогда же не у кого было тусить, отдыхать...

И мы начали работать над потолком. Прибивали уже и гвозди, арматура была старая. Мы уж и алебастр туда засовывали, все что можно — все сваливалось на хрен. Уже отчаялись и не рады, что за все это взяли! Нахрена надо, сейчас бы купались, тусили! Короче, решили набить беспорядочно в потолок гвоздей и опутать проволокой, чтоб с нее раствор не падал. Развели побелку... Нет, этому всему я в училище научился. В колледже нас другому учили: как доставлять машины на площадки, как бригады строительные формировать, сколько людей на котлован, себестоимость. Техничко-экономические показатели. Вся фигня. Не, плановики — это отдельный разговор. Сметчики-оценщики, блин! Как они могут что-то оценить, если не знают, что такое скрытые работы?! Так скоммуниздят полдома с фундаментом!...И вот мы так типа ремонтировали. И в один прекрасный день приходит директор садика и говорит, что пора заканчивать. Мы в шоке: «Не успеваем!» Потом закончили, получили гонорар. Часть денег я отдал маме, часть оставил себе. На себя потратил. Ну как? Пробухал. Не было ничего более романтического, чем пробу-хать. Прийти к друзьям и объявить: «Я сегодня угощаю!» Круче не было — купить вина, водки, закуски, шпротов, пельменей. Что круче-то? Вот. Ну, на сигареты, на какую-нибудь полезную вещь. На шмотку в секонд-хенде.

Просто пересечение улицы Фрунзе и Гоголевского. И я довожу Витю до Бермуд. Там маршрутки в разные концы города разъезжаются. Вдруг подходит к нам какой-то кавказец, говорит: «Ребята, у меня тут дойч марки, надо поменять». Витя говорит: «Иди да поменяй, что ты к нам пристал?» — «На рынке только один чувак меняет дойч марки, а я с ним поссорился — денег задолжал. Если сам появлюсь, меня в порошок сотрут».

Витя говорит: «Что-то мне неохота. Рома, иди, заработаешь денег». Там было двести марок, кавказец сколько-то обещал, не помню. И вот он показывает на какого-то чувака и говорит:

— Он поменяет. А я тебя на остановке подожду.

Я подхожу:

— А можно дойч марки поменять?

— А скока?

— Двести.

— Ну, заходи.

А там такой ларек. Я захожу, даю ему деньги, он на них долго смотрит. Неожиданно подходит второй, тоже смотрит на купюры. И вдруг достает удостоверение: «Милиция, пройдемте». — «Куда?!» — «В отделение». И меня повели... Фальшивые деньги. Пятое-десятое. Я в шоке, ничего не могу понять, иду как послушный гражданин. А Витя, видать, что-то заподозрил. Он такой подходит, видит чувака, к которому я подходил: «А где мой товарищ?!» — схватил его за грудки. Тот типа: «Не знаю, ничего не знаю!»

И тут Витя видит, как меня уводят в ментовку на рынке. Он подошел, спросил, в чем проблема. И тут же пошел моей маме сказать, что меня забрали. Из ментовки на рынке меня повезли в третье городское отделение милиции на какой-то допрос. Что за допрос? Ничего не понял. Там какой-то человек в штатском сидел. Лысый. Очки нелепые какие-то. Зрение у него, короче, было плохое. «Ну, рассказывай, где взял, сколько осталось?» — «На остановке подошел какой-то хмырь...» — и рассказал всю историю. Он меня послушал так, покивал головой и говорит: «Рассказывай сказки».

Повезли меня в суд, который находился на старом вокзале. Завели. Вышла какая-то заспанная тетка.

Суд без следствия, быстрый. Вышла тетка, ей что-то сказали, она написала бумагу. Дали десять суток. Все. Они взяли эту бумагу — типа посудили, и повезли в следственный изолятор. Привезли, сдали меня тамошним милиционерам. Посадили в камеру.

Вечер. В камере сидели люди какие-то. Камера бетонная. В углу стоит выварка. Знаешь, что такое выварка? Это такая жесть, знаешь, ведра есть такие жестяные серые, немного блестят? В крапинку... Громадная кастрюля, выварка называется. В таких раньше вываривали белье. Это был туалет. Какой-то рукомойничек стоял. Деревянные нары в два этажа. Две большие батареи — типа отопление через все камеры проходили.

И вот посадили меня в эту камеру. Я в чем был, в том и привезли. А там сидели мужики лет по сорок, бывалые. Кражи, взломы, грабежи, разбой. Мокрушников не было, таких сажали в другую контору. Воры в основном... «Садись, — говорят. — За что?» Я говорю: «Вот такая история...» Они послушали, между собой посмеялись, типа ерунда. «Выпустят через десять суток. Успокойся!» А один сказал, что если по окончании десяти суток тебя выпустят как бы на волю и там, у входа, будет воронок стоять, то сразу заберут прямо на выходе, повезут опять в суд; напишут еще десять суток и опять в камеру. И это означает, что они не успели разобраться. То есть концы найти. Еще тебя Содержат, в конце концов поймут, что тут нечем заниматься, что действительно лажа, ты просто выйдешь и пойдешь домой. И все эти десять суток я сидел и думал, будет ли стоять воронок, когда выйду. И буквально в тот же день за какую-то взятку ма1ца передала мне лекарства — таблетки от головной боли, температуры и еду. Мне передал сержант передачу. Как в тюрьме это называется? Не, пайка, это чем кормит. Передача, кажется. Кормили там очень странно. Каждый день брали из одной камеры несколько заключенных, и они ездили на кухню, откуда еду развозят по всем СИЗО. И вот они ехали с кастрюлей, с бидоном, со всей этой хренью. Потом привозили,

выгружали, их опять закрывали в камере. А сержант уже сам раздавал. Кормили каким-то холодным супом, в нем было несколько порезанных картофелин, холодный лук кусочками. В общем, абсолютно безвкусные помы. Через дец суп и не пойми какая каша. Плюс четвертинка хлеба. И еще кипяток давали. Вот этим кормили.

А в маминой передаче были сало, яйца, колбаса, сахар, соль, чай. Все сокамерники мои радовались: «О, чувак, нормально, поедим!» — «Конечно, поедим!» А как же иначе — сидим в одной камере! Очень хотелось курить. Потом, как я выяснил, мама положила много сигарет и еды, но сержант все это забрал себе, оставив продуктов по минимуму. Но несколько таблеток от головной боли передал.

На Новый год сержант дал нам по сигарете «Прима» на человека в каждую камеру. Мы сидели, курили и радовались. Мы слышали какие-то салюты, фейерверки... Так мы встретили потом Рождество... Было очень холодно, и люди по очереди грелись у батарей. Было очень жестко, неудобно, спать было не на чем.

Там, где батарея проходила в соседнюю камеру, люди расковыряли цемент, и рука могла пролазить в соседнюю камеру. И мы все время перестукивались, у кого что есть. Есть табак — они нам. Мы им чайку. Табак заворачивали в газеты. Там я научился скручивать из газеты самокрутки.

Десять дней так и прожил. Зарос кругом, жаргона наслушался. Например, выварка, которая стояла в углу, называлась «фаныч». Вот...

Выводят меня из камеры, а я думаю: ну все, пиздец, сейчас воронок у входа и — по — новой. Открываю дверь, жмурюсь от солнца. Там мама стоит, Витя Бондарев, Иван. И вот они все меня встречают. Я вышел, начали обниматься, целоваться, пошли домой. И пока мы шли домой, я рассказывал про свою тюремную жизнь. А они смеялись, потому что я говорил на таком жутком языке — просто за гранью! То есть все, что меня там окружало, я мог назвать зэковским жаргонным словом. Например, скалки — это решетки. Я долго не мог отвыкнуть от этого базара...

Среди музыкальной элиты города группа «Асимметрия» не пользовалась популярностью. Среди так называемой богемы. Знаешь, в каждом городе есть такая богема: какие-то поэты, художники, музыканты, барды. Тусовка людей, которая передвигается из квартиры в квартиру, чаще всего съемную. В городе было много иногородних, которые приезжали в Таганрог и оставались там навсегда. Потому что город располагал к себе и очень затягивал. Эти люди практически нигде не работали, тусили все время, жили на деньги друзей, потом сами давали деньги. Такая жизнь. Они занимались искусством: писали песни, стихи, книги. Поэтому многие эти богемные люди часто выходили на центральные улицы города или на ту же Францию и пели песни под гитару с коробкой для мелочи. И вся тусня была вокруг них. Девчонки, ребята. Насобирают на вино — и бухать.

Нас они не признавали, потому что, наверное, мы не казались достойными их общества. Мы не понимали, что у них там происходит. Мы делали то, что делали. Я, конечно, участвовал в этой богемной жизни, но многое не понимал,

просто приходил, тусовался. Пил вино, пел песни. Возможно, там какие-то свои расклады были. К тому же у нас была конкуренция с самой известной группой Таганрога, я тебе рассказывал, с группой «Апогей».

Таганрог — город очень маленький. Даже если ты встретил незнакомого человека, все равно через пять минут ты понимаешь, что он тебе родственник. Это немного Одесса. Только такая Одесса - чеховская. Таганрог же — один из самых волшебных городов мира. Чехова читала? Рассказы короткие? Пьесы? Читала, да? Так вот, ничего не изменилось. Абсолютно. То, что описывал Чехов в своих рассказах самых известных, ну, там «Ионыч», к примеру, «Человек в футляре». Такие люди там до сих пор живут. Это невозможно, но это чистая правда. Чехов — гений. Он ничего не выдумывал. Он просто описывал то, что есть.

Таганрожцы — неплохие в принципе люди. Только вот какая-то мелочность у них присутствует. Такое болотце. Делать ничего не надо. Лень. Языком потрепать. Нет, я много видел провинциальных городов, не сомневайся. Они не такие... Каждый библиотекарь считает Таганрог культурной столицей юга России. Они все такие пафосные. Пафос! Да, пафос. Не знаю, может, потому, что там Чехов родился. И вот они все пафосные: если бард, то он пафосный. Если библиотекарьша, она тоже пафосная. Они же все очень интеллигентные, образованные. А на деле половина из этих людей просто лоботрясы типа поэтов, художников, музыкантов, которые ничего не делают. При этом хотят иметь деньги. Это отличительная черта таган-рожцев. Разморенные. Они еле двигаются. Там даже трамваи медленно едут. Правда-правда! Они не ездят быстро. Некуда спешить.

Они достаточно добрые люди. В том смысле, что, если постучишься во двор, тебе дадут стакан воды. Но это во всех провинциальных городах... Или, может, не во всех? Легкость, пофигизм. У тебя даже никто не спросит, если ты зайдешь во двор воды из колонки попить. Такое болото. Все друг про друга всё знают. Если что-то с кем-то случается, все об этом начинают трещать. Столкнулись две машины, у одной разбилась фара. Показывают по телевизору. Репортер — красивая девушка. Такая вся из себя — я ведущая. Фара разбилась... Там даже телеканалы местные пропитаны всем этим. Атмосфера города.

Но я всегда мечтал свалить из города. Я хотел попробовать себя. Мы стали там немного популярны. И я понял, что дальше ничего не будет, никаких возможностей развиваться. Ничего не будет. Я понял, что нужно обязательно поехать в Москву и попробовать себя там. Хотя бы попробовать, чтобы раз и навсегда убедиться, тем ли я в жизни занимаюсь или нет. И у меня в голове эта идея сидела года два. Но я не мог уехать, потому что должен был закончить колледж. То есть быть уверенным: если я приеду в Москву и что-то пойдет не так, у меня будет профессия и я не потеряюсь. Но ты не думай, я не собирался приехать в Москву и работать строителем. Эта профессия у меня была на всякий пожарный случай. Мало ли что? Мало ли, понадобится какое-то время, чтобы разобраться во всем этом. Я ехал в Москву петь. Как это будет, я не знал. Я думал, приеду в

Москву, посмотрю какие-то каталоги, поузнаю, где какие продюсерские центры, и буду обращаться туда. Я так себе это представлял.

Как устроен шоу-бизнес, я не знал. Я думал, что он устроен примерно, как в Таганроге. То есть ты приезжаешь, поешь песни, тебя кто-то видит. Собираешь группу. С группой единомышленников просишься в какой-то клуб играть. Тебя забес-платно берут. Ты там играешь, люди приходят. Понравилось — еще придут. Потом больше клуб. Потом предложения сыграть на каком-нибудь фестивальчике, потому что твоя музыка стала известна в клубах. Вот так и думал. Так было в Таганроге, где никакого шоу-бизнеса и не было. Просто была возможность сыграть: на Днях города, на вечерах или на квартирниках, где люди садятся и играют песни под гитару по кругу. Какой тут шоу-бизнес?

Как устроен шоу-бизнес, я не знал. Я думал, что он устроен примерно, как в Таганроге. То есть ты приезжаешь, поешь песни, тебя кто-то видит. Собираешь группу. С группой единомышленников просишься в какой-то клуб играть. Тебя забес-платно берут. Ты там играешь, люди приходят. Понравилось — еще придут. Потом больше клуб. Потом предложения сыграть на каком-нибудь фестивальчике, потому что твоя музыка стала известна в клубах. Вот так и думал. Так было в Таганроге, где никакого шоу-бизнеса и не было. Просто была возможность сыграть: на Днях города, на вечерах или на квартирниках, где люди садятся и играют песни под гитару по кругу. Какой тут шоу-бизнес?

У меня к осени тоже начались какие-то напруги в колледже. На меня свалилась куча проблем. Жуть! К тому же «Белый шум» стал единственной силой в Таганроге, которая хоть что-то организовывала. Просто, кроме нас, никто в городе ничем таким больше не занимался. Так получилось. Все развалилось...

Витя стал работать на радиостанции «ТВС» («Таганрожская вещательная станция»). Он познакомился с каким-то диджеем прикольным. Как-то Витя мне говорит: «Группы нет, давай он сделает кавера на песни твои, которые в Таганроге знают, и ты споешь. Плюс живая гитара с примочкой. Ты будешь играть, петь, а диджей будет всю основу играть». Сделали. И опять: «Творческая группа «Белый шум» представляет: диджей Вадс, Рома Билык и группа «Асимметрия»...» Какое-то техно... там название было специально убийственное придумано... Вспомнил! «Аппроксимация метаболизма». Что такое — я до сих пор не знаю. Концерт был протестом против введения платного проезда в общественном транспорте. В Таганроге до того момента был бесплатный проезд на трамвае и троллейбусе.

Я учился в колледже, профработник, все дела. Поэтому директриса дала нам зал без проблем. Мы готовились, репетировали. Ди-джей Вадс принес свой компьютер, установил на сцене. Колоночки зарядили. Гитара, примочка. Пришел Дима Рябов, заранее посмотрел, пока люди не пришли.

Мы расклеили афиши по городу. И часов в семь вечера все начиналось. И приехал еще как раз Валера Полиенко. Витя ему говорит: «Может, ты поснимаешь

на видео все это безобразие, ты же во ВГИКе учишься». — «Да без проблем!» Взял камеру.

Витя очень переживал, потому что мы практически вдвоем все это организовали, придут люди, не придут - все ведь уже развалилось, народ редко куда ходил. Начали потихонечку заходить люди, садиться в кресла. Ты актовый зал себе представляешь? Обычная сцена и кресла, рядами. Мы несколько рядов убрали и сделали небольшой танцпол.

Началось шоу. Свет был таким: какой-то серебристый шар, от которого расходились лучи, плюс еще какие-то два мигающих прожектора. Мигалку желтую принесли, поставили на колонку. Самую обыкновенную ментовскую мигалку.

Песни в рейв-аранжировке звучали очень странно - тыдыщ-тыщ-ты-тыщ... Я пел припевы, там были проигрыши — смешные переделки песен. Голоса животных вставлялись, какие-то фразы непонятных людей. Песни мои, бондаревские. Штук двенадцать, наверное.

Витя, чтобы не переживать, очень сильно выпил. Концерт идет, Витя видит, что все сидят, смотрят. А на афишах-то было написано «Дискотека», вся фигня. Прогрессивная музыка. Все сидят и ничего не могут понять. И тут Витя выскакивает, хватается микрофон и начинает орать: «Этот концерт посвящен бесплатному проезду в городе Таганроге. Да здравствуют бесплатные трамваи!» Начал какую-то чушь нести под этот ды-дыщ-дыщ. Я пою песни, Витя что-то орет в микрофон: «Да здравствует бесплатный проезд!» — все пердит, шумит. Никто ничего не понимает. Потихонечку начинают вставать, танцевать, колбаситься. Ну и под конец уже все танцевали, всем все нравится, все вружились. В общем, шло такое жесткое мясо. Валера бегал по сцене, спускался в зал, снимал приборчики, людей. Ужас! И Рябов Дима тоже снимал всю эту канитель. Ну, с горем пополам закончился концерт. Все разошлись. Витя остался, Валера и я. Ну и чего-то Валера рассказывал про Москву, мы убирали актовый зал. Как-то так закончилось...

Я понимал, что остался один. Я разочаровался в музыке. Не в музыке, а в группах, где все товарищи. Я понял, что я один и нельзя позволять никому вмешиваться в твоё творчество. Я понял, что никто не разделяет моё ощущение мира, как разделяю его я сам. Я понял, что я — это я. Я — это центр. Все. И кому-то отдавать свой центр — это глупо. Этого нельзя делать. И я начал как-то потихонечку сам действовать. И оказалось, что это возможно. Раньше я не представлял себе такого. Что я — это я. Мне казалось, что я — это я и еще минимум четыре человека. И без них меня нет; А оказалось, что и без них я есть. Когда я остался один, мне ничего не оставалось, как понять это. Потому что один я — это тоже я. И я не исчез никуда. Не пропал.

Я просто менялся. Чем дольше я жил, тем больше я приходил к тому, что мир немного другой, чем мне казалось. Когда ты специально выпендриваешься и стремишься выделиться, чтобы быть не таким, как все, и при этом требуешь к себе любви, действительно получается наебка. Каждый человек требует к себе любви. Я не знал, что мне нужна любовь. Я чувствовал, хотел этого, но я не мог понять.

Противоречие было внутри меня самого. Я хотел всех посылать, мало что давал людям. Но нельзя, ничего не отдавая людям, требовать от них любви. Точнее, не любви, а хотя бы понимания. Уважения, ощущения нужности. Я со временем начал понимать, что хочу жить среди людей. Значит, я должен понять, что происходит со мной, с людьми. Так я начал потихонечку подстригать волосы. То есть мое юношество, мой максимализм стал потихонечку проходить. Мои идеалы начали меняться...

У меня был только телефон Валеры Полиенко, который мне Бондарев дал, и адрес двоюродной сестры Наташи. Мама позвонила ей и сказала, что Рома едет. В кармане у меня было рублей семьсот, по меркам Таганрога я мог прожить примерно месяц на эти деньги. Я как бы собирал, еще мама добавила, чего-то сунула перед отъездом. Как это обычно бывает. Уезжать было не страшно. Наоборот. Надо было уезжать. Пора. Я еще за год до окончания колледжа созрел, понимал, что ничего не будет путного. А попробовать проверить, нужен я или не нужен, могу я или нет, надо было. У меня была даже такая мысль, что, если я приеду в Москву и у меня ничего не получится, я хоть буду спокоен.

У меня была цель — писать песни, играть и петь их людям. Но я прекрасно понимал, что сразу ничего не получится, хотя и очень надеялся на это. Я ехал петь песни. Изначально. Вообще, я хотел уехать. Я хотел стать известным человеком. Но я не представлял себя в будущем менее заметным человеком. Не смейся, я мечтал о меньшем. Я никогда не думал, что буду музыкантом такого уровня. Другие картины в голове. Я думал, буду работать, буду нормальным музыкантом.

Я уехал, потому что не осталось ничего. Ни друзей, ни любимых. Ничего позади. Никаких обязательств. «В Москву! В Москву!» Но я себе не представлял, что буду там делать. А все это меня подтолкнуло. Группы нет. Есть один я. У меня никого нет. Что делать дальше? Куда? В Москву! И я с чистой совестью просто слился. Досвидос. Всё.

Выгребся я из автобуса. Суeta какая-то, солнце светит, люди свои сумки вытаскивают — все приехали на рынок в «Лужники» (Стадион, часть Олимпийского комплекса в Москве, в котором в 90-х и начале 2000-х располагался вещевой рынок. — Прим. ред.). Еще когда уезжал из Таганрога, мы договорились встретиться с двоюродной сестрой Наташей на станции метро «Спортивная». Наташа пообещала: «Я тебя встречу возле метро у входа». Смотрю, все идут в одну сторону — к метро, наверное? Я за ними. Действительно, вышел к метро. А сестры нет. Жду-жду, решил позвонить. Через карточку в автомате, откуда у меня мобильник в те времена? Пока разобрался, где карточку купить, пока пришел в себя от толпы и поездки, прошло немало времени. И вот звоню.

— Рома, ты приехал?!

— Да, стою у «Спортивной».

— Но я тебя не вижу! Ты у какого выхода?

И до меня вдруг доходит, что у метро бывает два выхода. Откуда я знал, что такое возможно? Ладно, пошел искать другой. Там мы и встретились. Спустились вниз и поехали до «Щукинской», где Наташа жила в съемной квартире. Как дела, ля-ля тополя. Разговор шел больше про ее дела, о себе мне говорить не хотелось. От метро до дома добрались пешком, зашли в квартиру. Наташа говорит: «Бросай сумку, проходи на кухню. Есть будешь? А чаю?» И вдруг выходит здоровенный мужик. Здорóво типа. И каким-то грустным этот мужик мне сразу показался: «Давай выпьем за приезд?» Ну давай! Так я познакомился с Сергеем, Наташиным мужем, ну, с гражданским. «Ну и чё, что будешь делать?» — «Поживу у вас месяц, может, два, пока работу не найду».

Нормальный мужик, не возражал. Он работал в автосервисе, ремонтировал машины. А Наташа была официанткой в сети ресторанов быстрого питания «Елки-палки». Я расселился, вечером мы еще выпили, мне объяснили, что как и что куда. Дали карту города. На следующий день они ушли на работу, а я остался дома один. На полу в комнате валялась книга «Вся Москва», толстый телефонный справочник. И я в нем принялся искать какие-нибудь продюсерские центры, что-нибудь связанное с искусством. «Отдых», «Концерты», «Кафе», «Рестораны»... Я набирал номер и, когда абонент отвечал, говорил следующее: «Здравствуйте, я вот пишу песни, пою, хотел бы вам показать свои работы». Мне отвечали достаточно вежливо: «Перезвоните через неделю, сейчас никого нет».

Стоишь, смотришь вокруг и оцениваешь: что у вас тут? Что у вас там? А вокруг что-то происходит, и тебе от этого кайфово — люди, Москва, Кремль... Приехал такой и высматривает что-то. То, как люди носятся, конечно, бросалось в глаза. Я стоял, а все куда-то бежали мимо. Интересно. Даже когда в метро заходишь, еще ничего не знаешь, а все уверенно куда-то прут. Все всё знают. Ты смотришь на них и наблюдаешь. Медленно. Опять же карточку куда вставлять в этом турникете? Для начала ее нужно купить. Я видел, как люди подходят к кассе и говорят: «На десять». Что это значит? Оказалось, на десять поездок. Метро стоило пять рублей. Денег у меня с собой из Таганрога было немного, всего рублей семьсот. Я думал, вот, куплю сейчас карточку на десять поездок — и нету пятидесяти рублей. По городу идешь, лето, жарко, хочется пить. Воды или пива. Сигареты опять же. Побродил по городу после Красной площади, потом поехал на Чистые пруды. Я это место по телевизору видел. У меня в голове отпечаталась картинка этих прудов: бульвар, решетка кованая, как будто набережная. Мне казалось, там будут большие пруды. У меня был шок, когда я увидел просто лужу. Реально. Правда? Вот это оно и есть? А мне в кино каком-то запомнилось совершенно иначе. Я очень сильно удивился, немного огорчился. Так и не понял, почему это место называют прудами.

Прошло несколько дней. Через какое-то время меня, конечно же, стала останавливать милиция. По моему лицу было видно, что я приезжий. «Здравствуйте, ваши документы». Я показывал. «А где регистрация?» Так было

несколько раз, а потом мне сделали регистрацию. Наташа сразу сказала: «Заплатим деньги, и у тебя будет бумажка на три месяца». Потом я ходил с этой бумажкой и паспортом, и проблем уже не возникало, конфликтов с милицией не было. А до этого пару раз забирали. Сидел в отделении. А что такого? Сидишь, сидишь, потом тебя отпускают.

Я начал задумываться о трудоустройстве. Деньги кончились недели через две после приезда. Еще до знакомства со Светой я начал искать работу. Я звонил во всевозможные строительные конторы по объявлениям «Требуется штукатур, плиточники». Мне отвечали: «Берите паспорт, трудовую книжку, диплом и приезжайте на собеседование». Однажды я приехал в какое-то место за Павелецким вокзалом, пришел по указанному адресу. Какая-то подворотня, железная дверь без звонка. Я стал барабанить. Мне открыли: что надо? Говорю, по объявлению. Я зашел. В небольшое помещение набилось много взрослых мужиков. За столом сидит тетка и спрашивает меня:

— Ты кто?

— Я по объявлению.

— Профессия?

— Отделочник, техник-технолог. Могу прорабом работать.

— Регистрация есть? Жить на площадке. Зарплата такая-то, но от работы все зависит. Трудовая не нужна. Диплом не нужен.

Сразу было понятно, что это какой-то развод. Я все дипломы привез с собой из Таганрога, предполагая, что сразу с музыкой у меня не получится, поэтому можно пока и в строительстве поработать. Месяц я не мог найти никакой работы. Я ходил по этим конторам, 230 долларов — самая большая зарплата, которую они предлагали. Наташкин Серега объяснил, что на работу устраиваться надо только через знакомых. Потому что везде обман: в такой конторе проработаешь месяц, тебе не заплатят. Ты уйдешь и будешь в другой такой же шарашке работать, и когда придет время расчета, тебе опять не заплатят. Так они и живут, а люди бесплатно на них вкалывают. Говорят, испытательный срок — две недели, если вы нам нравитесь, мы берем вас на зарплату. Ты работаешь две недели, потом они говорят, что ты их не устраиваешь, и ничего не платят. Развод!

Приехал как-то в очередной раз на дачу к Свете, она мне рассказала, как опаздывала на работу (она устроилась в какую-то компанию по организации праздников) и поймала машину. За рулем оказался интеллигентный мужичок, сказал, работает в строительстве. «И тут я вспоминаю, что ты ищешь работу! — восклицает Света. — И я ему говорю, что у меня есть молодой человек, закончил недавно строительный колледж и никак не может в приличное место устроиться. Он сказал, пусть приходит, может, возьмем», — и протягивает бумажку с его телефоном. Я позвонил этому человеку, оказалось, он начальник какой-то стройки. Приезжай, говорит, Пречистенка, 19. Я приехал, пообщался с прорабом:

— Умеешь работать?

— Вот диплом.

— Мне твои дипломы не нужны. Умеешь плитку класть? А красить? Тогда приступай. Зарплата 250 долларов. Приезжаешь в восемь, уезжаешь в семь. Перерыв на обед. Вот здесь раздевалка.

Это была не стройка, а реставрация Музея искусств Зураба Церетели на Пречистенке. Там внутри помещение восстанавливали, красили, белили, заделывали трещины в основном здании. Во дворе были какие-то подсобные помещения, которые объединили, накрыли стеклянной крышей, устроили зимний сад. Меня определили в бригаду отделочников. Пришел я в первый день на работу. Раздевалка была оборудована в подвальном помещении с потолком со сводами. Стояли нары в несколько ярусов. Жили приезжие рабочие из Чувашии. В основном отделкой занимались женщины, но у них, конечно, была своя раздевалка, житиё своё. Кроме чувашей там работали люди из Подмоскovie, которые приезжали утром, а вечером возвращались домой. Помню, один чувак на электричке из города Чехова приезжал. Был еще один парень из Москвы, немного больной, инвалид детства. Кто-то пристроил его туда работать. Но он был добрый, хороший пацан, просто с отставанием умственного развития.

Все это время я жил у сестры, спал на диване. Квартира у них была однокомнатная. Но я постоянно тусил у Светы на даче, поэтому не очень сильно Наташу с Серегой напрягал. К тому же она видела, что я устроился на работу. Этот Володя, товарищ Сереги, который весь был в тюремных наколках, блатную музыку слушал. На его фоне я выглядел человеком стремящимся. Тем более я играл на гитаре. Бывало, вечером Серега скажет: «Ромчик, а спой-ка мне „Снова утки летят“ Розенбаума». Он очень любил, когда я пел песни. Несколько раз я приезжал к нему на работу в автосервис. Он приглашал: «Ромчик, сегодня работка выдалась, заработал семьдесят баксов. Заезжай, посидим, отдохнем».

В «Лужниках» было круто. Аншлаг. Всем понравилось. Но только не прессе. В «Коммерсанте» вышла рецензия Барабанова, она называлась «„Звери“ дали прирост поголовья». Восемь тысяч человек назвали поголовьем, то есть скотом. Саша тогда очень обиделся. Незадолго до концерта он дал ему интервью, Барабанов все хотел, чтобы тот признался, что «Звери» — придуманный проект, быдлак, а он, Войтинский, великий манипулятор. Почему-то Артемий Троицкий тоже сильно «Зверей» невзлюбил, что-то типа: «Провинциальный пэтэушник с акцентом, ему у станка стоять». Да и музыканты не приняли нас в свою тусовку. Это было очень прикольно: получилось, что куда ни ткнишь — все против. Мы оказались в одиночестве. Но это сыграло нам на пользу. Было бы наоборот — мы зашли, мы свои, нас все любят, облизывают, как Земфиру в свое время, — всё!

Здравствуй, деградация! А так нам не дают расслабиться. Эти говорят — ты не наш. Те говорят — ты чужой. Попса и рок. Ничего другого же нет. Только продвинутые знают, что Лагутенко — это рокапопс, а не хрен пойми что-то мяукающее. Шевчук только орет: попса! Люди так и относятся: есть рок-музыка честная, и есть попса эстрадная, запахло.

Мы играем вживую на инструментах, у нас на концертах полный угар — да, поэтому мы рок-группа. На любую группу, которую начинают активно крутить на радиостанциях, тут же начинают зубы скалить — вот опопсели. Но популярность — не признак попсы. Попса — это некачественная музыка, а поп-музыка — хорошая вещь, если сделана добротнo. Не тыц-тыц-тыц на «ямашке», не «я люблю тебя, а ты меня нет, я скучаю». А все эти упреки «опопсели» — это элементарная зависть. Что с критиков взять? Появляется песня, которая всем нравится, и тут же начинают обсирать. Сначала ты задыхаешься, так тебе обидно. Но потом приходишь на свой следующий концерт и видишь, что там действительно все хорошо. Ни один нормальный человек не подойдет к тебе на улице или в магазине, не скажет: «Чувак, у тебя музыка примитивная». Нет такого — музыка примитивная. Люди либо любят сердцем, либо не любят. «Мне твоя песня помогла в трудную минутку. Я был одинок, пришел на концерт и встретил там девушку, и теперь мы женаты, у нас дети, я счастлив». Какая рецензия мне это даст?

Про «Зверей» никто ничего не знал, поэтому мое общение с прессой началось со стандартных вопросов: кто вы, что вы, какие планы? Мое отношение к журналистам начало меняться, когда я заметил, что мои интервью в напечатанном на бумаге виде выглядят совершенно не так, как я говорил. Я с человеком общался по душам, а он, может, не поверил, не почувствовал. Ему все равно. Он робот. И все, что я ни скажу, будет переписано стандартно, как нужно изданию. Вот это меня сильно поразило. Я не мог понять: как же так? Мы сидели, он мне улыбался, вроде кивал головой: да-да, у нас с тобой разговор на тему музыки и не только. А потом я читаю статью и вижу, что человека будто подменили: кто-то взял и все перековеркал. Какое-то изначальное недоверие к артисту, знаешь, когда враги встречаются на переговорах. Как президенты России и США — улыбаются, пожимают руки, их щелкают, а когда они расходятся — всё, воюем дальше. Так и здесь. Меня это расстраивало. Безумно. Мы не сразу узнали, что интервью надо заверять, а с изданиями официально подписывать договор. Сейчас уже поздно. Желтая пресса настолько вклинилась, пошел поток недостоверной информации, начался полный хаос, когда от тебя уже ничего не зависит. Все писали все что угодно, на основе каких-то сплетен, шуток, выдумок.

И поэтому Кант. Это был очень жесткий перебор. Нелепейший. Я не мочился на могилу Иммануила Канта в Калининграде. Мы приехали туда на гастроли, кажется, выступали в «Вагонке». Перед концертом у нас было свободное время, мы решили устроить экскурсию по городу. Приехали к костелу, там за оградой могила Канта. Нам рассказали историю храма, кто его строил — оказалось, немцы. И кто-то из нас пошутил: «А, типа фашисты!» Без всякой задней мысли. Это очевидный факт, что у нас в стране после Отечественной войны вошло в обиход называть немцев гансами, фрицами, фашистами, при этом не вкладывая в это

никакого негативного смысла. Мы походили, посмотрели на костел, на могилу. Ссать охота. А куда? Ушли в какую-то сторону подальше, нашли кусты. Ну не на могилу же Канта мочились! Так я мочился во всех городах, получается... А потом вышла статья про фашистов, про то, что «Звери» обоссали могилу великого философа. Дело в том, что с нами были еще две девушки: читательница местной «Комсомолки», которая выиграла приз — день с группой «Звери», и журналистка издания.

Сначала хотелось этой журналистке дать в пятак, как бы грубо это ни звучало. Либо поджопника. Потому что если девочка позволяет себе такое писать, значит, это уже не девочка. Она стопудово уже не понимает человеческого разговора. И слова «мораль» для нее не существует. Остается что? Физическая расправа. Дать хорошего смачного пинка под сраку! По мягкому месту — чтобы без травм. Тут воспитывать словом уже поздно. Как-то на подобные публикации реагировать бесполезно, потому что геморно. Поэтому журналисты чувствуют себя абсолютно вольно и могут писать гадости дальше. В 99 % случаях им ничего за это не будет. Поругаются, позлятся и успокоятся. А денежку-то они зарабатывают потихонечку. Был какой-то там суд, газету обязали опубликовать опровержение. Но кто эту писюльку мелкими буквами будет читать? Это и неважно было, потому что новость-то уже работала.

В какой-то момент я понял, чего они хотят, почему они так вопросы строят. Я сам им неинтересен. Вообще. Они ко мне никак не относятся — ничего личного, я лишь расходный материал. Я сейчас что-нибудь скажу, а они перефразируют, облепят чем-то, придумают жареный фактик. Я стал поступать с ними так же: они для меня никто. Мне они не нужны. Нет такой необходимости увидеть себя на обложке, прочитать о себе в журнале. Я делал свою работу, записывал песни, снимались клипы, были концерты. И было очень обидно, когда я делал хороший большой концерт, выпускал альбом, но почему-то все музыкальные критики и журналисты это обходили стороной и писали о людях, чье творчество привлекает гораздо меньше людей, чем «Звери». Нас игнорируют как явление, событие. Даже в изданиях, которые рекламируют концерты, пишут обо всех, кроме «Зверей», хотя мы собираем очень много людей. Снобизм, считаешь? Предвзятое отношение: эта группа для народа, значит, мы не будем о ней писать. Это не для нашего круга. Мы будем рассказывать о каких-то неизвестных музыкантах. Эстетство, тусня! Хотя по массовости события, по размеру праздника, по привлечению людей, не только публики и музыкантов, но и по рекламодателям, площадкам мы круче. Наши концерты в десятки раз глобальнее, но о них никогда ничего не пишут, как будто группы «Звери» не существует.

Обложка «ОМа» (культовый молодежный ежемесячный журнал в 90-х — начале 2000-х годов. — Прим. ред.) не показатель. Если бы они меня напечатали на два года раньше, вот это было бы для меня событием, признанием в этой тусне. Но оно мне не очень уже нужно. Я просто не мог понять, как люди могут закрыться в своем мире и не наблюдать за тем, что творится вокруг. Я видел подобное в Таганроге — эту богему, как она живет, что делает. В Москве столкнулся с тем же самым, только на более глобальном уровне. Они пропагандируют культуру,

которая даже им непонятна до конца. Когда «ОМ» решил поставить меня на обложку, я не удивился их предложению снять меня по пояс голым. Я отказался. И все, на что я мог пойти — это открыть плечи. Они сказали: «Нам нужны голые плечи, не больше». Я им уже тогда не доверял. Я расстегнул рубашку, стянул ее с плеч, и она просто висела чуть ниже. Они сняли, скадрировали под обложку, обтравили ужасно, изуродовали лицо. Но самое страшное, что они выложили в Сеть ту фотографию, где я со спущенной рубашкой. Я вообще не понимаю этих людей. Я даже не могу назвать их пидорасами. Не могу назвать ущербными, тупыми, алчными. У меня вообще нет к ним никакого отношения. Единственное, что я могу им сказать: сходите куда-нибудь, хотя бы в церковь.

У меня со временем меньше стало нервяков, я меньше стал делать каких-то вещей очень экспрессивных и резких. Мне не нравится уныние, которое иногда посещает совершенно неожиданно. Ну и, как всегда, лезут в голову мысли: наверное, я мало сегодня чего-то сделал, видать, это у меня не очень хорошо получается. И так далее. Недовольство собой, когда не хочется вообще ничего делать. Хочется закончить все, плюнуть. А потом вздрагиваешь: что это за мысли такие? Как можно на все плюнуть? И какая может всему этому быть альтернатива? Бродяжничество — вот единственная альтернатива для меня. Возьму и брошу все, только фотокамеры с собой возьму и какие-то необходимые вещи вроде палатки, спальника. И в путь. Да куда угодно! На Алтай, в Среднюю Азию, Южную Америку, Австралию — все равно, только не в Европу, я там был везде — чего по ней путешествовать? Побывать отшельником. Видишь, меня тянет куда? Побывать одному. Я все время пытаюсь побыть один. Хочется послать всех к черту или самого себя послать. Так и сделаю, вот только детей надо вырастить. А потом отправиться посмотреть этот мир, пока он еще существует, и проводить время, общаясь с собой и с людьми, которые сразу же исчезнут из моей жизни. Не с тобой, потому что мы знаем друг друга, а со случайными... Это моя возможная дальнейшая жизнь. А невозможная — это конторку какую-нибудь открыть, свой маленький бизнес, чтобы он мне приносил денежку, а в это время я буду учить детей играть на гитаре. Нет! Не будет этого! Никаких конторок, никаких уроков игры на гитарке!

У меня тоже нервы порой сдают. Когда что-то не выходит, я могу разорвать этот предмет в клочья, могу даже повредить свои конечности в агрессии. Поэтому я в последнее время мало делаю что-то руками, понимая, что могут быть последствия от моей злобы. Она же и вернется ко мне. Как буддист какой-то, тебе говорю. Я все пережил, переварил, понял, как я сам смогу с этим справиться, адаптировал это. Я нашел форму существования, где будет комфортно и мне, и миру. Моя золотая середина. Это не значит, что я прям спокойный стал, меня очень многие вещи раздражают, я ж говорил, что если что — я первый в бой. Меня очень легко завести по-прежнему. Я всё еще довольно агрессивный. Хули нет, когда да! Хочешь, выброшу в окно что-нибудь? Нет? Вот фикус, например... А без страсти

нельзя никуда. Без нее ты милый эстрадный певец, который никому не интересен. Ты посредственен без греховного огня. Без него ты не горишь. Но он не твоя заслуга: просто кому-то это дается, кому-то нет. Он может в тебе затаиваться. У меня он есть, он не дремлет, я его контролирую. Ведь у меня есть опыт, который меня, видишь, и учит, и лечит. И есть люди, некоторые из них остались в прошлом, и я благодарен им за то, что они были, и есть люди и семья, которая рядом, люди, которые за меня и со мной.

Я жду твоего вопроса: «И что это было с тобой?» А это была история жизни со счастливым концом. Это хеппи-энд. Самый настоящий. И от того, что он такой настоящий, не по себе. Если что-то смущает, значит, все хорошо. Наверное, это и есть история успеха. Но бой-то продолжается. Это хеппи-энд только для данной точки времени. Круто, когда герой приходит к цели. Ты дочитаешь книгу, а история продолжится.

Как поет один паренек:

— Все только начинается!

Алексей Шерстобитов, «Леша Солдат», киллер («Ликвидатор-1»)

91-й год ознаменовался вынужденным уходом от дела всей жизни, при сокращении нашей армии с 2 150 000 военнослужащих до 1 250 000. Шанс остаться был, но неприемлемый с точки зрения военной этики и финансового положения семьи: супруга на сносях, а обеспечить ее хотя бы необходимыми продуктами невозможно. Перед подобным выбором находились миллионы, и это было бы обычно, если бы в дополнение не образовавшаяся неприязнь к военным и к форме вообще сразу после победы «демократии» над ГКЧП. Власть народа на поверку оказалась анархией, плавно перетекшей в анархию в верхах, а после — в олигархию.

Итак, я оказался лицом к лицу с одурманивающей действительностью со своей наивностью, так как большинство офицеров именно наивны — из-за замкнутости коллектива, места проживания и службы, узости потребностей и некоторой обеспеченности, как считается, всем необходимым государством. В начале моей карьеры так и было, до известных событий.

Гражданский мир оказался несколько другим в сравнении с привычным, и правила жизни, которые я впитал с молоком матери и укрепленные в училище и на службе, никак не состыковывались с окружающей меня теперь обстановкой. Для начала я устроился в личную охрану — подготовка позволяла, врожденная дисциплина и привычка к ответственности только укрепляла уверенность в правильности сделанного выбора, а денежное содержание, в три раза большее получаемого ранее, позволяли иметь всё необходимое. Спать приходилось мало, по 4–5 часов, тренироваться за полночь, а быть на работе к 6.30. Однако получалось решать все проблемы и даже отбиваться от наездов со стороны предлагающих «крышу». Моей опекой мадам-режиссёр, снявшая пару фильмов, и её муж-коммерсант были довольны, начали считать меня и моего напарника неотъемлемой частью интерьера и даже где-то небольшим кусочком их семьи, тогда как своей я почти не видел. Всё моё общение с женой и только родившимся сыном заключалось в стирке и полоскании пелёнок совсем поздней ночью (памперсов тогда еще не было). Выходной — один день, из-за которого господам Плуховским моя зарплата и показалась чересчур высокой. В результате наше терпение лопнуло, и мы ушли «в никуда», которое, по стечению обстоятельств, оказалось «Центральным домом туристов» — известное ЦДТ на Ленинском проспекте при пресечении с ул. 28 Бакинских комиссаров. Для меня же лично это обернулось местом человека, отвечавшего за порядок и безопасность во всем заведении со всеми примыкающими ресторанами, магазинами и фирмами, арендующими здесь офисы.

Со временем под моим замечательным руководством стало работать 60 человек: 45 официальных охранников и 15 не поддающихся описанию беспредельных морд, которые безгранично поглощали всё съестное и подбирали всё плохо лежащее, порождая проблемы, вытекающие из повышенного самомнения и безнаказанности. На самом деле никто из гостей отеля был не в

состоянии создавать неудобства, которые с лёгкостью производили эти молодые люди. Верховодил ими племянник человека, через которого я попал на это место — Левон, директором гостиничного комплекса тоже был его родственник. Но всё было не так плохо, за исключением моего опять урезанного времени появления в семье, хотя денег стало больше. Конечно, я находился под воздействием старомодного воспитания и шёл напролом с уверенностью в своей правоте, хотя представления не имел, куда и как в этом бизнесе ходят. Это сейчас понятно, что с точки зрения того времени, нужно было просто «прикручивать» весь комплекс с двумя ресторанами, двумя барами, валютным магазином, баней, бассейном, кучей номеров и подземными гаражами. Но, пока я там находился, не сделал этого сам и не позволил другим. Солнцевские собирали лишь дань с таксистов, внутрь даже не заходили. С одной стороны, глупо конечно, а с другой — не так ли должно быть? Опыт рос, мировоззрение прирастало, хотя стержень так и не поменялся до сих пор. Там были первые «стрелы», разборки и, вместе с ними, приходящее понимание сложности и многоликости этого нового для меня мира.

Оказалось, что не так просто понять, где свои, а где чужие, и главное — кто опаснее. Я открыл для себя, что проститутки и бандиты — тоже люди. Порой — не хуже, во многом — честнее и открытее, нежели окружающий их персонал. А «вор в законе» Тамаз с его окружением по-прежнему живет понятиями, которые существуют в местах, не столь отдалённых. Но вот парадокс — эти два мира принимали для него общую плоскость, по которой он передвигался комфортно, с престижем и должным уважением как к себе, так и к окружающим вообще. И его заслуга в том, что мы придерживались обоюдного нейтралитета, не залезая на территорию дел друг друга. Чуть позже меня посетила мысль, что если бы люди, находящиеся в креслах сильных мира сего и власть имущих, обладали такими качествами, как он, наш, на сегодняшний день, не столь привлекательный мир был бы гораздо чище и справедливей.

Многое было для меня ново, многое непривычно. Например, пять номеров, которые я использовал по собственному разумению — в одном жил сам, другие сдавались, чтобы окупить некоторые рабочие затраты, а также повысить жизненный уровень себе и помогающим мне людям.

Хотя тогда я был уверен, что в некоторых ситуациях смысл подобного мог быть оправдан. Оттого, останется жив человек или нет, зависела жизнь многих из нас-это было первично, вторичным всегда являлся вопрос денег. А если точнее — то именно деньги были причиной всего, из нее уже вытекали оборона, престиж, положение, благополучие и, как результат, «график» занимаемых мест на заранее распланированных кладбищах.

Как ни крути, а всегда всё сводилось к финансам — любые операции с недвижимостью, предметами коммерции, бизнеса, даже месть и воздание должного — везде была тень золотой монеты, просто в разные моменты мотивы звучали либо более благозвучно, либо более выгодно на сегодняшний день. Деньги!

Деньги! Деньги! Хотя было и нечто выше, но только для избранных, правда, далеко не самых достойных, слабых, так и не сумевших с этим справиться, но очень жаждущих её — ВЛАСТИ! Понимая это, удивляешься прозорливости афинян, имевших привычку изгонять людей, сделавших много для мегаполиса, на полтора десятка лет, но своим авторитетом среди граждан угрожающих безопасности государства, правда, с полным содержанием и безграничным уважением. А также римлян, которые ставили раба на колесницу позади триумфатора, которыми часто были Цезари, с одной лишь целью — нащёптывать на ухо: «memento mori» (Помни о смерти), о чём явно забывают наши современники, взбираясь на самую вершину пирамиды власти.

Кстати, многие, если не все из нас, были уверены, а точнее — уверяли себя, что именно его-то обойдёт и тюрьма, и преждевременная смерть, и вообще всё плохое, что можно только себе представить. Но чем дальше и глубже затягивал процесс, тем больше и чаще приходилось отбрасывать печальные мысли или топить их, как многие, в вине, совсем не находя в нём истины. Впрочем, наркотики и разврат не помогали тоже.

Страх, боязнь, опасливость порождали подозрительность тем большую, чем выше стоял человек в иерархии. Это присуще всем обществам, всем родам деятельности, где может блистать власть в худшем ее проявлении, тем паче власть неограниченная, распространенная на человеческую жизнь любого, до кого сможет дотянуться. И чем больше опасение потери ее, тем круче репрессии и больше зла.

Да, в начале 90-х мы казались видимым воплощением респектабельности, удачливости, многие парни хотели надеть кожаные куртки, а красивые, ещё не искушенные сегодняшним днём девушки — быть рядом. Эта романтика хозяев жизни, которым якобы нечего терять, сыграла со многими злую шутку, но некоторые смогли слиться с официозом, скоррумпироваться с чиновниками, а то и выше, или найти общие, взаимовыгодные компромиссы с силовиками, причем, как мне кажется, на языке последних. Они, как показывает время, ничего нового не придумали, да и зачем? Они пошли старым, надёжным и изведанным путём, известным, начиная со времен Видока и Фуше, а скорее всего, гораздо раньше, выраженным в формуле: если нельзя устранить, то нужно возглавить. Оставив какую-то часть от бизнеса бывшим малиновым пиджакам, предложив им место сдерживающего барьера, сами ныне владеют остальным и, надо сказать, неплохо себя чувствуют. Будучи почти неприкосновенными, что, собственно, и не могло быть иначе при наших властителях, где полумеры — норма, а девиз «волка ноги кормят» является ответом на вопрос: «Как на эту зарплату можно жить»?

Разумеется, с тех пор всё поменялось, и если 15 лет назад фраза: «Да это наши менты, коммерсы, чиновники и т. д.» — совершенно чётко соответствовала истине, то теперь это смешно понимающему и опасно для заблуждающегося.

Еще раз подчеркну, что среди любой прослойки, среди любой профессии есть люди честные и достойные, но они, как правило, сопротивляющееся меньшинство, а взятки не берут лишь тогда, когда их не дают. И вообще, у нас, в России, всегда, как говорится, «дело в шляпе», что значило при царе-батюшке:

пока ее не наполнят, дело не сдвинется, и не важно, по горизонтали или по вертикали направлен его путь.

Себя же я всегда воспринимал где-то исходя из того, что было заложено с детства, возможно, где-то обманывая, где-то преувеличивая, а где-то боясь признаться самому себе в очевидности своих поступков и предпочтений. До сих пор, хотя на этих страницах я и соглашаюсь с названием себя бандитом и позиционирую себя совместно с теми, кто был в ОПГ, противопоставляя всему остальному обществу, но в глубине души, и это чувствуется наитием, я всё тот же только что демобилизованный и пытающийся адаптировать свое мировоззрение к окружающему миру. Не он плох, а я другой. Возможно, старомодный или старорежимный и потому никак не имеющий возможности принять в душе то, что быстро прилипает к подавляющему множеству людей более современных, чем я, а значит — более пригодных к сегодняшней жизни. 20 лет назад я был выброшен из нее, и сегодня, страшно признать, констатируюсь отбросом общества, и опять, как всю свою взрослую жизнь, ощущаю себя где-то не потому, что считаю окружающий мир недостойным, а потому что другой, сопротивляющийся, с большим желанием остаться тем, каким меня любили мать, отец, а возможно, видят сейчас дети, друзья и когда-то любимые и любящие женщины. Я чувствую в себе силы остаться таким же навсегда, и на сегодняшний день вижу своей задачей сопротивляться тому, что может меня изменить, причем вина за содеянное занимает в этом одно из первых мест.

Итак, ваш покорный слуга (жив пока ещё чудесным образом!), в очередной раз оказался перед очередным белым листом в книге своей жизни. ЦДТ, Левон и все приятные молодые люди оказались позади, всё нужно было начинать заново. Я не кинулся грабить, воровать, и, как ни странно сегодня звучит, не нанялся убийцей, но подробно искал и рассматривал любую возможность работы по знакомым и знакомым знакомых.

Две палатки, где я устроился, как сейчас принято говорить, менеджером по поставкам, не принесли дохода ни мне, ни хозяину. Напротив, попытавшись отбить их от рэкета, одну из них мы потеряли сгоревшей, хотя и выиграли за день до этого в физическом столкновении. Пока возместить мне было нечем, пришлось покинуть место с долгом, который отдал позже.

В спортивный зал «Бомбоубежище» меня пускали в долг, по старому знакомству. От нового места проживания на 5-й Кожуховской улице это было не близко, но надежда найти там что-нибудь подходящее подкреплялась интуицией, которая оказалась верной — Григорий Гусятинский (погиб 30 января 1995 года от моей руки), с которым я был уже знаком, занимался силовым троеборьем и зал посещал постоянно, тем более что вместе с афганцами вложился в него не копеечно. Увидев меня без формы и уже прослышав о моих поисках, предложил заняться организацией ЧОПа, а пока быть в одной из его команд, называемых в шутку «африканцами». Это были два молодых человека: Дмитрий (инструктор по

прыжкам с парашютом, погиб около 2000 года, спасая подопечного во время очередного учебного прыжка) и Юра Лукьянчиков (убит в 1994 году по указанию Григория, по официальной версии — за неподчинение, фактически — за отказ подносить чемоданы его супруги, сопровождая это соответствующими некорректными, как ей показалось, в ее адрес словами). Разумеется, я согласился.

Внешне ничего не вызывало подозрений и было очень похоже на работу в ЦДТ, с разницей в том, что деятельность и оружие тут должны были быть оформлены юридически, однако это оказалось лишь обещанием, а скорее — просто неудачной шуткой с целью завлечь подобных мне доверчивых балбесов. Особенно в курс дела нас никто не вводил, а мы и не интересовались. Ежедневные сборы, массовки, где я был пока рядовым участником, всё вдалеке от происходящего, ЧОП оформлялся сам, моё участие требовалось лишь в мелочах, якобы до тех пор, пока он не вступит в рабочую фазу. Зарплата была маленькая, бесполезной суеты много, впрочем, для того времени, как у всех. Время мошенников разных мастей. Механизм кредитов слаб, «авизо» в разгаре, — впрочем, его погубила жадность кавказцев, эту так лелеумую еврейскими банкирами тему. Последние умели брать понемногу, но часто, а отдав чеченцам, тем самым поставили крест на кормушке — те напали не по-детски и сразу, наивно полагая, что так получится больше. Но деньги сыграли свою роль, подтянув диаспору на невиданные высоты, что, как полагают многие, и привело к сегодняшнему положению вещей в ситуации в горных побратимах, которых Россия, её ресурсы и её налогоплательщики кормят от пуза той грудью, которая должна кормить самих россиян.

Торговля чем угодно, где угодно и кем угодно разрослась настолько, что шагу ступить было некуда, чтобы не увидеть покупателя или продавца. «Ворота» открылись и в них хлынуло частное предпринимательство, за ним такое же частное «крышевание» за долю малую. Кто более юркий и смекалистый, срачивался со спортсменами и бывшими сидельцами, образуя «профсоюзы» по интересам. Льготный бизнес на алкоголе и сигаретах от афганцев-интернационалистов до РПЦ и спорткомитета, щели, дырочки, плохо, а то и вовсе не оформленные документы на что угодно, но всё же официально разрешённое. Только ленивый не ездил на неоформленных автомобилях, с неоплаченным таможенным сбором, по рукописной доверенности в лучшем случае. Ремонтировали в сервисах-гаражах дорожные иномарки, доставшиеся как-то и где-то, не имея своих квартир, все деньги тратили на бензин и отдых. Можно было ездить без прав и вообще без всего того, что идентифицировало бы личность, всё имело проходную цену. ГАИ вообще не останавливало тех, кого нужно было, в любом случае имея заработок от всех, кто мог подвернуться.

Время зарождения РУОПов и ОМОНов, то ли в противовес, то ли параллельными, на поверку дня, «бригадам» структурами. Милиция была слаба, не оснащена, перебивалась с зарплаты на подачки и взятки, что часто заставляло принимать любые условия оплаты и от коммерсантов и от преступных сообществ. Смысла обращаться туда не было никакого и даже опасно, имея возможность «загрузиться» на полную катушку или просто потратиться безрезультатно.

Но силовикам тоже нужно было с чего-то начинать, страна входила в полосу безконтролия и беспредела, с треском, в очередной попытке выползти из коллапса.

Амплуа бандита (хотя я не особенно серьёзно воспринимаю этот бред, считая его больше подходящим для местных разбойников, к тому же и в криминальном мире такой масти нет) или, скорее, «жигана» действовало пьяняще, в большинстве случаев — на людей, ничего из себя не представляющих, они же и позволяли себе глумиться над окружающими, правда, иногда получая отпор. Таких я не любил и не люблю, ибо такое поведение имеет единственную цель — поднятие собственного авторитета в своих и чужих глазах, что часто сегодня приходится видеть в зонах. И странно, что зачастую это действует, мало того, подхватывается другими.

Правда, что удивляться, когда многие восприняли в качестве жаргона не «арго», который был принят у французских каторжников, и не язык криминального мира Российской империи, а именно позднюю переходящую модель одесского полуидиша, со словами еврейского происхождения, выдававшего тех, кто усердно внедрял это в свое время в первой трети двадцатого века. Очень умный шаг при создании новой субкультуры, отголоски которой и сегодня существуют в местах заключения. Хотите убедиться — прочитайте «Парижские тайны» Эжена Сю или «Петербургские трущобы» Крестовского и «Одесские рассказы» Бабеля. А от настоящих отцов сегодняшнего криминального мира в серьёзном разговоре вы не услышите ни слова из современного жаргона и ни слова крепкого мата, лишь чистый литературный язык, выдающий не только интеллект, странным образом развивающийся за многие годы отсидки, но и огромный багаж прочитанной литературы, отгаданных кроссвордов и головоломок, причём в основном в жизни.

За всё время нахождения в массе таких людей, окружавших меня, я старательно, всеми фибрами души, сопротивлялся проникновению в моё сознание этой филологической заразы, и, как кажется, удачно. Сейчас эта субкультура, как и культура в принципе, на свободе или в лагере, окрашивается лексикой наркоманов и дискотечных торчков. Если кто-то думает, что наркомания — не диагноз, он глубоко заблуждается. Наши ряды в начале 90-х тоже захлестнула эта гадость, хотя наблюдал я такое явление издалека. И приводило оно к могиле — или по определению, или по приговору, в виду неблагонадёжности. Это болезнь, и болезнь ужасная. Очень непродолжительное время зелье употребляется по причине удовольствия, позже-уже как лекарство, и для любого наркомана самый несчастный день его жизни — день, когда он его попробовал. С другой стороны, наркоман — это безотказная машина для исполнения любой задачи, которую совсем не жалко, которую дёшево содержать и не нужно уговаривать. Единственное непреложное условие — не допускать до ареста. Именно поэтому, не считая оборотов огромных денежных средств, наркодельцы если не сейчас, то в ближайшем будущем — очень могущественные люди, так как могут заполучить власть над душами и телами.

Я чувствовал на себе влияние этой власти (над человеческой жизнью), появляющейся в первые секунды перебарывания себя перед выстрелом и после него: в момент уничтожения цели тебя охватывает восторг, звериный и неуправляемый. Но когда через минуту приходит осознание содеянного, всё это «северное сияние» эмоций резко переходит в такое уныние и опустошение, что нет сил хотя бы вспомнить о чём-то, приносящем положительные всплески. Это те моменты, когда я более всего ненавидел себя. В силу оптимистического склада характера через некоторое время всегда получалось войти в обычное русло, но свинцовая оскомина оставалась тяжестью на сердце ещё долго.

Надеюсь, вы понимаете, что об эмоциональном подъёме я говорю не в связи с причинением смерти другому человеку, а от того, что смог пересилить тот страх, думаю, он и есть Божий! А восторг — разыгравшая гордыня, отзывающаяся болезненной раной на совести и её слабым голосе.

Что сделал, то сделал, разобравшись в причинах, может это и можно понять, но непросто! Пишу это без настроения и не рассчитываю, что кто-то станет в душе оправдывать или осуждать. Просто знайте, что проходил каждый из нас, почти каждый, и редкие избежали этого. Каждый должен был замазаться кровью, дабы не было пути назад! И как глупо... Ведь многие делали это «на слабо», а сделав, оставались теми же, кем были до того, ничего не менялось. Кроме того, что где раньше был свет, вползла тьма!

Кто виноват, кого винить: общество, власть, милицию, главарей, воспитание, семейное положение, время, недостаток продуктов, незанятость — кого бы мы, каждый из нас, ни винили и на кого бы ни сваливали, это лишь ещё один шаг от истины. И если искать, то прежде в себе, но не все на это способны. Мы себе-то врем, оправдывая каждый шаг, и когда вдруг видим настоящее своё отражение без ежедневных личин и масок — ужасаемся! И это нормальные люди, не прошедшие через горнило труб, пахнущих разлагающимися трупами своих товарищей и погибшей совестью. Знаю, есть и хуже и сложнее, но сейчас и здесь — об этом. Выбирайте любой срез и рассматривайте — разглядите, что подобные мне и моим «соратникам» мало отличаются от всех остальных. Вы не найдёте яркого ущерба в воспитании, обучении, поведении, общении, мировоззрении, характерах, манере поведения (исключая, профессионально выработанное на протяжении четырнадцати лет «бегов», психики — она архинормальна, архистабильна, хотя и вся расшатана, но, за счёт привычки, дорогого стоит). Рассмотрев всё по отдельности, вы не найдёте ничего, собрав же вместе, будете желать иметь именно такого друга, подчинённого, мужа, брата, кто знает, а возможно, и отца. И никоим образом содеянное мною не будет сочетаться с находящимся перед вами человеком — хоть поставь, хоть положи.

Возможно, прежде всего, потому что во мне нет злобы, ненависти, и я не покривлю душой, если скажу, что все мои принципы генетически совпадают с основными положениями общепринятых кодексов чести.

В принципе, это не особо важно, и пусть этим занимается психология, правда, и здесь порой доходит до смешного. Кто-то из представителей этой части учёного

мира определил в своё время, что стиркой я занимался после очередного преступления, в связи с попыткой подсознания отмыться от содеянного. Позволю себе усомниться, тем более что причина банальна: до этого не было ни возможности, ни времени сдать бельё в прачечную либо постирать самому, гораздо проще было купить лишние комплекты или, при появившейся возможности, заняться делом, что и происходило. Жил я долго один, гостей у меня не было, женских рук и их присутствия мои берлоги не видели. Возможно, так живут многие люди, но причины на то разные.

Моё существование в сообществе себе подобных отличалось от общепринятых мнений и представлений о них. Никакого братства, никаких загулов, пьянок с братками, исключая первый год вхождения в бригаду. Я любил тишину, одиночество, изредка скрашивая их коллективом друзей детства, а чаще футбольными встречами и, после них, часовыми посиделками с кружкой пива и весёлой, пустословной болтовнёй на отвлечённые темы. Открытые, благодушные люди, двери домов которых всегда были открыты для меня, дружба с семьями, всегда доставлявшими особое наслаждение своей чистотой отношений и непредвзятостью, были отрадными островками среди моря опасностей, лжи и злобы. Хотя и у нас в профсоюзе были люди, отношения с которыми приносили положительные моменты, но это было редко и, скорее, мельком, а после 1993 года закончились и они.

События, плавно перетекающие одно в другое, а то и происходящие одновременно, перемалывали каждый день не только наших жизней, но и тех, с кем мы встречались, работали, «крышевали», а кому-то возвращали или забирали, в зависимости от подхода старших. Периодически были события в виде грандиозных пьянок, попок и отдыха на разных территориях, с разными «командами» и «бригадами», дружественными нам. Пару раз подобные путёвки выпадали и мне. Однажды я с «главшпанами» оказался в Загорске, в центральном ресторане города, находящегося в гостинице с одноименным названием. Заняв уже заказанные и кем-то оплаченные номера, спустились в ресторан, где гремел блатнячок и во всю оттягивалась «братва». День рождения «Дроздов», с которыми я не был знаком, однако было приятно, что, так сказать, «элита» постепенно втягивала в свой круг. Жён было мало, да и все они ретировались через короткое время, удачно заменённые путанами, некоторые привезли с собой московских, кто-то обнаружил праздно шатающихся и ещё не совсем определившихся в профессии, но желающих халявки в надежде избежать продолжения, что мало вероятно. Мелькали редкие костюмы, иногда вкраплениями — малиновые, красные и розовые фетровые пиджаки, но больше тренировочные костюмы или свитера, заправленные в джинсы, а то и в строгого покроя брюки — дань тогдашней «моды». Разгоряченные, чем было (а было, как всегда, более чем), запускали по кругу дурманные «косяки», никогда не возвращающиеся... Но всегда приходили другие. Были и иные, более интеллигентные: кокаин или тяжёлая, всякого рода,

«по вене» пускаемая отравя. Последняя — редкость, но уже плотно входящая в обиход.

Напившиеся и по-братски обнимающиеся, признающиеся друг другу в верности и бахвалящиеся, почти все молодые, крепкие парни, подавляющее большинство спортсменюги — перспективный, здоровый генофонд России, но увлеченный не учёбой, работой или развитием интеллекта, а лёгкой, хоть и опасной, оваянной увлекательной романтикой наживой! Чем больше человек находится в подобных компаниях, не подымаясь по иерархии, а вращаясь в рядовых, не выше среднего, тем ярче заметна всё меньшая и меньшая тяга к познаниям и совершенствованию. Сходки, стрелки, боевики, фантастика, порно, кабаки, секс и трёп, трёп и трёп, что ведёт к полной деградации. Если вы видите сейчас сорокалетнего быка-балбеса, то, при всей неприязни, пожалейте его — он не был таким, и если завтра вы забудете неприятную встречу, даже оставившую синяк во всё ваше драгоценное лицо, помните: ушиб пройдет, боль и обида утихнут, а вот «бык» никогда не поднимется выше убойного мяса.

Кстати, по поводу трёпа, если пока ещё не изжила себя точка зрения о сплетницах-женщинах, то это лишь из-за брутально-молчаливого, часто обманчивого внешнего вида мужчин. Унисекс делает своё уравнивающее действие между полами, и скоро вы убедитесь, кто настоящие чемпионы по «обсасыванию косточек» и копанию в грязном тряпье. Но! Среди нас есть исключения, про роль которых в правилах я здесь умолчу.

Танцы танцевались, водка не заканчивалась, официанты сбили уже вторые подковы, а нечётные по количеству составы гостей праздника уплывали в номера, возвращаясь несколько растрепанными, чему очень радовались следующие. Но внешне всё было прилично — обычный банкете не вполне принятой музыкой, хотя кто тогда не любил «Семена», «Вологодский конвой» или «Бутырку» и так далее. В принципе, глядя снаружи через стекло в фойе ресторана, стоящему на морозе могло показаться, что это празднование окончания соревнований Российского масштаба по силовым видам спорта и единоборствам, визуально вид портили только худые «блатные» с синими наколками, но их можно было принять за тренеров, в крайнем случае, за администраторов. Посторонние почти не заходили — кому охота стать грушей для разошедшегося братка или полечь в неравной схватке при попытке защитить свою возлюбленную, к тому же, по опыту знаю, девушке больше льстило оставаться с победителем, но... молчу про исключения.

Вдруг свет полностью погас, но через минуту ярко зажегся главными люстрами, ослепив растерявшуюся толпу. Зал ресторана заполнился людьми, непривычными по внешнему виду и форме с надписью «ОМОН» (только образованный и выехавший на операцию по-чему-то без предупреждения) — это было одно из первых мероприятий «замечательных ребят». Не знаю, где они зарядились такой злобой и ненавистью ко всем присутствующим, но сначала приказали всем лечь, дав пару очередей в потолок, а потом били долго, уверенно и до поноса (пардон, конечно). Когда силы мои были уже на исходе, меня повесили на спинку сиденья автобуса, уперев её спереди в кости таза, двое держали за руки и ноги, а двое лупили по спине, ногам и когда-то мягкому месту и сгибателям бедра

резиновыми дубинками-демократизаторами. Боль я перестал чувствовать, но оупение прошло, когда рядом увидел в подобном положении то ли юную девушку, то ли женщину в годах, ибо лицо её было от подтёков и синяков лилово-бордово-распухшее, она уже не кричала, не рыдала, но жизнь проявляла тремя струйками — двумя слёзными и одной густо-красной, длинно-пружинистой из прокушенной насквозь губы...

Но как было содержать семью (я не говорю об убийстве) и перебороть и пережить сокращение, грозящее отставкой? И саму демобилизацию? Это не оправдание. Но всё же — как быть с множеством подобных мне, на сегодняшний момент спившихся, потерявших в пустынях сельского хозяйства, челночной коммерции, лежащих без памяти под покосившимися, полусгнившими крестами странного для нас «мирного» времени, положившего на алтарь миллионы сограждан в виде жертв гласности, перестройки, новых путей, новых планов и ещё много неизвестно чего? Зато растут новые имена в «Форбсе», единичные богатеи и властные чиновники, ничуть их не лучшие, и подобные нам... Хотя есть и другая когорта отставников, вяло сидящих, жиреющих и тупеющих — в ЧОПах, при входах магазинов, кабаков, баров и тому подобных заведений, возможно, с одним вопросом: как я здесь оказался? При этом странно утверждать, что ЧОПовцы не имеют должной подготовки — ведь большинство из них бывшие офицеры, отучившиеся по пять лет и имеющие не только военное, но и высшее гражданское образование. Хотя некрасиво было бы с моей стороны не вспомнить и об огромной когорте прапорщиков, мичманов, старшин и сержантов, в том числе и сверхсрочников, которые составляли огромную часть военнослужащих с теми же судьбами впоследствии, как и у офицеров...

Больше повезло тем, кто нашел работу по профессии, но, думаю, таких тоже немного. Никого не хочу винить, кроме себя, но, кажется, тяжело найти страну, которая столь беспардонным образом относится к сынам своего отечества. Заметьте, что последняя фраза относится к периоду конца советского и постсоветского времени.

В любом случае, всё тогда произошедшее имело сходство с резанием по живому, но зашиванием подобно патологоанатому. Никто не задумывался о боли, о том, как сойдутся разорванные места и какими будут последствия для людей, скорее всего, оставшихся искалеченными, с изуродованными душами. Если есть удачные примеры «выздоровления», то нужно ставить памятники, бюсты и памятные таблички их мужеству, терпению и целеустремлённости. Более того, уверен, что у них любовь и преданность Родине не потеряли ни капли от прежде имеющихся.

Нет, я не мог, как большинство, сидеть и ждать чего-то от государства, чиновники которого, ради быстрее сокращения армии и меньших финансовых потерь при этом, избрали статью «по уходу в народное хозяйство»! Я знал, что ничего не будет и я ничего не дожусь. А после нападения обычных

граждан в метро на двух офицеров в форме, меня и ещё одного, мне незнакомого, через несколько дней после восхождения Бориса Николаевича на «броневик» и допущенных им нескольких фраз, уничтожающих всё достоинство армии и их представителей, многое стало вообще непонятно. Сплочённость армии с народными массами перестала существовать, так же, как и заинтересованность государства в военных, которая тоже не то, чтобы пошла на спад, а прямо-таки упала, что впоследствии подтвердило время.

Хотя при чём здесь страна? Во всём виновата не земля, которая нас кормит и поит, которой мы любуемся и которую любим, а именно мы, людишки, которые заселили этот непередаваемый по красоте и насыщенности историей край. Именно из нас, человек, выходят не только «матери-героини» или «отцы-командиры», но и чиновники, и предатели и, конечно, преступники. И слава Богу, что в большинстве своём выходят всё же порядочные люди, которым, правда, вряд ли есть до всего этого дело.

Потихоньку я начал разбираться в окружающем меня хаосе и обратил внимание на стройность его порядка — ведь именно хаосом создаются самые великие не только произведения, но и масштабные вещи, от инфраструктур, до вселенной. Таковым они кажутся из-за непонимания рациональности порядка вещей, правил и формул, по которым они создаются. Причём существует особенность того, что даже обладание знанием не гарантирует удачи в упорядочивании хаотического движения, и даже рассмотревший его во всех подробностях и, казалось бы, всё понявший, не в состоянии его описать. Выход один — самому стать хаосом, но путь труден и непонятен, как и приобретение любого опыта, и так же сложен, как попытка им воспользоваться. Тяжело, но возможно разглядеть в суете человеческой жизни, даже в границах одного часа, стройную линию, ведущую к цели. Тем сложнее это сделать, если промежуток времени гораздо больший: ничего не сложится в строгий план или схему, потому что идущий (а идущий обязательно дойдёт) — живой человек, и сам мир внутреннего хаоса, является незаметной и моментально сгорающей частичкой в огромном бесконечии.

Страх, о котором я говорил на этой странице — не есть страх постоянный, и преследующий, он не появляется перед тем, как вы раздумываете, сделать это или нет, зная, что делать нельзя. Можно знать наизусть Уголовный Кодекс и совершать преступления без страха и упрёка, можно сказать «нет», зная заранее, что это грозит тяжёлым наказанием, можно изменить супруге, совершенно не боясь ничего, но понимая, что в случае раскрывшейся измены будут неприятности, которых не хотелось бы и которых даже опасаться. То, о чём говорю я, — не предупреждение, основанное на понимании запрета, и не опасения, связанные с

преодолением этого запрета, наложенного человеком, обществом или законом, и даже не то, что предписывает остановиться и на что часто ссылаются служители церкви и верующие люди, говоря о мытарствах и Суде Божьем. Это не «красная лампочка» одного из рефлексов, но то, что описать и выразить возможно лишь приблизительно, и то, как последствие воздействия на физиологию и эмоции. Именно подобная вспышка такого состояния моментально обезвоживает даже тех людей, которые в жизни своей ничего не боялись и всегда шли наперекор всему, что было пределами, границами и запретами. Подобное состояние охватывает даже людей, психологически нездоровых и не имеющих чувства самосохранения. Если сравнить с детскими впечатлениями, то, зачастую, это то, что не пускает маленького человечка совершать что-либо, опасное его здоровью или жизни. Это можно сравнить с боязнью преодоления ребёнком дошкольного возраста запрета отца, хотя тот не то что не лупил его ни разу, но даже не прикрикнул. Это не боязнь наказания, но ужас преступить составленный когда-то, в древние времена, «Завет», который есть Договор. Этот не страх, но ужас, может внушить лишь Тот, Кто подписал его с другой стороны, относительно человека, ставящего вторую подпись.

Каждый из нас претерпевал подобное. Я говорю не только об убийстве, нужно только покопаться в себе и вспомнить. И тогда вы поймёте, что это далеко от страха перед смертью или от страха перед болью, потому что и то, и другое для человека, долго находящегося на грани с ними, перестаёт быть пугающим. А значит — они временны и преодолимы. То же, о чём говорю я, преодолеть невозможно, оно отступает само, как бы уступая — «попуская» возможность войти в дверь, где живут новые искушения и испытания, близнецы-братья «ящика Пандоры», притягивающего каждого из нас.

Страх же обычный, затаённый где-то глубоко в подсознании, как катализатор, лишь детонирует взрыв адреналина, но не сжигает. Он даёт понять, где сказанное или сделанное опасно, а где нет. Ваши размышления и анализ приводят к нему не сразу, а через выводы, с утыканием в тупик безвыходности. А выход есть, всегда есть, даже, как минимум, два. Но один из них никогда никого не устроит, потому что неудобен, нежелателен, потому что это конец всему, чего добивался, а второй как раз, скорее всего, все устроит, но будет за границей морали — таково неудобство двойственности выхода в случае, когда судьба делает вам предложение, от которого вы, что называется, не сможете отказаться. Однажды испуганно остановившись перед этой развилкой, вы интуитивно будете вытаскивать ту точку стояния из глубин своего разума, уже заранее зная ответ.

«Идти», со страхом или против него, но не убегая, не отталкивая, и не отстраняясь от этой сущности, может только сильный человек, остальные бегут «от» и никогда не убегают, потому что он поселяется внутри нас. А как убежать от себя? Пытаясь же локализовать его, то есть часть себя, можно раздвоиться. В любом случае, нужно бороться.

Мне было иногда страшно, но, так или иначе, принятые решения и их воплощение в жизнь были ничем иным, как противостоянием ему и своим слабостям. Стоило один раз уступить, и приходилось начинать заново. И ни в коем случае нельзя лгать себе, я всё время подмечал, что это уменьшает шансы. Стоило

убедить себя, что ничего не угрожает моим близким, и ошибка была неминуема. Стоило предположить, что ты сильнее, и отрезвляющий ушат был гарантирован с последующим рогом изобилия помоев. Подумав, что тебе самому ничего не грозит, ты подписываешь себе приговор. От этого может удержать только где-то в глубине тебя живущий, иногда появляющийся страх, в виде всплесков интуиции, и жёсткая самодисциплина, подстёгиваемая ежедневными мотивами и объяснениями самому себе. Вспомним фразу: «Сегодня я умру», — с которой самураи начинали каждый день, и неважно, верили они в это или нет, но так они действительно готовили себя к смерти, а то и стремились к ней в священной службе сюзерену. То есть страх конца был преодолён ещё в зачатии, до возможного его появления, и всё вместе упраздняло возможность ошибки.

Идеальное состояние жизни — со спрятавшимся страхом, которого вы и не чувствуете, но который подсказывает, что затишье или долгое спокойствие — не к добру, и, вместо того, чтобы наслаждаться и успокоиться, вы, напрягая себя, если не предпринимаете, то, по крайней мере, чувствуете необходимость контрмер. Хотя... никого не видите и ничего не слышите. Может быть, потому что пустота — это неизвестность, а нет ничего другого, более тяжело переносимого человеком. И наоборот, в постоянном, ненадёжном, врождённом, опасном окружении страх отступает дальше — некогда бояться, и совсем невозможно, когда противник уже перед тобой.

Амиран Сардаров «Дневник хача», блогер («Жизнь с головой. Концепт иллюзий»)

По происхождению я курд-езид. Корни из северного Ирака, родился на Кавказе, вырос в Москве. Впитал менталитеты и знаю их даже не с двух сторон, а с трёх. Ближневосточный, кавказский и русский.

Родственники живут по традиционным восточно-кавказским обычаям. Но езиды не мусульмане, а язычники и солнцепоклонники. При виде солнца нужно проводить рукой около подбородка — это такой ритуальный символ.

Меня всегда удивляло, что, живя в Москве и будучи язычниками, мои родственники периодически ходили в православную церковь ставить свечку. Дома держали иконы. То есть одновременно были и язычниками и православными. С самого детства я начал задаваться вопросами, а что вообще происходит и как такое может быть?

Мне было лет десять, когда мой русский друг Вова порекомендовал прочитать евангелие от Матфея. Я прочитал, и вот тут у меня уже совсем началась каша в голове. С одной стороны, мама мне говорила про восточные традиции, с другой — какие-то православные христианские. Каждый тянет на себя, что только у него всё самое верное, а остальное ерунда. К тому же всё это ещё не состыковывается с реальной жизнью.

Когда я переехал в Москву в возрасте семи лет, помню, как знакомился с русскими ребятами во дворе, и производил на них неоднозначное впечатление. Дети либо смеялись над моим акцентом и фразами а-ля «пойдем скамейка посидим», либо подкалывали, когда я пытался «дать крутого». Я уже в детстве начал испытывать «когнитивный диссонанс», если выражаться психологическими терминами.

В какой-то момент я начал задаваться вопросами, что как-то всё это странно. Когда я с русскими друзьями ходил в православную церковь, то там были одни старики. Даже не люди среднего возраста, а именно бабушки и дедушки. Молодёжи практически не было. Это всё не могло не наводить на мысли, что «что-то тут не так».

Вначале я задавал вопросы друзьям, которые давали шаблонные ответы: «Бог есть, надо быть верующим, а если согрешил, то иди в церковь, поставь свечку и помолись». Потом пытался копнуть глубже и спрашивал: «А как быть с тем, что вот ты бухаешь, куришь марихуану и крадёшь на работе, и при этом веришь в бога?». Был у меня знакомый, который часто рассказывал про бога, при этом сам, подрабатывая курьером в интернет-магазине, постоянно подворовывал на заказах. Но у него это особо не вызывало противоречий, и он продолжал искренне верить.

Меня поражало, что все вокруг, любой национальности и религии, соблюдали некие ритуалы и обычаи, но когда кого-то из них я спрашивал, зачем всё это нужно и какой в этом смысл, то никто ничего ответить не мог. Тупо соблюдали ритуалы, но не разбирались, зачем они вообще нужны и что дают. Каждый интерпретировал на своём простом уровне, дескать «замолить грехи,

чтобы было счастье, чтобы богатство появилось». У них постоянно присутствовала попытка услужить и понравиться неким высшим силам.

Кавказской молодёжи, которая меня окружала, многим из них, было даже наплевать, какой соблюдать ритуал. Считающий себя христианином мог соблюдать какой-то исламский ритуал, потому что ему кто-то сказал, но не разъяснил о чём вообще речь. Чтением первоисточников там никто не занимался — как говорили «старшие», в то они и верили. А у езидов эти источники тогда вообще нигде было найти — только сейчас можно прочесть в википедии. Поэтому любой бред, который кто-то генерировал в порыве религиозного угара, брался на веру и исполнялся. Передавалось всё на словах, интерпретировалось и искажалось. Никаких канонических текстов не было. Обычно всё это было на уровне «вот, я слышал». Как индейские байки за костром.

У меня возникло ощущение всеобщего лицемерия. В соблюдении ритуалов я увидел попытку подкупить некие высшие силы. Мне было лет пятнадцать, когда я полностью разуверился в религии. Информации во мне накопилось так много, что просто было абсурдно верить в бога или загробную жизнь.

С религиозными заморочками расставаться было тяжело. Специальной атеистической литературы я не читал, но в интернете наткнулся на различного рода статьи тех, кто также блуждал в вопросах смыслов и истин, и худо-бедно внятно рассуждали на эту тему. Откачивались в историю, приводили какие-то примеры. Они задавались вопросами: «Почему столько людей умирает? Почему есть такие болезни, как рак, спид?».

Я начал понимать, что написанное в религиозных книгах не состыковывается с реальной жизнью. Если есть всевышний, то он должен хоть как-то проявляться. И вот таких простых рассуждений мне, подростку, хватило, чтобы постепенно избавиться от всех этих заморочек.

Я выходил и на священников, которые могут нормально пообщаться и что-то объяснить, но и тут всё быстро вставало на свои места. Говорят-то они всё красиво, но сами те ещё лицемеры — нехило подворовывают с пожертвований, забирают себе хороший процент. Я знал священников, которые покупали своим детям квартиры в Москве, при этом ничем другим, кроме как службой в церкви, не занимались.

Это всё не могло не вызывать вопросов. Я видел, как сами «проводники», которые должны правильно трактовать информацию от бога, живут таким образом. Это были 90-е годы, тогда крутые машины были только у бандитов и бизнесменов. А я знавал священника, который ездил на «джипе гранд чероки», и жил на широкую ногу — по тем временам это считалось ужас как круто.

Справедливости ради надо сказать, что некоторые из них даже переживают, когда воруют у прихожан, но потом «замаливают грехи» и быстро успокаиваются.

Мне повезло, что удавалось видеть и сравнивать изнутри менталитет родственников и русских друзей. Лет до двенадцати я варился в кругу двоюродных братьев, плюс в моём районе у меня были русские друзья. Не просто контраст менталитетов, а полное противоречие поведения и убеждений. Восточно-кавказские традиционные убеждения со всеми вытекающими, против европейско-

русского современного общества. В отличии от других ребят, я не пытался прибиться к какой-то стае или группе и делить всех на «своих» и «не своих». Меня всё интересовало, я с интересом наблюдал, но не растворялся ни в чём.

Общаясь с братьями, я понимал, что они не отягощены интеллектом, рассуждают на уровне «кто сильнее — тот и прав». Мне это вообще не нравилось. Также все хулиганство, которым они промышляли. Я спрашивал, зачем это делать, на что мне отвечали шаблонами «ты не понимаешь, ещё маленький, без лоха жизнь плоха, зачем идти работать, если можно что-то у кого-то отжать».

Мне было лет тринадцать, это было середина 90-х годов. У меня был друг с Кавказа, мой сверстник. Мы с ним часто ходили в гости к его старшим братьям, снимавшим несколько комнат в коммунальной квартире в центре Москвы у дяди Васи. Дяде Васе было около пятидесяти лет, два высших образования, в своё время служил на подводной лодке — нереально интересный был дядька.

Но интересен как человек он был только мне. У братьев моего друга он вызывал сугубо коммерческий интерес. Точнее, его пятикомнатная квартира в центре Москвы, в которую они подселились. Сначала они ему платили каждый месяц за аренду комнат. Потом поняли, что дядя Вася бесхребетный, родственников у него нет, на помощь ему никто не придет. Платить перестали, только кормили. В итоге дошло до того, что ему не платили, толком не кормили, но регулярно спаивали. Сам дядя Вася стал жить на птичьих правах в своей собственной квартире.

Если начинал качать права, то они его били по рёбрам. Часто спаивали хохмы ради — поржать и поподкалывать. Он парадировал кавказский акцент, что вызывало дикий гогот у «квартиросъёмщиков». Иногда, по пьянке, переставал контролировать свою речь, срывался, мог ляпнуть что-то грубое или сказать «да вы приехали сюда, а ещё права качаете, вы никто!». Тогда он снова получал по рёбрам. На трезвую голову он ничего лишнего не говорил, а на пьяную его прорывало.

Часто я заходил в комнату к дяде Васе один. Мне нравилось к нему заходить и разговаривать о жизни. Он всегда с охотой отвечал мне на любые философские вопросы. А подоставать разными вопросами я очень любил, меня всегда всё интересовало.

Дядя Вася здорово разбирался в электронике, мог починить всё что угодно. Прекрасно знал историю России. На любой вопрос, который я ему задавал, он давал не просто какой-то однозначный ответ, а заходил издалека, откуда ноги растут, с чем это связано и почему исторически именно вот так сложилось и какие события этому предшествовали. Подходил к вопросу фундаментально.

Когда в очередной раз он напился и на моих глазах ему снова надавали по рёбрам, меня пробило чувство несправедливости, и я хотел спросить, вообще какого хрена он это все допускает! На следующий день я пошёл задать ему эти вопросы. Знал во сколько он просыпается и пришел, прежде чем он успеет опохмелиться. Постучал в дверь его комнаты, он любезно прокричал «заходи,

Амиранчик!», так как знал, что это я, потому что только я стучал к нему, прежде чем войти.

Когда я вошёл, дядя Вася лежал и смотрел телевизор. У него был старый черно-белый телевизор с отверткой вместо ручки. Я сел за его рабочий стол, где всегда лежало много разной электротехники в полуразобранном состоянии, которую приносили ему почти все соседи и он им чинил за три копейки или пузырь водки.

Мы сидели болтали. Я хотел спросить прямо, но не мог, стеснялся поставить его в неловкое положение, поэтому заходил издалека:

— Дядь Вась, вы помните, что было позавчера?

— Ну так, что-то помню. — он пробормотал неохотно и не глядя мне в глаза.

— А вы уверены, что помните? Там был неприятный момент. И ещё следы остались на вас от всей этой ситуации. Вы не хотите что-то сделать по этому поводу?

На этот вопрос он не ответил. Закурил и открыл окно. Я ещё раз спросил. Потому что на меня чудовищно давила несправедливость ситуации. На что он мне сказал, что «не хочу, всё нормально, всякое бывает».

Меня поразило, что он тогда элементарно мог позвонить ментам, написать заяву, и всех бы выкинули к чертовой матери. И только потом я понял, почему он так не сделал. Он боялся и смотрел дальше. От ментов по тем временам откупились бы за копейки, быстро бы замяли вопрос. Времена были суровые, деньги были нужны во что бы то ни стало. И неизвестно, что бы с ним сделали потом. Дядя Вася это понимал и боялся за свою жизнь.

Через несколько лет они у него отжали квартиру, переписали на себя. Но сознательного плана не было, всё развивалось постепенно. Изначально просто хотели жить и тащились от того, что живут на халяву. Идея появилась постепенно. Как-то стояли на улице, и один из друзей рассказал, что живёт с бабушкой, кормит её, и узнал, что через нотариуса можно переписать на себя квартиру. И другим тоже в голову пришла мысль, почему бы то же самое не сделать с дядей Васей. Они даже его поначалу начали выхаживать, уже не часто били, находили общий язык, ещё больше спаивали. Но он долго сопротивлялся, потому что понимал, что если квартира уйдёт из его собственности, то его могут где-нибудь закопать. В итоге всё равно отжали и переписали. А дядя Вася спился и умер.

Вот такая «справедливость». Человек, который верил в систему, служил на подводной лодке при СССР, любил родину — был ей предан. А потом даже ментам боялся позвонить, которые закрыли бы глаза на ситуацию за какие-то копеечные взятки.

В дополнение к этому, он и сам себя загонял в могилу. Я его спрашивал, почему он бухает. Он сказал, что уже не может найти себе место. Тогда он был полезен стране, а тут перестал быть нужным кому бы то ни было. Он потерял опору и смысл в жизни, начал квасить и бухать. В 90-е годы нужны были такие, как родственники моего друга. Выживали те, кто были сильнее по-животному. Таких, как дядя Вася, выдавливали.

Хотя у нас принято, если случается день рождения, то собирается человек триста. Есть эдакая сплочённость. Псевдосплочённость. Многие думают, что кавказцы очень сплочённые, но это миф, это не так. Внешне может и сплочённые, потому что это выгодно для выживания в Москве. А на самом деле лицемерия там тоже хватает, если что, то не погрешат ничем. Если есть чем поживиться, уронить ближнего, а желательно ещё и втоптать, то так и сделают с удовольствием.

С самого детства меня поражало поведение братьев. Оно бывало не просто глупым, а также неуместно жестоким. Не было ни малейшей попытки сделать что-то с умом, с головой. Подход был простой: кто слабый, того надо подавить и отобрать у него. У кого нет «крыши», то ему надо насильно навязать свою.

Вот такой хулиганский, бандитский подход. Я его не понимал. Поначалу задавал вопросы «зачем, ведь можно по-другому, есть ещё и другой мир». На меня смотрели как на глупого ребёнка, дескать «подрастёшь — поймёшь». Через некоторое время им надоело это слушать, потому что вопросов я задавал всё больше, и они становились более подковыристыми — я «залезал им под вену». Они мне начали предъявлять претензии, что «может ты вообще не нашего рода, пальцем деланный, у тебя кровь нечистая?».

Лет в шестнадцать мне стал ближе менталитет русских ребят с метро «Коньково», где прошла моя юность.

У них было хоть какое-то позитивное отношение к жизни: спорт, футбол, рыбалка, девичьи, институт и работа. Мечта забраться по карьерной лестнице, заработать побольше денег. Но мечты так и остались мечтами. На деле, после учёбы, все пригреблись на средних работах, женились и родили по парочке детей, и им перестало быть интересно всё остальное. Свободное время проводили, бухая на лавке с друзьями, а кто-то ещё и покуривал травку. На этом уровне остались и сейчас.

Первое время мы были на одной волне, мечтали о девушках и красивой жизни. Очень жёстко критиковали взрослых, которые забили на свою жизнь и бухали. Или среднее поколение, которое стало наркоманами. Были идеалистами. Мы обсуждали, что «зачем они забили на себя, молодые и энергичные, могли бы чем-то заняться, мы такими уж точно не будем!»

Мы были эдакими «мечтательными пастухами», которые всегда обсуждали, до мельчайших подробностей, кто как будет жить, когда разбогатеет, у кого какая будет машина, какой дом, какие девушки. Нас не покидали идеи как быстро срубить бабла, мы придумывали разные схемы, как это сделать быстро и полегкому. Были молодыми ребятами, активно фантазировали, очень хотелось денег.

Сначала мои друзья были приверженцами трезвого образа жизни. Сильно осуждали наркотики и алкоголь. Потом потихоньку началось покуривание травки. Мне, разумеется, тоже предлагали, но я никогда не курил и даже не пробовал. Не потому, что был таким правильным с детства — просто у меня был сильный страх. Я боялся того, что если попробую и мне понравится, то уйду вразнос. А страх появился потому, что когда я был совсем ребёнком, то оказался свидетелем как

мой дядя употреблял героин. Я видел, что с ним творилось, когда начиналась ломка. Удары руками и ногами по стене, крики, судороги. Весь букет отходняков бывалого наркомана-героинщика. Мне всё это так сильно засело в память, что я как будто закодировался на внутреннем уровне. И по сей день ни разу не пробовал никакие наркотики, даже траву.

Потом ребята начали пить какое-то «молочко» и нюхать «фен». У некоторых все дошло и до героина.

У меня был друг Вова, мы с ним всегда были на одной волне, у нас даже мечты были одни на двоих. Могли бесконечно обсуждать наши идеи и планы — то, какими хотим стать. Мы прямо захлёбывались от наших разговоров, могли болтать часами. Он был для меня очень близким другом. А через несколько лет я увидел, как он буквально загубил себе жизнь. Когда пытался с ним поговорить и вразумить, он смотрел на меня такими глазами, что, дескать, «как ты не понимаешь! А что мне ещё делать?». Он закончил ПТУ, в институт не поступил. Жил с бабушкой и дедом. Деду ампутировали обе ноги на фоне атеросклероза. У Вовы началась депрессия, потерялась опора в жизни, обесценились все ценности и смыслы.

Он перестал верить, что у него что-то в жизни сложится. Мы начали отдаляться друг от друга, перестали обсуждать наши идеи и планы на будущее. Все чаще Вова стал крутиться в компании героинщиков. Через несколько лет он уже сидел сам вместе с ними на героине. Это были ребята, которых мы с ним сами осуждали в свое время. Он их всегда шарахался, а потом стал тусоваться и из одного «баяна» гонять героин по вене.

Мои попытки с ним поговорить на темы, которые нас когда-то волновали и к которым мы стремились, он уже серьезно не воспринимал, пропускал мимо ушей. Взгляд у него стал пустым, было видно, что ему уже ничего не интересно. Надежды никакой нет, смысла в жизни он не видит. В религии мы с ним одинаково разуверились ещё будучи подростками. Что делать дальше он не знал, и никаких планов не строил. И начал ловить кайфы через героин вместе с этими ребятами. Продолжал это делать, пока его не начало подводить здоровье.

У меня было десять близких знакомых, с которыми я рос в детстве. Из них восемь уже умерло от передозировки наркотиков. А двое живы, потому что в своё время решили пожениться, ударились в «институт семьи» и решили взять на себя миссию «повышать рождаемость в государстве». Устроились на среднюю работу, родили детей, и сейчас все равно всё скатилось к алкоголю и наркотикам.

Свободное время они проводят, попивая пиво у подъезда и покуривая траву. Никаких других целей нет. Забот и проблем просто завались. Постоянно крысиные бега, двое-трое детей, надо добывать деньги. Никаких приятностей для себя уже не осталось. Все имевшиеся когда-то мечты уже стёрлись в порошок. Работа, дом, вагон обязанностей, а свободное от работы и от семьи (которая уже в печёнках сидит) время бухают на лавочке. И изо всех сил продолжают верить, что имеющаяся у них сейчас жизнь это именно то, что они хотели в молодости. Эту ситуацию они никак не переосмысливают. А те, которые уже умерли, они в своё

время уже успели понять, чем это закончится, и загнали себя в могилу ускоренными темпами.

Причём все они были действительно хорошими ребятами. Их можно осуждать и называть наркоманами, а я же видел, что они не сразу такими стали. Был ментальный переходный период. Изначально они были нормальными хорошими ребятами. У них были светлые мечты, была вера и надежда. Но потом произошёл щелчок и всё внутри надломилось, опора ушла из-под ног и они скатились сначала в тупое бабуинство, а потом бабуинство с саморазрушением. Веры и надежды нет, и сдерживающих факторов тоже.

Ничего уже не мешало уходить в разнос. Общественные рамки в виде «плохо» и «хорошо» уже не воздействовали никак, а новых зажигающих целей не было — оказаться в могиле было вопросом времени. Человек не может сам себе придумать глобальный миф для жизнедеятельности. Он обычно пользуется тем, что уже есть в обществе. А если то, что есть, себя дискредитирует и исчерпывает, то начинается саморазрушение. Осмыслить и создать себе новую бредовую реальность могут единицы. Остальные ломаются.

Воспитание одной только мамой в плане взаимоотношений с женщинами на мне сказалось отрицательно. Большинство мам, за редким исключением, вообще не объясняют сыновьям, как вести себя с девочками. Считается, что ребёнок сам по себе всему этому научится.

А если что-то и рассказывают, то это из серии «за девушкой надо ухаживать, нельзя что-то предлагать прямо, нельзя пошлить, о сексе ни в коем случае не говорить, она сама должна намекнуть, вести себя надо по-джентельменски». Плюс я посмотрелся романтических фильмов, где парень ради девушки постоянно идёт на какие-то геройские жертвы. Это преподносится как некое завоевание и достижение. Финальной точкой романтических отношений считается момент, когда тебе «баба дала». А перед этим надо провести огромное количество ритуалов.

Поэтому, что делать на самом деле я не знал. Я ещё сам по себе с самого детства был весь такой нежный и трепетный, а по отношению к девочкам ещё закомплексованный и стеснительный. Стеснялся даже с ними заговорить. Когда к нам в гости приходили какие-то мамы подруги со своими дочерьми, я либо убегал на улицу во двор, либо сидел уткнувшись в компьютер и делал вид, что активно чем-то занят. Боялся с ними даже заговорить, испытывал настолько сильный дискомфорт. Стеснялся, тушевался, боялся посмотреть в глаза. А если девочка мне ещё и внешне нравилась, то даже на неё почти не оборачивался, делал вид, что мне нравится какая-то передача по телеку. С образом «брутального кавказца» я не сочетался никак.

Я знаю многих ребят, у которых есть какое-то смущение и подстройка снизу, дескать «когда предлагаешь девушке секс, тебе будет хорошо, а ей плохо». Что ты её используешь, что-то у неё отнимаешь — изначальный подход с такой позиции, что тебе будет хорошо, а ей не очень, поэтому есть чувство вины. Это сильно мешает в личной жизни.

Я иногда сталкиваюсь с подобными ситуациями: Стою в очереди за билетом в кино. Передо мной стоят парень с девушкой — молодая симпатичная пара. Они

что-то активно обсуждают в хорошем настроении, после чего девушка резко оборачивается, окидывает меня взглядом, меняется в лице и сразу хватается за сумку, проверяя, на месте ли она. Ощупывает замочек сумки — закрыт ли он. Потом шушукается со своим парнем. Поведение абсолютно понятное: сзади стоит хач, и первые мысли, которые её посетили, глядя на меня, что сейчас у нее что-то сопрут.

Что касается современных молодых отмороженных кавказцев, то я всё это прекрасно вижу — меня самого это обезьянье поведение раздражает не меньше. Но ещё больше меня раздражает момент, что меня с ними смешивают. У многих из них есть деньги, которые достаются от родителей, которые, в свою очередь, их получают от «дотаций Кавказу». И вот на эти деньги они и выпендриваются совсем по-обезьяньему. Это не может не раздражать.

Со своими русскими друзьями я также всё это обсуждаю. Они задаются вопросом, почему эти кавказцы не могут хоть немного рассуждать так же, как и я. Почему они ведут себя как звери? Если кто-то открывает ресторан, то первое правило, которое они говорят фейс-контролю — «чёрноту, хачё и зверё — не пускать!».

Ходят они только в единичные места — туда, где соучредителями являются другие кавказцы. Кстати, им это тоже доставляет немало хлопот, потому что из-за этих «родственных уз», когда звонят и говорят, что «сейчас к тебе придут мои сыновья, отпразднуют день рождения», а они, в свою очередь, не могут их не пустить, всё таки родственники. Потом все это оборачивается тем, что начинается драка, крики, лезгинка, разборки, приставания к женщинам — идёт отток клиентов из заведения. Родственная связь с влиятельными знакомыми и родственниками начинает вступать в конфликт с бизнес интересами, и они тоже максимально пытаются отсеять всё это быдло. Если и пускают, то сыновей самых близких знакомых или родственников.

Такое поведение не может не раздражать. Естественная реакция — желание их выгнать из своей страны. Приезжают к тебе домой, на тебя плюют и навязывают свои обычаи, и делают всё это в грубой форме. Такие мысли не могут не появиться. Маркёр «кавказец — зверь» — очень силён в сознании людей. Меня из-за них воспринимают таким же. Если я куда-то прихожу, то в глазах сначала виден негатив, но через некоторое время рвется шаблон. Вроде хач, но весь в татуировках, одет не в красные мокасины и белые носки. Непонятное поведение, ситуация сглаживается. А если общаемся, то вижу, как у человека освобождаются целые баллоны негатива. Я не напрягаю людей, не веду себя по-свински, типа «эээ, слушай, Вася, принеси-подай!». Такого отношения никогда и не было.

Всё это замалчивается и скрывается. Лицемерие продолжается. Сверху пытаются преподнести происходящее как точечные стычки, и что здесь неуместно говорить о какой-то национальной вражде. На самом деле, прекрасно понятно, что именно изза этого всё и возникает. Разница в менталитетах и отношения к жизни — когда ведёшь себя как отмороженная свинья, да ещё и находясь в гостях, то никому это не понравится.

Закончится это может тем, что начнется гражданская война в той или иной форме и интенсивности. Националисты будут собирать всё больше сторонников, и всех без разбору начнут бить и вытеснять. Точка кипения может быть пройдена в любой момент.

Современную культуру надо прививать в мирное время, пока не поздно. Если ничего не делать и пытаться всё сгладить, то ситуация будет только накаляться, и рано или поздно это может привести к печальным последствиям. Какие будут последствия — неизвестно, но это случится. Я вижу, как накаляется настроение у русских ребят, им это всё дико не нравится. Даже если они с кем-то и сотрудничают, то всё это — симулирование только ради денег. На самом же деле, отношение очень категоричное, и оно уже перерастает в ненависть. «На кой чёрт они тут вообще нужны, пусть едут в свои горы и там выпендриваются».

Я могу сейчас разве что пытаться всё это доносить до тех ребят с Кавказа, которые испытывают противоречия и не могут себе признать в этом из-за своего близкого окружения. Русские ребята просто не понимают, какое там оказывается влияние на молодого человека со стороны родственников.

Эта восточная картина мира встраивается с самого детства. Если изначально нет вопрошания, некой предпосылки к тому, что человек будет копать, интересоваться и его не будет устраивать всё то, как есть, то таким же дикарём он и останется. Но даже если и есть предпосылки к изменениям, то сложно взять и отказаться от своих родственников. Постоянно программируется, что «родственники — это главное, есть семейные ценности». Начнёшь бунтовать, и тебя быстро приструнят.

Срабатывает инстинкт самосохранения и приходится делать вид, что цивилизация — это ерунда, а «аллах над нами, Москва под нами». То, что я сейчас пишу и говорю, может дойти до некоторых ребят, которые переосмысливают ситуацию, сделают выводы и уже выберут между дикостью и цивилизацией. Есть такие, кого это всё дико напрягает, но их очень мало. Этим ребятам приходится мириться с родственниками, потому что от них есть прямая или косвенная зависимость. Они делают хорошую мину при плохой игре.

Мне могут парировать, что «в каждой национальности хватает идиотов», «езде есть хорошие и плохие». Нет уж, давайте говорить открыто — да, везде есть отморозки, но количество диких отморозков в восточной культуре, на Кавказе и Ближнем Востоке непропорционально велико. Там их количество аж зашкаливает. Если один на тысячу симулирует учёбу и что-то даже умеет, а один на сто тысяч реально учится и чего-то достигает, то все остальные как жили при варварских временах, так живут и сейчас, в XXI-м веке, и ничем не отличаются от дикарей с дубинами. Это дикое зверьё, в лицах «кавказской» национальности, дискредитирует всех нормальных, хоть тех и мало. Ко всем, в итоге, относятся одинаково, и это презрение только нарастает. Боюсь, что ничем хорошим это не закончится.

Инфобизнес — это ещё один миф и иллюзия, который ныне царит в массовом сознании. В России это модное увлечение появилось в 2006-2007 годах — тогда же я познакомился с его здешним основателем и популяризатором,

когда его ещё никто не знал. Мы (и не только мы) его расхвалили в блоге, после чего и начался его «карьерный рост».

В свое время он и сам был в роли адепта у американских бизнес-гуру. Был таким же хомячком, скупал все продукты. Ходил на «мастер-группы». Использовал такую же сектантскую терминологию, как в религиозных ритуалах. «Зафиналивал книги», «привлекал лидов», писал «сейлс леттеры» и все эти длинные продающие портянки для лопухов. Но в Америке конкуренция огромная — там есть шарлатаны и мошенники гораздо более высокого и эффектного уровня, чем он. Там, можно сказать, любая ниша уже занята, и придумать что-то новое сильно сложно — надо иметь таланты и сильно напрягать мозг. Он прощупал почву, после чего понял, что в России это дело не развито. Решил попробовать тут, и у него пошло.

Инфобизнесмены везде болтают одно и то же. У них много уровней: обычная группа, мастер, вип, де люкс, супер платинум, ультра голд, эксклюзив. Продукты разделены по этим же категориям. Но во всех этих продуктах, услугах, тренингах и «индивидуалках» информация одна и та же. Они её разбивают на категории и деньги берут этапами. Сначала с тех, у кого денег мало, 100-200 рублей. Затем та же информация за тысячу, за 10 тыс. и т.д. Многие добавляют ещё и тысяч за 150-500, но её почти никто не покупает, но раз в год может зайти какой-нибудь лошара с бабками, и подумает, что раз такая дорогая, значит точно «волшебная таблетка» и покупает.

Но самая важная их фишка — это некое истерическое настроение. Успешные инфобизнесмены к этому явно склонны. У них постоянно такой вид, как будто они вштыренные, с бешеными глазами. Наверное, это способствует продажам — «гипнотический взгляд» на хомячков влияет. Я, кстати, ещё не видел успешных инфобизнесменов, которые бы нормально выглядели. Они все фрикообразные. Чем больший фрик, тем успешнее будет бизнес.

Также у них всех весьма характерная объединяющая черта — это ораторский навык. Болтают много и громко, производят хорошее впечатление. Можно взять любого резидента «Камеди клуб», и у него будет самый успешный инфобизнес. Потому что он тоже сможет заряжать и поднимать настроение так, что все просто побегут к нему. А продукта может и не быть, достаточно лишь цитировать книжку «для чайников».

Как происходит впаривание? Сначала они рассказывают, что благодаря их тренингам можно достичь больших результатов. Между делом вбрасываются таким моменты, как «ролс-ройс», свой дом, будущие траты, фотографии путешествий. Бравируют перед хомячками своими личными финансовыми достижениями. Потом приводят в пример успешных учеников, «продающие кейсы». Причём, даже у только что начавшего инфобизнесмена каким-то волшебным образом появляются свои успешные ученики.

Всё это рассказывается настолько заряженно и уверенно, что поднимается настроение, и хомячок думает, что «гуру всё знает». Заходит к нему в соц. сети, видит фотографии тусовок, движухи, путешествий, машин, типичные наигранные демонстративные фотографии с известными людьми. А дальше люди сами уже

начинают подгонять под созданный миф любые достижения и навыки своему новоиспечённому гуру. И ставят его на пьедестал, «о великий, покажи нам истину!». После этого мозг отключается и появляется хомячина, который бежит за гуру, отдаёт ему все деньги, берёт кредит, занимает у друзей. Или доводит до истерики родителей, дескать «дайте денег, я пойду на этот тренинг, у меня всё наладится, и вы не представляете, сколько вам после этого тренинга заработаю, содержать буду! То, что вы тут пашете на заводе — это всё фигня, вы старые лохи!».

Тогда я закрепился во мнении, что сила в деньгах. У кого деньги, тот и рулит. В двадцать три года деньги начали появляться, я мог позволить себе почти всё, о чём мечтал. Когда появились самые первые серьезные деньги, было ощущение постоянного праздника. Первые полгода я не верил, что это будет регулярно. Все выглядело как сон. Я старался почти ничего не тратить, потому что думал, что это чудо закончится в любой момент, у меня снова не будет денег, я снова стану бедным и никому не нужным, и чтобы не прожрать и не остаться без ничего, деньги я откладывал. Я совсем не верил, что достоин, чтобы такие деньги приходили мне в руки.

Где-то на девятом месяце это вошло в привычку, а через год стали появляться мысли, что как-то мало я зарабатываю, хотя ежемесячно приходило 600-700 тысяч рублей. При этом еще год назад я думал, что 100 тысяч в месяц это бешеные бабки.

Появилась возможность позволить себе любые заведения, красивых девушек, машины. Уже не было мысли, что сначала надо смотреть цены в меню, а потом на блюдо. Исчезли дискомфортные ощущения на свиданиях. Когда волнуешься, что сейчас она наказывает, а тебе нечем будет заплатить, поэтому либо избегаешь свиданий, либо придумываешь целую стратегию, как сразу оказаться в койке, или хотя бы там, где не особо дорого. Все эти пикаперские фишки, чтобы дешево и сердито потрахаться. Все эти ухищрения перестали быть нужными.

С появлением денег отпадает огромное количество всякого надуманного геморроя. Понимаешь, что 95% проблем в жизни человека завязаны на деньгах. Без них приходится передвигаться в общественном транспорте, терпеть каких-то людей, которых ты бы не хотел видеть ни за что в жизни, давки в метро, жрать «доширак», экономить каждую копейку.

С появлением денег исчезает унылое и апатичное настроение, почти всегда находишься на подъёме. Если вдруг стало скучновато и грустно, то поднимаешь себе настроение какими-то дорогими игрушками. Можешь пойти не просто посмотреть на автомобили в салоне, а с прицелом купить через пару месяцев. Или сделать дорогой подарок красивой девушке и тем самым подсластить своей доминантности.

Самоощущение было совершенно феерическое. Если есть проблемы со здоровьем и это всё излечимо, то проблем со здоровьем у тебя нет. Есть только цена вопроса. Уже не нужно постоянно выкручиваться и занимать деньги. Когда

хватает только на еду и на крышу над головой, особенно если нужно снимать квартиру.

Вначале, когда только появляются деньги, присутствует ощущение «хозяина мира». Что «всё по плечу, жизнь удалась, всё легко и просто». Эндорфины вырабатываются, весь на позитиве, повода расстраиваться нет.

Затем потихоньку начинает образовываться пропасть между тобой и твоим окружением. Потому что у старых знакомых денег нет, они тебя не понимают, они все еще остались в своих проблемах. Как заплатить за квартиру, как разрешить ситуацию на работе, как услужить начальству. Людей угнетают постоянные мелкие проблемы, и разговоры только о них. А тебя это всё уже не волнует.

Когда начинаешь зарабатывать приличные деньги, то удивляешься, почему раньше не зарабатывал. Потому что понимаешь, что совершаешь не очень-то сложные действия, а совершенно элементарные, и при этом к тебе текут приличные деньги. Усилий для этого делаешь намного меньше, чем кто-то, кто батрачит за зарплату. Он может выдавать пользы и результатов в разы больше тебя, при этом ты зарабатываешь на порядок больше него.

Очень часто говорят, что вот когда человек был бедным, то был нормальный, душевный, искренний, а как разбогател — перестал общаться и зазнался. Корень всего этого именно в отсутствии проблем, от которых ты уже избавился. Уже не хочется снова с этим соприкасаться. Ты от них так активно убежал, и наконец получилось. А тебя пытаются опять туда затащить. Человек хочет жить с позитивными эмоциями. Он не хочет соприкасаться с бедностью, а хочет забыть это как страшный сон.

И когда ты заходишь в эту тусовку, то через какое то время видишь, что суть не меняется. Что на этом уровне, что у быдла у подъезда на районе где я рос, будучи простым мальчиком. Потребности примерно одинаковые. Только уровень другой, все более красиво и дорого. Та же наркота, алкоголь, только дороже и разнообразнее. Те же извращения. Более того, если быдло на районе сдерживается некими принципами, что «долбиться в жопу запахло», то там ничем этим не брезгают. Там долбятся друг с другом как хлопущки. И ещё готовы платить за это большие деньги. Поскольку деньги сливать уже некуда, а смыслы себе никто придумывать не умеет, то начинается банальное обезьянье поведение. Чем больше денег, тем более циничный взгляд на мир и извращеннее потребности. Происходит обесценивание всего и вся.

Довольно долго меня не переставало удивлять, насколько в этих элитных тусовках всё развратно и цинично. Есть тусовка общая, куда могут попадать почти все. Есть элитная для богатых. А есть совсем «своя» тусовка, куда попадают только по особому знакомству. И в этой «своей» тусовке, помимо разнообразных наркотиков и всей подобной развлекухе, ещё увлекаются различными экзотическими видами извращений.

В шоубизнесе уже все друг с другом перетрахались. Славы можно достичь через постель, и я буквально видел, как те или иные новички готовы были

подставить жопу, чтобы добиться славы. Большинство людей себе даже не представляет, какие «правильные и любимые» кумиры те еще извращенцы, о которых ничего плохого даже не подумаешь.

При этом на камеру они толкают высокоморальные речи о православии, о том, что надо жить праведно, о евразийстве и патриотизме, о национальной идее, которая должна объединить людей. Они создают некий общественный прилизанный образ, а сами находятся в разврате. К народу, которому они всё это рассказывают, отношение как к быдломассе и с юмором.

Если в этой тусовке появляется парень с красивым лицом, то первым делом вся «бывалая» элита хочет его «насадить», и только потом у него появляется шанс пробиться наверх.

Не сказать, что они все прямо вот гомосексуалисты. Нет, просто бабы им уже не интересны. У большинства есть жёны и семьи, бабы все и так ведутся, с удовольствием готовы лечь под них. И нет уже «запретного плода», уже не нужно ничего добиваться. Все и так стелятся под тебя. Поэтому хочется новых специфических эмоций.

Все эти «утомлённые солнцем» из «девятой роты» с удовольствием трахаются с молодыми мальчиками. У человека, регулярно смотрящего в экран телевизора, порвётся мозг, если он узнает, какие фамилии там фигурируют.

Есть жвачка для основной массы населения, которое воспринимается ими как быдло. А есть реальная жизнь, которой живут все эти «кумиры». И в этой реальной жизни, в поисках специфических эмоций они занимаются самым изощрённым развратом, который обычному человеку даже не придёт в голову, такое даже в порнухе редко увидишь.

Обычно бывает так, что симпатичный парень, когда попадает в этот гадюшник, то головой ему думать не приходится, потому что и так легко всё даётся. Он пробивает себе дорогу смазливим лицом и подставлением задницы. Но без таланта и усердной работы эта извращённая система быстро его переработает до того момента, пока к нему будет интерес. А потом выплюнет и сломает жизнь, потому что психика не была готова к таким анальным американским горкам.

А есть единицы, которые набираются опыта, у них открываются глаза, они трезво начинают на всё это смотреть и использовать себе во благо. Технично лавируют. Кто-то готов даже цинично подставить задницу, когда надо. Идёт к своей цели и его психологически ничего не ломает.

В основном же наркотики и все эти извращения человека убивают. Если ещё и становится невостребованным, то конец. Его используют и выкидывают как использованный презерватив. Без головы на плечах, как бы быстро не пришла слава и популярность благодаря своей смазливой внешности, это всё потом сильно выйдет боком. Если прибывать в иллюзиях по поводу «красивой гламурной светской жизни», то очень быстро поймеют и выкинут как некий отброс и мусор. Мальчики-проститутки там пускаются во все тяжкие даже больше, нежели девочки-проститутки. У девочек совсем примитивные задачи и на всё время такими и остаются: выйти замуж, нарожать детей и обеспечить их. Для них

замаскированная проституция это естественный процесс, созданный самой природой.

Ну а мальчика это может сломать. Если кто-то открыл талант у какого-то мальчика, то вначале обязательно трахнет его, прежде чем дать возможность пробиться. А потом этого мальчика в своих узких кругах ещё и пускают по кругу. Каждый, разумеется, предлагает ему взамен некий ресурс, чтобы увеличить популярность и расширить возможности.

Это происходит не всегда и не со всеми, но 90% в этой узкой элитной тусовке происходит в прямом смысле через задницу. Всем этим взрослым режиссёрам, актёрам и музыкантам разврат нужен банально для того, чтобы получить некое вдохновение, зарядиться эмоциями. Всё человеческое, что вызывает эмоции у обычных людей, им на это наплевать. «Мораль и принципы» — это для них пустословие, которое они используют для взаимодействия с потребителями их продукции. А сами они это серьёзно не воспринимают. Каждый находится на своей извращённой специфической волне.

Мистико-эзотерических гуру в Москве полно, и со многими я знакомился и общался лично. Надеялся, что может они мне что-то интересное расскажут. Но они толкают для людей одну иллюзию, а сами живут абсолютно точно также, как и другие бабуины. Более того, тот миф, который они толкают хомячкам, их самих уже не удовлетворяет — это лишь источник заработка. При этом, сами они эмоции получают через разврат и наркотики. Тот же Ошо торговал наркотиками среди своих адептов. Начал за здоровье, а кончил за упокой.

Сначала я пытался зацепиться за надежду, что «есть некий потусторонний мир, энергия — человек не просто биологическое существо, а он состоит из высшей материи, которая пропускает через себя какие-то космические сигналы». Но, на тот момент, дошёл уже до такого состояния, когда не мог наполнить себя такой бредовой пустышкой. Она быстро во мне растворялась.

Я убеждал себя, что, может быть, неправильно что-то понял. «Надо продолжать духовно совершенствоваться. Если не получилось с одним гуру, то искать новых героев и кумиров, которые помогут найти себя». Но опять всё растворялось, как две капли в море. Только появлялась мысль, пять минут о ней думал, и тут же понимал всё наперёд и знал, чем это закончится. Депрессия накатывала еще сильнее. Хватался за голову, переживал и не знал, что делать.

«Последних надежд» у меня было много. Потом я начал перебирать по кругу. Снова проверять себя на предмет того, что будет отзываться. И бизнес, и эзотерику и поиск любви. Это как долго идти, потом упереться в стену и начать вдоль неё бегать в поисках двери.

Перепробовав все, что только можно, я окончательно понял, что «духовный рост» — это дешёвая жратва для быдла, такая второсортная ментальная жвачка, созданная для манипулирования им, управления и отъёма ресурсов. В этих «духовных идеях» здравых мыслей настолько мало, что их можно осмыслить и переварить за несколько часов, но хомячки превращают это в дело всей жизни.

Хомячки, искренне верующие в эзотерические ритуалы, ничем не отличаются от обычных «традиционных» религиозных адептов. Они абсолютизируют свою мизерную фантастическую картину мира — себя считают самыми умными, а других дебилами и баранами, которые ничего не понимают. Повышают свою доминантность за счёт иллюзии владения знанием.

Некоторые духовные гуру создают не просто секту религиозного характера, а претендуют на создание моногосударства, с уставами и правилами по всем фронтам жизни человека.

Эти духовные гуру паразитируют на том, что у людей есть потребность во что-то верить. Каждый духовный гуру из одной адекватной здоровой мысли начинает раздувать целое движение и концепцию. Нагнетает существующие проблемы и подливает масла в огонь.

Человек, увидев одну здоровую мысль, в дальнейшем, отдаёт свой мозг на изнасилование. Начинает думать, что потом будет успешно двигаться и развиваться. Но реально этого не происходит, он топчется на месте и занимается переливанием из пустого в порожнее. Перебирает техники, ищет в себе какие-то отзвуки и новые ощущения «духовного роста и просветления». Проходят годы, а где был, там и остался.

Я сам изучал много «духовных гуру». У них у всех есть какие-то здоровые базовые мысли, причём примерно одинаковые. Они понятны человеку и вписываются в его картину мира. Но то, что они предлагают дальше — полная виртуализация и болтология, недостижимая цель, бездонная яма. Инструменты, с помощью которых они предлагают человеку «просветляться», только отрывают его от действительности.

«Духовный рост» только ограничивает — находишься как в тисках. Ты хочешь идти дальше, както развиваться, более широко смотреть на мир, а гуру тебе впаривает сказки и говорит, что только его правильные, остальное — чепуха. И единственное, что нужно делать, так это с утра до вечера изучать его «откровения» или копать в себе. Якобы, таким образом, ты «духовно растёшь» и по ступеням куда-то двигаешься.

Как «гурёныши» превращаются в «гуру»? Они, в своё время, очень долго копались, искренне верили, что есть некий духовный путь и можно докопаться до истинных смыслов. С возрастом они постепенно начинают понимать, что этот процесс бесконечный и бессмысленный. И начинают накопленные фантазии толкать тем, кто встаёт на этот путь с нуля. Действуют сугубо технично и абсолютно цинично. На кухне между собой всегда обсуждают как есть. Дескать, «а вот что нам сейчас такого рассказать, чтобы появилось ещё больше адептов?». Они это обсуждают также, как политтехнологи, которые консультируют кандидатов в мэры и президенты. «Что нам такого сделать, чтобы люди повелись, пришли и проголосовали?». Или, если появляются какие-то ненавистники, то как с ними работать. Это лицемерие ничем не отличается от политической подковёрной игры.

Хомяки, которые искренне во всё это верят, губят свои лучшие годы. В основном в это верит молодёжь с неокрепшей психикой и размазанными убеждениями, которых не устраивает традиционная религия, ценности и моральные устои. Наука их вообще не интересует, потому что там нужно напрягать мозг и изучать какие-то формулы. Поэтому они начинают пробовать самое простое и сказочное. Нечто мифическое, что замерить и проверить никак нельзя, но при этом так красиво описанное, что начинает сильно притягивать.

Как к этому ко всему относятся сами «духовные гуру»? Достаточно взять примеры, которые уже были. Например, известный всем Ошо. В Америке ему выделяли территорию, где у него было монархическое государство со своими законами и правилами. В результате, для того, чтобы зарабатывать деньги со своих адептов, Ошо со своими мошенниками начали толкать им наркотики. Всё «просветление» в итоге скатилось к наркоторговле. А начиналось так хорошо. Ошо был одним из самых легендарных и популярных. Изначально всё было красиво, мило, с добрыми побуждениями, а закончилось таким ужасом.

Быдломасса готова с удовольствием отдать свой мозг на растерзание и захламление, поэтому для гуру не составляет труда окучивать хомячков. Промывка мозгов идет под разной терминологией, но методика одна и та же. Если бы мы родились в Древней Греции, то все поклонялись бы Зевсу и Аполлону. Если бы родились викингами, то Одину и Тору.

Все эти древние верования уже стерлись с лица земли, кто сейчас поклоняется этим сказочным персонажам? А, в свое время, люди верили им, молились и приносили жертвы. Считалось, что их существование — неопровержимый факт. Сейчас никто не будет спорить с тем, что это все было иллюзиями и сказками того времени. Почему же, когда говоришь о нынешних модных течениях, то тебя хотят распять и закидать помидорами как «неверного»?

Каким нужно быть безмозглым, чтобы в наше время верить во все эти глупости?

Зная всю эту кухню изнутри, каким образом всё это организуется, какие мотивы и основная цель у всех этих гуру — вдвойне смешно смотреть на их паству и хомячков, которые во всё это искренне верят и пытаются в себе найти истину, открыть третий глаз, подключиться к брахме, прочистить карму и продуть чакры.

Причём, вся эта эзотерическая фигня на коммерческой основе придумана совсем не в Индии. Это всё выдуманно в США. В Индии были какие-то древние разнообразные суеверия и ритуалы. А уже в XX-м веке ушлые ребята решили подзаработать на теме «духовности» — написали «историю Индии», где рассказали про «древние традиции».

Точно также можно взять любое место на планете, выдумать историю, посадить бородатых старичков в красивых одеждах, которые будут совершать «омовения» и рассказывать про энергии, и стричь с этого дела доллары. Терминологию можно придумать любую.

Индия была благодатной почвой, т.к. там не было одной религии — было много и разных. Можно было придумать мифологию на любой вкус и цвет. А технологию сектанства насадили уже американские политехнологи. Всё это сказки для тупых наивных хомячков, с которых стригут бабло.

В подростковом возрасте у меня была одна единственная и очень простая цель — трахнуть побольше баб. В моей тусовке считалось, что настоящий мужчина и правильный самец — это тот, который пользуется популярностью у тёлок и который как можно больше их перетрахал. А потом желательно, чтобы ещё рассказывал это в красках.

Они на свидании сразу начинают проверять тебя на предмет того, сколько зарабатываешь бабла. Аккуратно жалуются на свою нелегкую жизнь, пробивая, будешь ли ты вестись, начнешь ли предлагать помощь и финансировать. Для нормальных взаимоотношений таких лучше не подпускать к себе на пушечный выстрел. А если подпускать, то только иногда, ради плотских утех.

А мне эти «недофинансированные» уже были не интересны. Суррогат-ный склад ума и образ жизни. Интересы начинаются с сумок, заканчиваются сапогами и жрачкой в дорогом ресторане. С удовольствием себя продадут за «прада» и «шанель».

Мыслят штампами и говорят цитатами из вконтакта. Когда в тусовке появляется какая-нибудь новая девушка, то, перед тем как с ней знакомиться, мы обычно наводим справки в стиле «а это недофинансированная или нормальная?».

Они превращают себя в красивый дорогой аксессуар и потом обижаются, что к ним относятся соответствующим образом — трахают и бросают. Любая красивая тёлка в Москве стремится только присосаться к какому-нибудь толстосуму и откачать из него как можно больше ресурсов.

Я знаю много «недофинансированных», и одно время пытался понять их психологию и мотивацию, спрашивая:

— Зачем ты себя так цинично ведешь с тем или иным мужиком? Он тебе денег даёт, ты с ним путе-шествуешь, машину подарил, драгоценности, самые дорогие шмотки покупает, огромные деньги выдает на мелкие расходы. А ты ведешь себя с ним как конченная сука, и еще двух-трёх таких параллельно доишь.

На что мне с возмущением отвечали:

— А вы сами во всем виноваты, вы же, козлы, нас только хотите трахнуть и бросить! Поэтому я лучше подою каждого, насколько это возможно, и потом переключусь на следующего!

Вот оно. Мощное оправдание, которое успокаивает недофинансированных: «Вы, мужики, козлы, поэтому мы ни в коем случае не конченные бляди, а просто хотим хорошо и красиво жить».

Ближе к 30 годам они скатываются до рассуждения: «Пусть он будет страшный и жирный, старый и импотент, главное — чтобы был богатый и щедрый!». С возрастом, найти себе спонсора становится все сложнее —

конкуренция большая, молодуха на пятки наступает, начинается депрессия, на жопе с огромной скоростью появляется целлюлит. Но, что делать дальше, они понятия не имеют. Вот такая она, Москва — красивая и блестящая, на первый взгляд. И с кучей дерьма внутри.

Кстати, все вышесказанное касается не только Москвы. Сейчас почти все девушки так мыслят и хотят быстро заполучить всё и сразу, если внешность мало-мальски востребована. В регионах у них требования конечно поменьше, а планка пониже, но суть от этого не меняется.

Понимая всё это, я перестал искать только по внешним признакам. Понял, что чем симпатичнее девушка, тем сильнее она избалована вниманием — соответственно, будет тупая и глупая. В силу того, что ей всё достаётся очень легко, повода напрягать мозг у неё нет вообще. Ни о каком понимании и речи быть не может. Если заморачиваться на внешних признаках, то вообще будет невозможно найти нормальную девушку.

Поэтому я начал перебирать по возрастному признаку. Решил, что «чем старше женщина, тем она будет опытнее и мудрее — у нас будут глубокие и крепкие взаимопонимания». Была такая иллюзия.

Дело было за малым — найти эту любовь. Найти женщину, которая будет понимать мой внутренний мир, мои мысли о смысле жизни. Чтобы она была такой же, как и я. «Отзеркаливала» мой внутренний мир. Была бы тонко чувствующей, понимающей — мы будем обсуждать философские темы и жить душа в душу. Я хотел, чтобы мне не было одиноко «в этом диком и неправильном мире». Хотел найти человека, «который будет меня понимать».

Я настойчиво продолжал «поиски любви». Искал именно девушек постарше, с опытом. Которые уже все в жизни перепробовали, во всём разочаровались и хотят «настоящих отношений» как и я. Желательно, разведённых, а можно даже и с детьми. Которые отдали должное биологическим часам, страх остаться в старых девах уже не пугает их.

И мне такие начали попадаться. Что хотел, то и находил. Попыток было несколько. В результате, перед самым развенчиванием иллюзий, последней «любви» было 42 года, с которой я полгода «строил отношения».

Стало понятно, что у женщин от возраста совсем ничего не зависит. А наоборот, если человек стукнутый на голову, то со временем эта стукнутость только усиливается и усугубляется — человек становится абсолютно неадекватным. А у женщин, с возрастом, маразм крепчает еще сильнее, чем у мужчин — желание командовать и учить жизни только усиливается.

Тут может возникнуть вопрос: «Ведь как-то он всего этого добился?». Я заметил, что, раз в жизни, почти любому человеку «улыбается судьба». Может как-то повезти, обстоятельства сложатся так, что на какое-то время он «схватит бога за бороду». Но профукать это можно также быстро, как и получить, если продолжать смотреть на вещи через свои галлюцинации. Потому что люди начинают верить в свою особенность, что это им «было суждено» и «послано свыше», и что так будет всегда, и ничего особенного для этого делать не нужно. И так всё нормально — он это заслужил только по факту своего существования.

Пока в жизни идёт «белая полоса», в реальности выкапывается огромная могила. И, когда обстоятельства перестают складываться благоприятно, человек уже не понимает, что ему вообще делать и как дальше жить.

Самая большая иллюзия заключается в том, что когда «хватаешь бога за бороду», то в этот момент начинаешь расслабляться и думать, что теперь у тебя так будет всегда. Как раз таки тогда, когда привалила удача, вот тут и нужно быть максимально напряжённым и сосредоточенным. Быть готовым к разным событиям в жизни, потому что эту удачу можно будет легко профукать и слить в унитаз.

«Поймать волну» может почти каждый, и даже не один раз. Но что дальше с ней делать, они уже не понимают, поэтому благополучно её херят. После чего откатываются даже не на прежний уровень, а в жизни становится всё ещё хуже, чем было до успеха.

Ещё в тренинговом проекте я набрался немало опыта во взаимодействии с людьми. Первое время удивляло то, что люди вроде как приходят за решением проблем, но решать их не готовы. Реально же приходят пожаловаться, чтобы кто-то авторитетный выслушал их нытьё. А когда им даёшь конкретное решение, что надо делать, чтобы эта проблема решилась, то это делают единицы. Все остальные начинают рассказывать о каких-то причинах, по которым не могут это сделать. Начинаются отмазки и контраргументы.

Очень сложно самостоятельно выйти за границу собственных галлюцинаций. Первое время у меня самого закатывались шарики за ролики, и я офигевал от того, что люди, которые ко мне приходили, на полном серьёзе озвучивали свои выдумки. К тому же это были не малолетние ребята без жизненного опыта, а взрослые люди с семьями, детьми и приличным доходом. Вот он сидит и рассказывает тебе какую-то чушь. Сначала думаешь, что может шутит и фильм какой-то рассказывает про глупого героя. А потом реально понимаешь, что он на полном серьёзе рассказывает ситуации из личной жизни, где всё, что делал, приносило ему только вред и разрушение. Я совсем не понимал сущности ситуации, проблемы, человека, и какие рецепты необходимы.

Люди настолько нежные, что слышать правду они не хотят. Они хотят сладких утешений: «Ты такой молодец, старался, а жизнь от тебя отвернулась, судьба тебе не улыбается, женщина тебя не оценила и вытерла об тебя ноги!». Им подавай сочувствия и дружеского обсуждения, как за бутылкой водки. Понимания родственной души, отцовской любви.

Более того, некоторые, приходя на консультацию, начинают тебя же самого и учить, как правильно жить. Советовать какие-то книги, где говорится, как надо поступать правильно. «А что ты об этом думаешь, сам не хочешь так попробовать?». Сами приходят замороченные, с запудренными мозгами, не понимая, как выбраться из запутанной ситуации, но, при этом, когда даёшь конкретные рекомендации, тебя же ещё начинают учить и рассказывать разные варианты, которые где-то прочитали. Если ты их прочитал, чего же тогда пришёл? Взял бы и решил свои проблемы сам. Если такой умный, то чего тогда до сих пор сидишь в жопе и никак не можешь выбраться из этого состояния?

Подобное соплежуйство весьма характерно для большинства мужиков. Внешне это, конечно, скрывается, и мы все находимся в некоем образе, включаем защитные механизмы. Но при этом дома, наедине с собой, часто плачем в подушку, как портовые шлюхи, от всего того морального прессинга, с которым не можем разобраться. Внешне же все из себя строят «альфа-самцов» и «бруталов». На деле же я вижу, что почти каждый, если не плачется крокодильими слезами, то уж точно ноеет, как маленький ребёнок.

Когда окончательно разрушаешь все иллюзии, всю привычную картину мира, и не ищешь судорожно новую, чтобы появился еще какой-то смысл, ради чего жить — это симптом того, что всё встало на свои места. Если, конечно, хватает мужества признаться себе в своей ущербности, эгоистичности, и биологичности. Если трезво оцениваешь свои недостатки и слабые места, то начинаешь относиться к другим людям с пониманием и со спокойствием. Большинство свербящих вопросов, которые вызывали непонимание и заставляли морочиться по этому поводу — улетучиваются сами по себе и перестают давить.

Поведение людей, которое до этого раздражало и возмущало, когда хотелось им что-то объяснить или рассказать о «неправильном кривом мире», «что такое правильно, а что нет» — это всё тоже исчезает. Понимаешь, насколько это всё мелко и не хочешь тратить своё время. Перестаёшь даже думать о том, чтобы бороться с этими ветряными мельницами.

Шестерёнки встают на место, механизм начинает работать правильно. На всю эту матрицу уже смотришь извне — мир начинает представляться как набор неких декораций.

Появляется глубокое умиротворение и спокойствие. Ясное виденье происходящих процессов, причин и следствий. Исчезают интерпретации и галлюцинации, подгонки под свои «хотелки».

Исчезает опасение налажать и не оправдать чьих-то, в том числе собственных, ожиданий. Пропадает страх что-то потерять и судорожно стремиться к навязанным обществом ценностям. Уже не пытаешься кого-то копировать и повторять чьи-то идеи и действия.

Начинаешь самому себе формировать цели и барьеры, которые хочешь взять. То, что отзывается из глубины, что уже осмысленно.

Пропадают попытки «раскопать свои таланты», понять «к чему я стремлюсь, какой мой смысл жизни». Перестаёшь искать «папу», который всё покажет, расскажет и объяснит. Самый главный и важный этап в жизни — это признаться себе в том, что ты пустое место, ты никто, тебя в этом мире никто не ждёт, и тебе ничем не помогут. Очень важно это осознать и хорошенько осмыслить. Но по-настоящему глубоко это могут сделать единицы.

Когда окончательно избавляешься от всех иллюзий и надежд, уже никак не ведёшься на сладкую жвачку. Не накладываешь на мир ни розовые, ни серые цвета — видишь его в тех тонах и цветах, в которых он действительно пребывает. Не пытаешься навязать ему свои представления о нём же. И, тем более, перестаёшь пытаться прогнуть его под себя, чтобы потом удивляться, почему всё происходит не так, как ты себе вообразил.

То, что реально происходит — тебя уже не вводит в шок и трепет. Уже не убегаешь от этого «жуткого страшного мира». Ты просто понимаешь правила игры.

Тебя больше никто и ничего никак не отвлекает. Что раньше могло бы внедрить тебе в голову какие-то цели и смыслы, увести куда-то в сторону. Исчезает ощущение «пустыни», в которой блуждаешь туда-сюда, когда ходишь хаотично и никуда конкретно. Нет каши в голове, противоречий, конфликтов программ. Появляются конкретные цели и задачи — больше не распыляешься на всякую второстепенную незначительную чепуху.

Чётко понимаешь «свой путь», и тебя вообще ничего не может отвлечь. Ты находишься в длинном тоннеле, в конце которого, наконец, видишь свет, и на него идешь.

Начинаешь разделять свои животные и человеческие потребности и задачи. Теперь они уживаются органично, и никак друг другу не мешают. Отдаёшь должное инстинктам и идешь к своим человеческим целям.

Не отвлекаешься на недостатки этого мира, на весь окружающий маразм. Он весь становится понятен, и не является чем-то критическим, что бы ни происходило. Уже не убегаешь от этого в страхе и ужасе и не пытаешься в истерике что-то поменять.

Перестаёшь на кого-то и что-то надеяться. Придумывать для себя оправдания и аргументы. Убеждать себя в том, что у тебя что-то должно получиться, что ты сможешь это сделать. Исчезает ментальный онанизм и пробуксовка на месте, когда постоянно пытаешься притянуть за уши какие-то новые теории, мечешься туда-сюда.

Сущность нынешней эпохи заключается в уничтожении всего и вся. Всех конструкций, которые придумал человек. Не только физических, но и философско-исторических.

О чём речь?

Если интерпретировать совсем «попсово», то, по Ницше, люди делятся на две категории: на тех, кто смыслы придумывает, и на тех, кто исполняет.

Ницше определил сущность всего сущего как волю к власти, то есть некое самовозвышение и самопреодоление, когда сегодня ты выше, чем вчера, а завтра выше, чем сегодня. Неважно, по каким критериям. Главное — постоянное увеличение власти, денег, силы, влияния, да и неважно чего еще. Это основное жизненное бытие. Его даже нельзя назвать «высшей ценностью», потому что все ценности, в том числе и высшие — в данном случае рассматриваются как некая «мулька», «морковка» перед глазами, создающая замануху, чтобы ты постоянно увеличивал свою волю. Чтобы стремился к этой морковке и постоянно самовозвышался.

Так вот «манипуляторы», создатели смыслов, как раз и занимаются тем, что быдломассам выдают различные «морковки», чтобы эти хомячки верили в какие-то идеи и ценности: различные политические идеологии, потребительские кредиты, гламурную жизнь, длинноногих тёлочек, дорогие машины — и, при этом, чтобы делали своё хомячковое дело, бежали по колёсику.

Плюс, важно соблюдение ритуалов. Ритуалы самооценности не имеют — их задача заключается в постоянном подкреплении веры у хомяка.

Сами манипуляторы понимают, что любые ценности и цели — чушь и ерунда, а главное для них именно постоянный рост воли. «Интересные проекты» нужны для того, чтобы постоянно расти над собой, и неважно по каким критериям.

Фундаментально важный и интересный момент заключается в том, что манипуляторы и кукловоды работают с тем, что есть. С теми историческими условиями, которые имеют на данный момент.

Они размышляют так: хомячки нихрена ни во что не верят, и им уже невозможно дать какие-то позитивные цели, под которые они брали кредиты, работали и что-то строили. Но они находятся в озлобленном состоянии, хотят всё вокруг уничтожать и кому-то мстить (чиновникам, чуркам). И поэтому для роста собственной воли мы этим боевым хомячкам дадим цели деструктивные.

И вот тут сбывается «пророчество» Ницше, сделанное в 1887-м году: «...скорее готова она (воля к власти) волишь Ничто, нежели не волишь ничего...» («К генеалогии морали», трактат III, афоризм 1)

То есть, скорее, будет разрушать всё и вся, но только бы не терять силу. Она будет уничтожать всё вокруг ради роста самой себя, а в какой-то момент и себя саму.

Кукловоды будут стимулировать быдло к тому, чтобы оно ещё больше оскотинивалось. Лишь для того, чтобы самим на этом навариться — ничего личного, только бизнес. При этом они сами тупеют и деградируют, т.к. фантазии для воздействия на хомячков им нужно всё меньше — мозг перестаёт работать.

Естественным образом мир начинает самоуничтожаться, потому что нет никаких позитивных целей. В позитивном направлении двигаться некуда — кругом сплошной негатив.

Происходит избавление не только от религиозной веры. Кто такой атеист? Это тот, кто избавился от веры в «высшее сущее, всё сотворившее», и приобрёл «веру» в науку, то есть наука стала рассматриваться как критерий истины. А если и в науку уже не веришь, то, что дальше? Если ты уже ни во что не веришь, то что будешь делать? Ты начнёшь всё вокруг уничтожать. Хомячок входит в состояние, когда начинает всех и вся ненавидеть. Хочет всё вокруг сломать и развалить.

Что будет, когда окончательно себя дискредитируют все конструкции? Произойдет какой-то большой исторический песец. На это накладываются всевозможные экономические и технологические кризисы, т.к. не знают, что делать со всем достигнутым научно-техническим прогрессом.

В истории часто бывали смутные времена, когда были разброд, шатание, «расплавленные годы народных бурь и мятежей», но через некоторое время это заканчивалось, потому что придумывали новые смыслы. А что придумают сейчас?

Сейчас идёт период интенсивной и последней фазы уничтожения всего того, что раньше было ценно. Институт семьи (не хочу напрягаться), любовь (ты мне — я тебе), дружба (главное выгода), образование (симулирование учёбы, чтобы получить корочку, и почти все преподаватели берут взятки), служение закону

(можно откупиться, вопрос цены), служение народу (основой политики стал личный бизнес).

Если даже научился придумывать себе полезный бред, подвешивать перед собой вкусную морковку, и поймал состояние роста воли в виде каких-то интересных идей и проектов, самовозвышения и самопреодоления, то в какой-то момент может пропасть и это.

Сейчас мы видим, как эта система уже находится на излёте и скоро подойдёт к своему концу. Из хомячков выжат максимум. Теперь они ещё стали читать интернет, и им уже малоинтересно, что им рассказывают. «Положительная» пропаганда на них не действует. Стало невозможно заставить их работать за гроши — проще вывести производство в страны третьего мира, где за гроши работают такие же дикари, какими европейцы были сто лет назад. А своих использовать для создания спроса и платить им пособие по безработице или занять их бессмысленной деятельностью по просиживанию штанов или заворачиванию гамбургеров. У нас же это пенсии и пособия.

Хомячки развратились. Они хотят ничего не делать, но чтобы у них при этом всё было. Постоянно требуют от государства халявы, и государство даёт им эту халяву. Не потому что оно такое доброе, а потому что этим хомячки создают потребительский спрос, на котором живёт экономика. А также, как это происходит у нас, этим подкармливанием создают социально-политическую стабильность, чтобы они, при наличии пустых желудков, не вышли на улицы и не смели самих кукловодов.

Тем не менее, экономика, построенная на углублении разделения труда, заканчивается. Поэтому, в скором времени, хомячки уже никому не будут нужны. Управлять не будет никакой необходимости — никто не будет ими «манипулировать». Потому что манипулировали ими не из садистских побуждений и не чтобы потешить чувство собственной важности, а в сугубо прагматичных целях.

Никто их не будет «зомбировать». Прошли те кучерявые времена. Не будут хомячки определять исторические тенденции, как это было в XX-м веке. Необходимость на них воздействовать исчезнет и образуется большое количество, в дополнение к нынешним странам третьего мира, «ненужных людей», которые могут только потреблять. Правда, стимулирование их потребления имело смысл во время кредитной накачки спроса. Скоро, когда эта «экономика финансовых пузырей» сойдёт на нет, то не будет никакого смысла в этих жвачногамбургерно-кокакольных существах, и они останутся ни с чем и никому не нужные.

Но, более того, они станут не просто ненужными, но и будут мешать. Уже сейчас есть те, кто открыто транслирует необходимость принудительного снижения населения планеты, причём не только в странах третьего мира, но и в самом «золотом миллиарде». Такого мнения придерживаются некоторые представители европейской элиты. Причём, совсем не «фрики».

Но даже это не обязательно, т.к. хомячки начнут уничтожать друг друга сами. При глобальных потрясениях их бабуинская сущность, которая долго ретушировалась наказаниями за неисполнение законов, вырвется наружу.

Инстинкт еды они доведут до каннибализма — каждый будет заниматься этим до тех пор, пока его самого кто-то не съест.

«Месиво» может быть каким угодно. Морковки для натравливания хомячков друг на друга могут быть самые разные, но в России сейчас главные объекты «воления Ничто» — это чиновники и чурки. Они могут стать спусковым крючком, той самой морковкой, перед хомячками.

Нарастает взаимная ненависть. США сейчас во всём мире ненавидят уже почти так, как в конце 80-х ненавидели СССР. Но тогда у него были альтернативы в виде самих же США, которые сейчас остались единственным авангардом цивилизации. После них не будет никого.

Проблема в том, что большинство может себе выдумать идею только по закрыванию инстинктов еды и размножения. XX-й век был временем толпы, максимального удовлетворении её инстинктов. Апофеозом этого образа жизни стала постмодернистская халява в виде комфортной жизни за счёт печатания долларов или нефтегазовой везухи, когда можно вообще ничего не делать и, при этом, неплохо жить. Выдумывание «бреда» служило только для удовлетворения обезьяньих потребностей. Воля к власти, то есть постоянное увеличение и превозмогание себя, была направлена лишь на животные потребности.

Сейчас эти толпы интересуются лишь тем, как им пожрать, размножиться и повыпендриваться. Кроме этого толпа не интересуется ничем. Началась стремительная деградация цивилизации. До этого на массы как-то воздействовали идеологически, вынуждали их работать. Хотя они и не стремились к человеческим потребностям, но их к ним, по крайней мере, направляли косвенно. Сейчас же, в информационную эпоху, когда пали все моральные, бытовые и религиозные нормы, эти массы не стремятся ни к чему другому, кроме как к своим животным потребностям — они хотят «урвать сию минуту».

XXI-й век будет веком людей, которые умеют и хотят заниматься именно человеческим, и в нём растут. Массы же, так как их воля к власти находится лишь в рамках инстинктов, цивилизационные возможности которых исчерпаны, будут заниматься разве что «волением Ничто» и доведут тот же инстинкт еды вплоть до каннибализма и уничтожения друг друга. Так что не будет больше никакого «всеобщего счастья».

Михаил Сидоров, скорая помощь («Записки на кардиограммах»)

Менты пьют. Зверски. А прокуроры – те ещё круче. Те, кто выживет, станут к старости каяться, раздирая перед людьми рубища... Впрочем, я, скорее всего, наивен.

Во время осмотра могут:

- рыгать;
- пердеть;
- ковырять: а) в носу, б) в зубах, в) в гениталиях;
- говорить по телефону;
- смотреть телевизор;
- курить.

Они дома, хули.

А когда в поликлинике — ну совершенно другие люди!

Полковники невыносимы.

Снисходительное «ТЫ» свысока.

Даже если одёргивать.

Даже когда чехлятся^[2].

Холуи трёхзвёздочные.

Норма десятилетий – бригада на десять тысяч. Районы растут, вызова лежат на задержке.

Выход?

Изящный. Блистательный.

Одна на четырнадцать.

Везли с пожара.

Ожоги.

Большой процент.

Юный возраст.

Тормознули на перекрёстке – проезд кортежа.

Снеслись с ответственным, тот подтвердил: стойте!

Семнадцать минут ждали.

Номеров нет. Ни на домах, ни на квартирах.

Не пишут.

Но полагают, что мы — назубок.

И разбухают во гневе.

Принадлежность к прокуратуре объявляют ещё в прихожей.
И недоумевают, не встретив подбострастия.

Исцелили, раскланялись, жена пошла провожать, а он вдруг из комнаты:
– НЕ ДАВАЙ ИМ НИЧЕГО!!!
Фельдшер – девочка из училища – аж расплакалась с непривычки.

Храм.

Пасха.

Эпилептик.

Судороги нон-стоп – глубокий статус.

Кончилась служба, пошёл народ. По нам, по больному, по бабушке... а тот, наивный, всё подождать их просил да помолиться во здравие.

Допуск к наркотическим препаратам оформляют два месяца.

Как минимум.

Через полюса на собаках запрос везут.

Было дело, даже участок впаривали.

На носилках лёжа, под капельницей.

– И соседи хорошие: зампред избиркома и полковник из ФСБ – соглашайтесь!

Коллега.

Изящен.

Подтянут.

Эрудит.

Интеллектуал.

Знарок поэзии и шахматных комбинаций. Цитирует наизусть и искромётен до зависти.

Убеждён, что все нам должны, но милосерден – войдя в положение, соглашается взять вещами.

DVD-плеером, например.

Или узелком столового серебра.

С полной сумкой порой со смены идёт.

лавврач «Скорой» заканчивает интервью так: звоните и обращайтесь!

И тёплый взгляд в объектив.

Не на камеру поучает: врача надо бить, но не добивать!

А когда докладывают: мол, государь, медик-то разбегается, отвечает: плевать – хоть полтора человека, но останется!

По всему видать, крепко сидит.

Элитный дом. Всюду иконы и выдержки из Завета.

Тридцать семь штук – от прихожей до спальни.

А перед дверью, на ход ноги, молитва – от руки и аршинными буквами.

Похоже, сильно с совестью не в ладах.

«Я вся такая внезапная... Противоречивая вся...»

А кисты, перебрав с кокаином, сетуют на душевную хрупкость, заряжая про походы по кардиологам... Пока не расколешь.

Мальчишкой отсидел в немецком концлагере.

После войны шёл за третий сорт – был на оккупированной территории.

Ни справок, ни компенсаций, ни льгот.

В девяностых немцы, раскаявшись, прислали извещение на пособие.

А в департаменте его не нашли в списках.

И попросили подтвердить документами.

Он закатал рукав, показал номер.

Предъявил письмо из Германии.

Сказали, что недостаточно.

Ну, плюнул.

Через пятнадцать лет проблема – неуплачен налог с пособия.

То есть кто-то за него получал.

Изловчился.

А нынче, поди, на Бессмертный полк ходит!

Концерт Шнура в Ленсовете.

Пьяные, потные, полуголые, неуправляемые имбецилы.

Летающие бутылки, битые черепа, облака табачья.

Кровь, моча, разлитое пиво.

Хрип и корчи со сцены.

И мат.

Отовсюду.

Со всех сторон.

Вакханалия матерщины.

Увозили сразу троих и чуть не подрались с ними в салоне.

Сдали, отзвонились – опять туда же!

Ну уж хер!

Взяли остановку в пути: видим, мол, тело на тротуаре, проехать мимо клятва Гиппократ не позволяет, а сами зашхерились у Ботанического и минут сорок только в себя приходили.

Болтают, Шнур нынче в Оперу подался и там, по слухам, всю трупшу очаровал.

А меня вот, как вспомню, до сих пор передёргивает.

Перевернулись на «Скорой».

Легли на бок и, вращаясь, метров тридцать проскрежетали.

Остановились, выбили люк в крыше, вылезли.

Первое, что увидели, – руки с мобильных.

Фотографируют!

Человек десять, не меньше.

Корячились, извлекали больного – никто не помог.

Ходили кругами, ракурсы выбирали.

Коллеги. Везли бомжару в больницу и метелили его всю дорогу. Крики писали на диктофон. Вечером пили чай, слушали и смеялись под тортик...

Доброхоты.

Сдёргивают с обеда: «На остановке, в инвалидной коляске».

– Что – в коляске?

– Не знаю, езжайте.

Мертвецки пьяная побирушка.

– Домой её отвезите!

Ну не уроды?

Отправили на учёбу.

В первый же день: так, сдаём по «штуке» на нужды кафедры!

Отказался.

Домой звонили.

Два раза.

Звезда.

Вживую.
Пьяная.
Омерзительно.

Наркоманы и алкаши.
Конца краю...
Впечатление – линия партии.

Обрёл истину: чиновный люд считает наши деньги своими.
Сами признают.
– В больницу? Надолго? Ч-чёрт! Транш, как назло, *нам* пришёл...

Рабочий посёлок.
Зарплата.
Накануне оповещают.
Готовность «раз».
И хирургов на низкий старт.

Главврач, разжирев килограммов на двадцать, отменил выездным ужин.
Приказом.
Оперативность, типа, страдает.

День. Двор. Детсад.
Работяги кладут шифер на крыши беседок.
Утром туда же – детсад, двор, беседки...
Без шифера.
Сняли ночью.
Для дач.

Отключили воду на станции.
В обед огласили вердикт: дай бог под утро!
Позвонил в районную администрацию, представился Главврачом...
Дали через сорок минут.

Многие, живя с удобствами, моются раз в неделю.
По субботам.

Как отцы их и деды.

Правительственная резиденция. Банкет. Поплохело участнице.
 Послали нас и кардиобригаду вдогон.
 Разобрались, отзваниваемся: ничего серьёзного, не правительство, отменяйте спецов.
 И ответственный – сам, лично:
 - Пусть едут. Переключаю на консультанта, опишите кардиограмму – подробно...
 Он и кардиологов заставлял ЭКГ переснять.
 Жополиз х...ев!

Подкравшись, заведующий фиксирует на видео задремавших.
 И лишает премий – спали в дневное время.
 Летами юн.
 Перспективен.

Мечта.
 Уложить Президента в «ГАЗель» и прокатить с километр.
 Чтоб почувствовал.

Дороги, ухабы, тряска.
 Вторая столица.
 Третье тысячелетие.

Открыли подстанцию под ТВ и фанфары.
 Пару месяцев стояла без персонала.
 Потом из других районов перевели.
 Принудительно.

Дарёные с шиком машины стоят без дела.
 Взять и поехать они не могут – килограмм бумаг нужен.
 И оформлять ещё, бегать.
 Проще сгноить.

Перебои с физраствором.
 Нет, вы не ослышались.

Элитный дом.
 Сунут трубку во время работы, а там – Бог.
 Интересуется, что да как.
 Куда повезём, спросит.
 Доброжелателен.
 Ни чуточки не спесив.
 Я часто думаю: вот за каким хером?

Жир обоев, картинки из «Огонька», сизые майки, окурки, собрания сочинений, провода, носки, ржавые клещи, окурки, кислятина, карта СССР, лупа, кинескопы, диван в клочьях ваты, гвоздь с намотанной леской, открытка, рассол, окурки, моделька без дверцы, ботинок, ворох штанов, квитанции, серое фото, будильник, настольный хоккей, гвоздодёр, окурки, дверные петли, мёртвые ходики, бейсболка, кроссворды, остов семиструнки, паяльник, газеты, шатучий стул, окурки, кетчуп, зонт наизнанку, корзина, галстук, шурупы, створка трюмо, окурки, доширак, блин подушки, мутный хрусталь, пиджак, треснувшие очки, пинцет, календарь, окурки – на столе, подоконнике, всюду, пола не видно, стоишь, поджав ногу, кардиограф на весу держишь...

Населённые пункты.
 Слепые халупы, гниль досок,хламьё напоказ.
 Лохмы полиэтилена, толь, заборы вповал.
 И вдруг – особняк.
 До неба.
 Цари говна...

Утвердился на носилках и снизошёл:
 - Ну что, медики, по-прежнему такие же нищие?
 Посочувствовать захотел.
 Пи...дюк.

Старые, добрые девяностые.
 Бензин по лимиту – срывались только на дело, а на всякие «жена в истерике – успокойте» смеялись в трубку, выкрикивая непотребства.
 Ностальгия!

Нанимают согласных – впихивать купюры в карман.
 Пишут на диктофон, прячут понятых по кладовкам.

Коррупцию изводят.
Изо всех сил.

Психиатры.
Пожилые, негромкие, в седине.
Теснят буйных в санузел, стреляют газом, держат дверь, через минуту пакуют.
Спросили утром:
- Как смена?
Жмень гильз на стол.
Молча.

Полнолуние.
Конвеер.
Не вынимая.
Псы в такие дни тоже на Луну воют.

Идёшь по району и вдруг: ё-моё, ведь в каждом подъезде был!

Мальчишеские мечты: стать капитаном, биться за справедливость...
Что ни ханыга - то боец Моторолы!
Что ни обрыган - то командир АПЛ!

Притон гомосеков.
Воочию.
Как в говно вляпался.

Госпитализация.
Два вопроса.
- Надолго?
Это больной.
- А обратно вы отвезёте?
Это сопровождающий.

Верхние этажи хрущоб.
Хронь – там.
Сперва бесило, потом допёр: в шестидесятых, когда вселялись, им было по тридцать.

Лучше не спрашивать:
 -за что сидел;
 -кем служил;
 -где работает;
 Беспристрастность страдает.

Нет книг.
 Иконостасы до потолка и «плазменные» панели.
 Потолки подвесные, кстати.

Бежала из Грозного с новорожденными близнецами.
 Грабежи, обстрелы, убили мужа.
 Потом футболили до самого Петербурга.
 Просила – не слушали.
 Общага, птичьи права, учит близняшек – нет прописки, нет школы.
 Ворует в универсамах, тихо верует в Иегову...
 Вывернули карманы, отдали что набралось.

Комиссовали из авиации.
 Погиб сын в Чечне.
 Супруга сошла с ума.
 Водил автобус, менял двигатель, сорвало стропы – и руки в кашу.
 Говорил скупно.
 Больше желваками играл.

Заброшенный дом.
 Пригород.
 Сидит, обессилив, справку в руках сжимает.
 Амнистирован с онкологией.
 И идти некуда.

Стюардесса влюбилась.
 Пламенно, слепо.
 Возила от ненаглядного пакеты с оказией.
 По воздуху.
 С героинном.
 Взяли, стали колоть, пуганули, озвучив ей перспективу.

Выбросилась в окно, рывком...
Редкой красоты, неземной.

Оппозиционер с видом на жительство: надо валить, сраная Рашка, все дела...
Живёт там.
Лечится здесь.
Сядет на паром, дотерпит до Питера и прям в порту вызывает.
Подшаманят — плывёт обратно: надо валить, сраная Рашка, все дела...

Элитное поселение: особняки, бассейны, оранжереи.
Вёз местную — там, говорит, спящих сожгли, там зарезали, там бабку дубинкой...
Как в Эрмитаже: взгляните прямо, посмотрите направо!

Министр.
Обрюзгшая девочка с коготками.
Знает толк в мебели, умеет напряжённо внимать.
Что ещё надо, министру-то?

Офицеры Госнаркоконтроля скончались от передоза.
В святая святых.
А ведь испокон твердили: учите матчасть!

ОБОП, доложили, уже не нужен.
Кому?
Молчат.

Забытые сёла.
Пожилые крестьяне.
Повеление свыше: сыскать толковых, назначить медиками по образцу и подобию.
Внедрение, инновация, ломка шаблона.

Центры Здоровья.
Оно конечно...
Только в них ехать надо.
Из глубинки.
По дорогам.

Которых нет.

Конструктивное отступает, задев интересы.
И тиходохнет.

Визит руководства: не пройти, не проехать и могут связь отключить.
Паралич.
Коллапс.
Символично.

Президентская яхта.
Сэконд-хэнд, уверяют, взяли.
Из экономии.
Волосы на ковре, ноготь в сливе, сперма на обивке дивана...

Юбилей.
Плакат.
Гагарин.
Шлем без надписи СССР.
Креативная фишечка.

Заблевали «Аврору».
На вечерине.
Тузы и магнаты.
А теперь вот и обоссали.
С мачты.
Неимушие.
Против бедности протестуя.

Представляют эксперта.
Слушаешь: ё-моё, он вообще в школе учился?

Пострадавшие - поголовно: было так!
А им: да нет же, вы ошибаетесь!
И в отчётах: а ну их - х...йню несут!

Посетить митинг.
 Потребовать справедливости.
 Потом сесть в тачку и объехать пробку по тротуару...

Пользуясь случаем.
 НИ ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ НЕ ВОЗЯТ В
 СТАЦИОНАР НА «ГАЗЕЛИ»!
 Решающий аргумент.

А пациент всё раскрепощённей.
 - Чё, бл...дь, ваще о...уели? Сколько вас ждать можно?
 И про оптимизацию не начнёшь — не поверят.

ЗАДАЧА ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ.
 В России 20 000 бригад скорой помощи. Себестоимость одного вызова составляет 2 500 рублей. Каков годичный убыток бюджета Российской Федерации на неоправданные финансовые затраты, связанные с выездами на непрофильные вызова, при условии, что процентное соотношение их достигает 60%, а среднее число обслуженных вызовов равняется 15 на одну бригаду за одни сутки?

«У нас нет ни имён и ни званий,
 мы для многих — двуногий скот,
 но тому, кто моряк по призванию,
 Королевский не бросить флот».
 Старая английская песня.

Олег Дивов, Макс Рублев, машинист метро («Не прислоняться»)

Машинист проходит в метро через тот же самый турникет, что и мы. Проходит по смарт-карте, очень похожей на те, которыми мы пользуемся. Можете удивляться и смеяться, но другой возможности бесплатно попасть на работу для машинистов не предусмотрено.

Вот ситуация: заболел человек. Отлежался, больничный закрыл, пошел в отдел кадров: время менять смарт-карту.

– Мы у тебя ее забрать можем, но резервную не выдадим. Сейчас не т. И вообще, почему ты не пришел, когда надо было сдавать? Мы объявление за два месяца повесили! Объявление, что карты принимаются на обмен в течение ТРЕХ дней: прямо подарок машинистам, с их-то рваным графиком работы...

– Я на больничном вообще-то был.

– Ну и что? – С гордостью: – У нас люди из больницы приезжали карты менять! Чем гордиться?! Тем, что люди из больницы сбегают, чтобы привезти вам карты на обмен?

– Значит, так, если четырнадцатого не привезешь карту, то мы ее тебе менять не будем вообще. Будешь платить за проезд.

То есть он, чтобы работать, должен платить за это деньги? Представьте себе, да.

По словам машинистов, смарт -карты – прямо какой-то больной вопрос в московском метро. Допустим, у тебя украли документы. Ну, бывает. Украли, забыл в трансп орте, потерял. Как правило, смарт -карту вместе с талоном предупреждения носят в служебном удостоверении. Человек, соответственно, приходит в отдел кадров, чтобы восстановить все это. Ан нет. Удостоверение выписать не проблема, а вот смарт -карту резервную в ыдать – фигушки. Пока в расчетном листке не будет прописано, что у тебя из зарплаты вычли стоимость утерянной карты, новую не дадут. Потерял документы 10 -го числа – все, месяц будешь платить как миленький за то, чтобы попасть на работу. И попробуй только в стать в позу обиженного и на службу демонстративно не выйти, уволят без разговоров.

Смена смене рознь, есть такие, когда машинист по несколько раз бегае через турникет... 1-я поездка – он едет на работу, застывает, садится на поезд. Ставит его в депо.

Опять идет на линейный (через Планерную – это 2-я поездка). Делает круг, опять ставит состав в депо (3 -я поездка). То есть, отработав смену, он трижды заплатил родному метрополитену. За то, что тот благосклонно позволил человеку поработать.

Нет-нет, никто не сошел с ума, машинист может предъявить на входе удостоверение.

Только его по удостоверению на работу не пустят!

Вас это удивляет? Машинистов уже нет. Они привыкли.

В конце концов сдал наш больной карту на перекодировку. Обещали вернуть 20-го числа, резервную не дали: мотивировали отсутствием. А у контролеров приказ: «По удостоверениям не пускать». Только по картам.

Будет платить.

Как миленький.

Предпраздничный день. Цветы на путях, цветы на платформе, цветы в руках. Развозя «трупы» мужского и женского пола, ощущаю себя катафалком на похоронах...

Один из машинистов: «Точно! А я-то пытался понять, что же мне это все напоминает?!»

Ну что, друзья, Новый год на носу? Помните анекдот: «Оптимисты изучают английский, пессимисты – китайский, и только реалисты – автомат Калашникова». Так и русский человек запасается на НГ чем? «Топливом» и «боеприпасами», то есть водкой и пиротехникой. А если водка уже внутри...

Согласитесь, это безумно весело: зажечь большую петарду в первом вагоне и выбросить в форточку. Правда, тебе не слышно, как она хлопнет, но вот в 6–7-м вагоне бабахнет великолепно, причем еще эхо... И начинаются истошные вопли по УЭСПМ:

– Машинист, у вас тут что-то взорвалось, сделайте что-нибудь, мы все умрем!..

И пока машинист соображает что же там могло взорваться – получи, фашист, гранату! – мы вторую петарду в форточку! Веселье в полном разгаре. В итоге на станции осмотр состава, машинист в мыле, на нервах. С Новым годом, блин!

Текстильщики. Двери закрываются, мужчина сует ладонь. Ее зажимает. Если вам

зажало ладонь, что вы делаете? Именно, вытаскиваете. Но тут другой случай, человек практически начал биться в истерике. Ему дежурная:

– Мужчина, уберите руку.

– Ты что, бля, сука, не видишь, бля, мне ее зажало?! Машинист, бля, урод, двери открой!!!

Если он, наивный, после таких слов думал, что я впущу его в салон ... Чуть приоткрыл двери. В итоге мужик остался на платформе, пнул со всей силы ногой дверь, обматерил дежурную и пошел ближе к середине.

Сотрудник метрополитена, находясь на рабочем месте, обязан любить пассажиров.

Пассажир может тебя материть, смешать с дерьмом, а ты обязан улыбаться и вежливо отвечать. И не дай бог ответить быдлу на его языке – права знают все. Тут же начинаются жалобы ИнфоСОСам. «Дежурная по станции меня оскорбила...»

Вы можете сказать: «А вот работники метро...» Друзья, не будем стричь всех под одну гребенку. Это отдельные личности и персонажи. Если бы все пассажиры были такие, каких я тут описываю, метро бы просто стояло. То же самое и мы.

Опаздывал летом на работу, забыл удостоверение в других штанах. А в удостоверении меня, как и у большинства машинистов, лежит смарт-карта, по которой мы проходим через турникеты. Подошел к дежурной (я был в форме, как положено), попросил пропустить, объяснил ей ситуацию. Ох как же она на меня орала! Это был не мат, это была песня.

Правда, хватило меня только на минуту про слушивания: рывкнул так, что милиция из дежурки выглянула. Но в итоге все равно купил билет. Сам виноват. Забыл – плати...

Нет, блин, все -таки народ перед праздниками неадекватен. Пролетарская, у первого вагона две девушки рассматривают схему метрополитена. Там на ящике такая реклама со схемой. Видимо, не могут найти станцию. Надо спросить. У кого? Правильно. У машиниста. Он ведь знает все. Начали стучать и пытаться зайти в кабину. Ага, так я им и ответил при интервале 3,5 минуты (передо мной поезд в депо ушел) и десятиминутном опоздании на линии. Видя, что я не собираюсь даже вставать, вернулись к ящику и продолжили изучение схемы. Самое интересное: рядом на платформе стоял выхинский машинист, ждал состав. Почему не подойти к нему? Или барышни решили, что раз он в форму одет, но не в поезде сидит, значит, он неправильный машинист?..

Вообще сейчас в метро мало позитива. Ну а что вы хотите, кризис. Люди злые,

дерганые. И срывают злость на ком ни попадя. На днях машинист писал объяснительную:

женщина проспала (пр озевала) станцию. Выйти не успела. Доехала до следующей – и

жалобу ИнфоСОСу с указанием маршрута. И жалоб таких в депо приходит...

В кабине хоть топор вешай от перегара, народ с корпоративов возвращается. Страшно подумать, какова концентрация «выхлопа» в салоне.

Вы-то нанюхаетесь, вам только веселее станет. А если я окосею на рабочем месте? Песни буду петь.

Каждому, каждому в лучшее верится,

Катится, катится синий катафалк...

По Московскому метрополитену ходят слухи, что скоро поменяют форму: чуть ли не Зайцеву заказ дали на новый дизайн. Комплект будет стоить 25–27 тысяч рублей. Депо оплатит. Возьмем по минимуму 25 тысяч. 13 % налога вычтут из зарплаты. То есть, чтобы работать в подземке, каждый машинист отдаст 2175 рублей, честно заработанных в той же подземке...

Раз уж зашел разговор о белых рубашках – самое в ремя раскрыть тему форменной одежды во всей ее типично метрополитеновской красе. Поболтаем о шмотках?..

Работник метро должен быть одет как положено. Это не просто традиция или блажь начальства, это реальный дресс-код: часть системы распознавания «свой – чужой». Однажды машинист, одетый поверх формы в «неуставную» зеленую пуховку, чуть не устроил шухер на всю ТКЛ. Он всего -то положил в хвостовую кабину поезда саквояж с использованным постельным бельем из «скворечника» – чтобы в прачечную отвезли. Всегда так делается. Но парень был неправильно одет да вдобавок еще и с лица чернявый. Бдительная дежурная тут же подала сигнал:

– Мужчина кавказской внешности закинул в кабину поезда чемодан!!!

Хорошо, в головной кабине это услышали – а они -то прекрасно знали, кто и что подбросил им в хвост, – и пресекли тревогу, пока не началась отчаянная борьба с терроризмом.

По идее, все правильно. Если только не учитывать один момент: большинству работников метро их форма активно не нравится. Соответственно, когда их начинают принудительно в эту форму упаковывать, они злятся и всячески язвят в ответ.

«...20 февраля. Две недели инструкторы пугали машинистов этой страшной датой. Руководство всыпало всем по первое число за нарушение формы одежды. И приказало, чтобы к 20-му все были приведены к единому знаменателю. Инструкторы, потрясая перед носом особо нерадивых работников

телефонограммой из Управления, грозили чем только можно – и лишением талонов, лишением премии и ... «Ну дай я еще разок тебя пну, что ли...»

Результат налицо. Вся «портянка» плотно исписана нарушениями формы одежды.

«Работал в джинсах...», «переход по платформе без головного убора...» и т. п.

Говорят, причина этого – открытие станции Строгино.

Первым на свежееоткрытую станцию выехал инструктор, и всем было хорошо. Вторым выехал машинист депо Незнаюкакого. Он оказался в синей рубашке без погон с коротким рукавом, а из рукавов этих коротких торчали длинные рукава тельняшки.

Осерчало руководство метрополитеновское, и посадили за контроллер инструктора планерского, и выгнали машиниста расхристанного к такой-то матери. Вот!» Что характерно, на все метро есть только одна фирма, которая занимается пошивомодежды. Это так называемое ателье ... Назовем его «Капкан». Обладая монополией, «Капкан» может шить как хочет и из чего хочет. Видели форму, в которой ходят машинисты? А вы приглядитесь к ней повнимательнее.

Человек должен гордиться своей работой. Он – машинист Московского метрополитена!

Это звучит гордо, только благодаря «Капкану» выглядит убого. Нет, форма для высшего командного состава смотрится идеально! Синяя, с золотыми погонами, человек в такой форме чувствует себя уверенно и комфортно, да и висит она в ателье на манекенах, а не как для машинистов – свалена в кучу, будто секонд-хенд. Многие после единственного посещения «Капкана» предпочли форму покупать в военторгах.

Одна из дежурных в разговоре с машинистом пожаловалась, что в «Капкане» ей

вручили юбку на два размера больше, чем надо. В ответ на слова, что это не ее размер, окружили кучей и началось ... Да вы что, это ваш размер, вам так идет, мы же мерк снимали! В итоге она расписалась в том, что товар получен, жалоб нет. Юбка подлежит перешивке.

Рынок в смысле «базар». Лишь бы всучить человеку товар. И это не единичный случай. Кто-то ругается, более робкие берут то, что им впаривают – и ходят потом как батраки в мешковине. Потому машинисты и покупают форму в сторонних фирмах. Кстати, она там и стоит дешевле.

Самые большие нарекания вызывают форменные зимние куртки. Есть два варианта, длинные и короткие, но объединяет их одно. Они – ХОЛОДНЫЕ. Тоненькая подкладка едва достает до поясницы. Такая куртка более -менее «держит» температуру до – 2-х градусов. При минус десяти риск простудиться реален, а если ниже, вполне вероятно схватить пневмонию. Что интересно, на всех фотографиях, где запечатлено руководство Московского метрополитена зимой на улице, оно почему -то не в форменных куртках. Руководство носит дубленки и пальто. Тем не менее машинистов обещали наказывать даже за переход по

платформе в накинутом пальто или пуховике. Не по форме! В ысокое начальство грозитя устраивать внезапные проверки перед камерами с ревизорами (кстати, ревизоры сами часто грешат нарушениями формы одежды, давно их никто не видел на проверках в форменных метрополитеновских куртках, все как-то в дубленках щеголяют, мерзнут наверное)...то, что написано в рекламе: «Машинисты на Московском метрополитене обеспечиваются бесплатной формой одежды ...» – самая обыкновенная неправда. Получив форму, вы удивитесь: отчего в этом месяце у меня зарплата меньше обычного? А просто из нее вычли налог на форму. Какая же тогда она бесплатная, если вы все равно платите за нее – пусть и не полную стоимость?

Никогда не задавали себе вопрос: почему машинисты носят форменный «верх», а

брюки предпочитают черные, классические? Наверное, чтобы после работы накинуть обычную куртку, ветровку, дубленку и слиться с общей массой народа. В кабине все равно не видно, на платформе – это работа, а выйдя наверх, хочется выглядеть хорошо, а не по-капкановски.

При этом новая хорошая форма в фирме Нескажемкакой стоит 3273 рубля (по прайсу производителя). Рубашки, галстук, погоны, фурнитура – не больше 2,5 тыс. Плюс зимняя куртка 1821 рубль – округляя, получаем: восемь тысяч стоит нормальный, качественный комплект с форменной теплой курткой.

Да никто в метро не против заплатить 2175 рублей налога за полный комплект формы нового образца. Но если это будет шить «Капкан» – нет. Уж лучше отдать свои 8 тысяч за то, чему износа нет, чем 2–3 за безобразие, сшитое из гнилого материала гнилыми нитками.

Почему машинисты должны стесняться того, в чем они ходят? Ведь именно машинисты и дежурные – это люди, которые работают с пассажирами...

P.S. Прошел слух, что Московский метрополитен собирается отказаться от услуг «Капкана».

«Господи, неужели ты услышал наши молитвы?!» – говорят машинисты.

Дневник Метроэльфа: После взрывов

30 марта 2010 года. Слов нет. Комментариев тоже. Все сказали и показали (почти все) в новостях. 29 -го я работал в вечер. Спасибо тем, кто позвонил с утра.

Спасибо тем, кто не позвонил, но вспомнил. Вспомнил линию, на которой работаю, и понял, что со мной все нормально.

По имеющейся информации, дежурные, работавшие 29 -го на Лубянке, наказаны. Как я понял, за «нарушения должностных инструкций при чрезвычайной ситуации ». Этих бы кабинетных крыс, писавших инструкции, заставить выполнить то, что они понаписали.

Результат: Управа вся в белом (как обычно), а исполнители – уроды...

Сегодня выхожу в ночь. Скажу честно – есть мандраж. Нет, страхом это не назвать, именно мандраж. Да, наверное, не у меня одного. Мы будем улыбаться пассажирам, хохмить между собой на станциях оборота (или ожидая поезда), не только для того, чтобы люди видели: все нормально и бояться нечего, – но и ради того, чтобы отогнать эту поганую мыслишку: «А если бы у меня?..»

Они взрывают поезда не для того, чтобы убивать. Гибель людей – побочный эффект.

Главное, они хотят нас напугать. А вот хрен им.

Возвращался сегодня с работы, в форме, фуражке. И только один диван был занят полностью в практически пустом вагоне. Диван, на котором я сидел. Люди видели человека в форме машиниста и старались сесть поближе... Добавить нечего.

Жаркое лето 2010 года

Жара убивает, особенно под землей. Кондиционеры в «Ежиках» – открытое окно и торцевая дверь. Пока едешь, вроде бы обдувает, но... Во-первых, шум такой, что глохнешь. Во-вторых, настоящей прохлады нет: за бортом тридцать с лишним. А стоит остановиться, и все: машинист начинает истекать потом. Ладони мокрые, ручка контроллера выскальзывает из рук...

Утренний пик, Планерная. Люди спуск каются непрерывной толпой, хвост от кассы стоит на улице и судорожно завидует тем, кто уже внутри, там хотя бы тень.

На самом деле попытка спастись от жары в метро – ошибка. Внизу, допустим, не так печет, зато кислорода еще меньше, чем на поверхности. И за пах пота, смешиваясь с парфюмерией, создает неповторимое амбре.

Обозленные дежурные остервенело высаживают пассажиров, пытающихся заехать под оборот. Дежурных можно понять, перед ними маячит лишение премии.

Сизифов труд. Высадили из одного – народ тут же дружной толпой прыгает в другой вагон, и повторяется все заново.

Задача на сообразительность. Дано: станция Планерная, восемь часов утра. Поезд вместо интервала 1,30 отправляется с интервалом 3 минуты. Внимание, вопрос! На какой станции машинист не сможет закрыть двери?!

Как следствие, интервал растет. Людей все больше и больше на платформе. Каждый поезд штурмуется словно Рейхстаг. Команды «отступить» не было. Поэтому за то, что поезд

сейчас встанет в тоннеле, в самой духоте, и стоять будет несколько минут, и потом еще встанет, и опять встанет, пассажиры могут винить только себя. Люди звереют от духоты, и даже самый кроткий пытается отвоевать себе жизненное пространство кулаками и зубами.

Единственный способ спастись от жары в вагоне – организовать хоть как ой-то ток воздуха, то есть поехать. Тут все зависит только от машиниста. И он потихоньку едет, ползет еле-еле под красный сигнал в надежде, что светофор вот-вот откроется. Но уж если встали в тоннеле – «не стреляйте в машиниста, он играет как умеет», а вспомните добрым словом того молодого человека, державшего двери для мужчины, бежавшего по лестнице, опаздывая на «последний поезд в светлое будущее».

И еще припомните детский стишок:

Если вам в каюте жарко,

Посетите кочегарку...

Не только вам, дорогие пассажиры, сейчас душно, потно и противно. Некоторым вообще капут. По иронии судьбы, это люди, от которых напрямую зависит, как скоро вы выберетесь из уютной адской топки...

Июль 2010 года. Температура на линейном держится в районе 32 градусов. Кондишен есть, но не работает. Машинисты начинают понимать, что им сейчас не так уж плохо. Есть сотрудники, которым гораздо хуже. У машиниста подмена 27 минут, и он в поезде, там хоть какой-то обдув изобразить можно. А инструкторам, операторам – по двенадцать часов в своей душегубке сидеть! Вода только из -под крана. Фильтры есть, но сухие, хочешь пить – наполни сам и жди, пока отфильтрует.

– Как оказалось, только на нашем линейном из всего метрополитена нет кулера с водой.

– Что-о?!

– Правда. А зачем?

В некоторых служебных туалетах начали ставить увлажнители воздуха – наверное, из самых лучших побуждений. Но получилось как всегда. Если раньше туалет был сауной, теперь это русская баня.

Под землей ад. Вода литрами. Восемь часов смены тянут на все шестнадцать. Либо машинист умирает в тишине с закрытой форточкой и торцевой дверью, либо глохнет с открытыми. Единственная радость – сезон отпусков, мало людей. Похолодание не спасет: «труба» раскалена. Она будет держать температуру еще долго, очень долго.

Тем временем пресса сообщает удивительное.

На московское метро подали в суд за перегрев на станциях.

Общество защиты прав потребителей подало в суд на Московский метрополитен, требуя нормализовать температуру на станциях метро, снизить уровень шума в вагонах и поменять напольное покрытие...

В соответствии с санитарными нормами, температура воздуха в помещениях не должна превышать 28 градусов по Цельсию. Эксперты Общества защиты прав потребителей выявили, что на некоторых станциях московского метро этот предел

превышен. Допустимый уровень шума в вагонах – 70 децибел, однако эксперты зафиксировали в одном из вагонов, курсирующем по Арбатско - Покровской линии, уровень шума 104 децибела. Также эксперты обнаружили выбоины в переходах станций Курская, Комсомольская и Третьяковская.

Перед обращением в суд Общество защиты прав потребителей пыталось добиться исправления недостатков путем переговоров с руководством метрополитена, однако сторонам договориться не удалось.

По данным РИА Новости, 19 июля температура воздуха в вагонах метро в Сокольниках и на станциях

Речной вокзал составляла 31 и 32 градуса соответственно. Глава пресс - службы метрополитена Светлана Царева сказала журналистам, что к началу июля

прогрелись замерзшие за зиму грунты, поэтому станции перестали быть прохладными. «Конечно, когда жарко, – это некомфортно, но на поверхности так же жарко», – заявила Царева.

В пресс-службе метро РИА Новости также сообщили, что руководство обращает больше внимания не на станции, где пассажиры проводят мало времени, а на вагоны. В настоящее время метрополитен внедряет новые поезда с кондиционерами.

Под землей такие новости встречают взрывами ехидного смеха. Пока суд да дело, жара в Москве спадет и предмет тяжбы исчезнет. Кондиционеры в «Ежах» не предусмотрены, но там все-таки проще выжить, чем в «Русичах». Как-нибудь поинтересуйтесь у машинистов: во скольких составах в кабине работает кондиционер? Не стоит, а именно работает! А ведь в «Русичах» форточки нет и дверь боковую на ходу открыть нельзя (как объяснили, она выходит за габарит).

По поводу уровня шума... Метрополитен – город в городе. Никто не даст проверить уровень шума (и температуру) в кабине. Или дадут, но это будут свои, «правильные» люди, и результаты измерений полностью уложатся в норму.

Периодически раздаются возгласы: «Но это же противоречит Трудовому кодексу!» Ну

Метрополитен хоть и государственная организация, но перелопачивать разбивку смен из-за жары никто не будет. Поэтому летом 2010 года машинисты так и катали смены по 8,5 часов при тридцатипятиградусной жаре. Судиться? Не смешите. Каждому дорога его работа. А судебные тяжбы влекут за собой только увольнение (уж чего -чего, а официальных причин «выжить» человека найдется сколько угодно).

Машинистам депо «Планерное» воду начали поставлять лишь после того, как Управление устроило разгон, что на линейном нет кондиционера (вернее, он есть, но он -очень долго не работает) и нет запаса холодной питьевой воды.

Появился запас. Те, кто работал в день, получали пол -литра воды, кто в ночь – аж целый литр! Это при том, что Метроэльф, парень не толстый и выносливый, за ночную смену выпивал по 3 (в скобках прописью – ТРИ) литра своей воды. Бутылочка 0,5 на восемь часов жары в «трубе» – капля в море.

Самое обидное, говорили машинисты, что ничего не изменится. «Так и будем ездить в кабинах, в которых при выезде на открытый участок в ненастную погоду идет дождь. Как же хорошо такие кабины определяются на мойке! У меня один раз поток воды на контроллер потек, повезло, что ветоши было много, успевал убирать...»

Они все равно будут ездить при открытых торцевых дверях и форточках, чтобы обдувало сквозняком, потому что если закрыть, то ровно через минуту рубаха станет темно-синей от пота. Затыкая уши берушами, чтобы после смены не выходить из кабины оглохшими. Это только «слуги народа» могут позволить сократить себе рабочий день из-за жары. Машинисты – не могут. Люди простужаются, болеют, но те, кто остался в строю, продолжают работать, дурея от жары и выбиваясь из сил ради того, чтобы мы с вами могли, пусть и с сомнительным комфортом, но все-таки доехать куда надо.

– Приходите к нам в метро, там уютно и тепло!

– Ну и шуточки у вас, ребята...

Про галлюцинации

Пассажиры от жарищи дуреют, машинисты тем более. Въезжаю на платформу Тушинская и вижу в районе седьмого вагона ... Иосифа Виссарионовича Сталина! При полном параде, в форме генералиссимуса, фуражке, только что трубки в зубах нет.

Часто моргаю. Все равно перед глазами Сталин. Натуральный, хоть клади его к Ленину в мавзолей. В голове звучит строка из песни группы «Несчастный случай»: «Твоя белочка-а-а...» Какая белочка, я не пью практически. Все! Доработался.

Ошалевшие пассажиры шарахаются от «призрака». Значит, вижу его не только я, но и все остальные. Уфф...

Уважаемый двойник! Ну нельзя же так людей пугать. В рабочую одежду надо переодеваться на работе.

Дневник Метроэльфа: Последний день лета

Наконец-то дождь! Ночной ливень так напитал воздух влагой, что, выйдя утром на улицу, словно попадаешь в другой мир. Легкая дымка искажает перспективу. Очертания предметов расплывчаты, звуки приглушены, и запах ... Резкий запах мокрой листвы бодрит не хуже чашки крепкого кофе. Ботинки

мгновенно промокают, но в щенячье -радостном настроении этого просто не замечаешь. Капля, упавшая с раскидистой липы, попадает точно за шиворот и катится по позвоночнику, вызывая мириады мурашек по всему телу. Плеер не нужен. Зачем? Утро наполняет мир своей музыкой...

Мечты о дожде сбылись, в итоге кабина снизу доверху обчихана сопливым и гнусавым мной.

Последний день лета ничем не отличается от предыдущих. Если только самую малость. Чуть-чуть грусти, чуть-чуть больше народу, чуть-чуть холоднее... Яркие освещенные станции уже не создают иллюзию дня. Кажется, будто сегодня они немного темнее.

Вечер. Воскресенье. Люди возвращаются с дач. В кабине до безобразия пахнет яблоками. Похоже, кто -то поставил сумку у самой двери. Вышел на Рязанск ом, специально заглянул в салон. Так и есть. Только не сумку. Целую тележку.

Обратно... Пластиковая улыбка сминается как одноразовый стаканчик в дешевой забегаловке. Серые взгляды людей царапают маску невозмутимости.

– Макс, а я тут тебя видел. Едешь, серьезный такой...

Нет, блин, я, въезжая на станцию, буду гомерически хохотать и корчить рожи. Беговая, Полежаевская, Октябрьское Поле.

Днем написал другу в аську:

«Леха, как здорово, что ты есть, ты хороший друг и просто классный парень ...» Тут же получил в ответ:

«Макс, ты чего, бухой?!»

Нет, я не бухой! Ну почему нельзя просто так сказать человеку, что он хороший друг? Мысли перескакивают с одного на другое. Рванный слог. Рванный текст.

Вот что бывает, когда я голоден и болен. Ну -ка, хватит! Пара бутербродов, рюмка чая (иначе как рюмкой назвать крышку моего термоса нельзя) и сигарета приводят в норму.

Теперь я зол, циничен, адекватен – самое то для машиниста на работе.

Рассказ машиниста

Про штаны

Рязанка, вечер. Стоим, ждем каждый своего состава. По платформе идет девушка в этих жутких модных брюках с мотней до колена, как их там... афгани, во.

Машинисты улыбаются, глядя на штаны, она улыбается в ответ, думая, будто улыбки предназначены ей самой. Я смотрю и понимаю: что-то забыл дома сделать, но вот что?

Девушка радуется, машинисты радуются.

Что же я забыл?!

Девушка поравнялась с нами, и тут меня осеняет.

– Блин!!! Я же коту забыл лоток поменять!!!

Покрасневшая девушка под дружный хохот машинистов убегает на эскалатор.

Как пишут в энциклопедиях, миф это «сказание, передающее представление людей о мире, месте человека в нем, о происхождении всего сущего, о богах и героях».

Повторим самое главное, чтобы отложилось в памяти: «представление людей о мире». Смысл любого мифа – емко и коротко объяснить сложное явление, сведя его к простой формуле, понятной кому угодно. Есть «несущие» мифы, на которых держится самооценка целых народов. Когда реальность грубо выбивает из-под людей эти костыли, людям становится очень больно. Поэтому люди тут же сочиняют новые мифы: такие же простые, такие же понятные и такие же далекие от действительности.

Чтобы миф укоренился в сознании, главное – не давать человеку полной картины, пускай он видит только кусочек; на этом кусочке и пустит корни миф.

Метро в целом видят только его работники, да и то не все.

Метро в глазах обычного пассажира – сугубо подземный мир, автономный и самодостаточный. Вне поля зрения остается громадная надземная инфраструктура, без которой метрополитен просто невозможен. Ее как бы не существует. Работники метро, эти трудолюбивые гномы, тоже, наверное, живут и плодятся строго под землей. Где они добывают электричество, не имеет значения.

О том, что обесточенное метро быстро гибнет – не иносказательно, а физически! – мало кто знает и совсем мало кто задумывается.

Ничего удивительного. Метрополитен – сакральное Подземное Царство. Спускаясь туда, ты каждый раз приносишь жертву (плата за проезд) на алтаре (турникет), по пути слышишь глас ангельский (следующая станция такая -то), а иногда к тебе и сам подземный бог обращается (не держите двери!!!).

Прямо странно, что метрополитен не мифологизирован снизу доверху.

Строго говоря, у него есть один –единственный Большой Миф, а все остальное – безобидные народные поверья да в придачу обширный пласт баек, иногда основанных на реальных событиях (перевранных до неузнаваемости).

Большой Миф метрополитена – по сути, одна большая ошибка. Мы, собственно, уже сказали, в чем тут дело. Многие воспринимают метро как автономную и самодостаточную систему, которая построена на века и может существовать без поддержки извне. Ну, поезда ходить не будут, это понятно, но станции и тоннели – они-то куда денутся?..

Куда, куда... Они утонут.

На всякий случай: метрополитен как защитное сооружение от ядерного удара

рассчитан на двое суток 36 , потом придется вылезать. В случае большой катастрофы останутся без электричества системы водоотлива, поддерживающие сухость в подземке. Довольно быстро метро окажется затоплено грунтовыми водами. Его зальет по самые турникеты – и до свидания, подземный город.

Между прочим, метро как «атомное бомбоубежище » защита довольно условная. В случае воздушного ядерного взрыва, произведенного на большой высоте – все отлично, а вот от наземного или даже низко го воздушного взрыва подземные коммуникации рушатся, становясь братской могилой.

И если вам попалась фантастическая книжка, где после глобальной катастрофы люди живут в метро, это никакая не фантастика, а типичная фэнтези – «литература мечей и магии». Эльфы, орки... Ну и гномы, естественно, какое же метро без гномов. В фэнтези все, что угодно, может быть. В нормальной фантастике подземка – затоплена. Точно как в жизни...

Никакой критики не выдерживает и легенда о крысах -мутантах размером то ли с

собаку, то ли с о свинью, запущенная в конце 1980 -х газетой «Аргументы и факты ». Не выдерживает в том смысле, что сколько эту чушь ни критикуй, она цветет себе и пахнет. Ну естественно, должны ведь в Подземном Царстве водиться монстры ... Для справки: самая большая крыса, от ловленная учеными в Москве, весила 700 граммов, попадались экземпляры по 500 и 400, и это были три таких крысы из пойманных трех тысяч. Жизнеспособный «мутант» в габаритах собаки появиться не может даже теоретически. В первую очередь такую тушу не потянет крысиный опорно-двигательный аппарат.

Да, крысы в подземке живут, и мыши тоже, причем выделяются «крысиные» и «мышинные» зоны. Селятся грызуны вблизи станций – там, где есть пропитание. В тоннелях им, собственно, делать нечего – чем глубже и длиннее тоннель , тем меньше смысла животному там прятаться. Это для человека полкилометра не расстояние, а для крысы очень много: путь от гнезда до места кормежки становится неоправданно энергозатратным. Грубо говоря, крыса по дороге с голоду опухнет...

По-своему забавны и ародные поверья, привязанные к метрополитену чисто территориально, и больше никак. Московские студенты знают: если перед экзаменом подойти к скульптуре «Пограничник с собакой » на станции Площадь Революции и погладить собаку по носу, экзамен будет сдан на о тлично. У студентов эту манеру подхватили люди постарше: собак гладят просто «на удачу ». Махнуть рукой, двигаясь в

общем потоке, очень легко, и никто тебе не сделает замечания: некогда, да и незачем. Да исами почти все такие: редкий москвич не гладил тех собак (их четыре на станции). Но по большому счету эти «счастливые скульптуры » могли стоять где угодно на поверхности. Ничего специфически «метрошного» в этом поверье нет.

Настоящую «метролегенду» отличают три признака. Во-первых, ее появление спровоцировали сами работники метро. Во-вторых, в ее основе лежит реальный случай: либо ошибочно истолкованный, либо уже при передаче из уст в уста обросший фантастическими подробностями. В-третьих, эту легенду может прокомментировать тот, кто вольно или невольно стоял у ее истоков. И тогда удастся проследить, как именно работает механизм легендирования.

Вот история, рассказанная одним из ветеранов московской подземки.

...Было это в те времена, когда слово «камера» означало «место лишения свободы», а о системах видеонаблюдения знали из фильмов о заграничной жизни.

Еду третий круг, только с подмены. Банка с кашей в сумке горячая. Почему не поел на подмене? Да я уж и сам не помню. На Баррикадной закрываю двери, уезжаю. Налил чаю из термоса, открыл крышку. Пушкинская. Ну, ду маю, сейчас уеду и на перегоне быстренько перекушу.

– 42-й маршрут, ответьте диспетчеру.

– Слушаю, 42-й.

– 42-й, с Пушкинской без команды не отправляться!

– Диспетчер, вас понял, без команды не отправляться.

Стою на Пушке. Чай стынет, банка с кашей горячая, открытая, и такой дух по кабине, сейчас прямо слюнями захлебнусь. Смотрю на банку и думаю: «А чего, собственно, я себя мучаю?» Хватить ложку – и давай наворачивать. Сижусь, ем, в зеркало за пассажирами смотрю. Вижу, из первого вагона появляется мужчина, подходит к моей двери...

– Почему так долго стоим?!

А у меня в одной руке банка, в другой ложка. Смотрю я на пассажира и думаю: «Ну,

коли вежливости не обучен, то каков вопрос, таков будет и ответ!»

– Обед у меня, – показываю банку. – Сейчас доем, тогда поедем... Тот кивает и уходит.

А через пару месяцев один приятель спрашивает:

– А правда, что машинисты прямо на станции обедают? Тут один знакомый клялся, что видел это своими глазами. Мне вроде и не верится, да он солидный человек, врать не будет...

Пассажир пассажиру волк?

Машинист приходит заступать на смену и видит: в здравпункте стоит парень, пассажир. Медик ему бинтует руку. Машинист спрашивает, что случилось ... И у него глаза лезут на лоб.

Парень сделал замечание девушке за то, что та не уступила бабушке место. Просто сказал: ну что же вы, барышня...

Девушка покусала ему руку и расцарапала шею.

Обратная ситуация: пожилая женщина пытается заставить девушку уступить ей место. Крик на весь вагон. В итоге девушка с трудом встает, а женщина довольно плюхается на сиденье и тут же начинает бурно рассказывать соседям, «что за молодежь нынче пошла, никакого уважения к старшим».

Девушка явно чувствует себя плохо. Едва встав, она сразу обессиленно прислоняется к дверям. По счастью, это замечает мужчина, вскакивает и предлагает ей сесть.

С соседнего дивана за всем этим наблюдает молодая бабушка с сидящим рядом ребенком 7–8 лет...

Это стандартная картина: в вагоне сидит молодая бабушка, а рядом достаточно взрослый внук (внучка). Ребенок улыбается, глядя на стоящих взрослых, бабушка растекается от счастья, глядя на довольного ребенка. Ей и в голову не приходит сказать: видишь, пожилой человек стоит, он устал наверное, давай уступим ему место.

А ведь с каждым днем все чаще звучат слова о невоспитанности молодежи: звучат из уст старшего поколения. Но извините, эта самая молодежь – ваши внуки. Их воспитали ваши дети, которые, в свою очередь, воспитаны вами. На выходе вы получили то, что вложили в своих детей – кого за это надо винить?..

Вот на сиденье развалился молодой человек, делая вид, что спит, хотя пальцы его перебирают кнопки плеера. Машинист, возвращающийся с работы, советует ему уступить место пожилой женщине, которая молча стоит напротив парня. Тот сначала хочет возразить, но, увидев форму машиниста, встает. Не просто встает. При малейшем подергивании состава он старается наступить машинисту на ногу или ударить локтем. Как только освобождается место, он, растолкав всех, садится и «умирает»...

Бородатый анекдот вспоминается: почему мужчины в метро сидят с закрытыми глазами? Потому что им стыдно смотреть, как женщины стоят!

Вообще-то речь сейчас не об этикете. Вечером в поездах едет полным-полно усталых, даже измученных людей, которых ноги еле держат. Уступить сидячее место, если ты молод и здоров, это значит проявить элементарную человечность. Лишний раз напомнить себе и окружающим, что мы – люди. Добрые, в принципе, существа.

В принципе.

Город встречает моросью дождя и ветром, пробирающим до костей. Поправить сумку на плече, плотнее запахнуться в любимую куртку – глядишь, все не так уж и страшно. Желтые очки помогут раскрасить мир в солнечные цвета. Серого мне и под землей хватает.

Двадцать минут дождя – и здравствуй, родная буква «М» над вестибюлем.

Медицинский контроль. Не знаю, что произошло такого страшного, но медицина в последнее время просто озверела. Я гипотоник, и давление 100/60 для меня норма, а тут с удивлением узнал что мне подняли планку до 105. Вроде бы мелочь, пустяк, но ... При верхнем в 103 меня до смены не допускают. Разница в 2 единицы, но вот увы. Видимо, медицинское руководство считает, что именно эти 2 единицы не дают мне проехать запрещающий сигнал светофора и совершить другие гадо сти, угрожающие безопасности пассажиров.

Результат: до смены не допущен и отправлен на час в резерв. Пить кофе и повышать давление. Вместо меня на состав садится резервный машинист, а мне придется слоняться по линейному, не зная, чем себя занять.

Так и слышу ворчание руководства, прочитавшего это: «Делом займись. Инструктажи почитай». Да сколько можно? С удовольствием почитал бы, если бы нашел в них что -то новое. Но все новое – хорошо забытое старое, прописанное в ПТЭ и инструкциях, а инструктажи это просто напоминают. Ладно, разворчался я что -то. Лучший способ поднять давление, это поднять нервы себе.

Попытка номер два. Меряем. 111/67 и пульс 82. Наконец -то. Сейчас развернем график и посмотрим, во сколько мой состав прибудет на Поля. Смена началась . А не хлопнуть ли еще кофейку?..вот наконец -то мы едем, едем, едем ... Диспетчер молчит: значит, на линии порядок (не считая опоздания, это уже норма).

Основная задача – высадить всех, кто выходит, а посадить – это уже как получится. Народ заходит по принципу «сначала я, потом сумка ». Вот и зажимаются сумки. Двери приоткрыть не проблема, но едва я это сделаю, тут же в створки вцепляется мертвой хваткой очередной пассажир. И, упираясь ногами в платформу, пытается залезть в вагон.

«Ежики» забавные вагоны. У них нет размера. Сколько бы человек ни было внутри, всегда найдется место еще для одного.

Утренний пик. Рязанский проспект. С Выхина уходят пустые резервные поезда, чтобы посадить людей на Кузьминках. Как только поезд останавливается на Рязанке, чтобы основной машинист сменил маневрового, пассажиры тут же разжимают двери, и начинается самовольная посадка. Машинисты по утрам уже

тотализатор устраивают – сколько пустых вагонов в резервном поезде. Народ так набивается, что сидячих мест не остается.

Это будет продолжаться до первого несчастного случая. После чего резервные поезда просто отменят. Скажу честно: нам от этого ни холодно, ни жарко. Количество человек в вагоне – не изменится.

– Будете следовать по удалению, по разрешающему показанию...

Вот и все. Вперед и встали. Значит, к десяти минутам минуса добавится еще пять–десять (и это в лучшем случае). На станции кто-то решил зайти в вагон с разбега. Ой, зря. Пассажиры такие шутки не любят. Герой вылетает из вагона практически с той же скоростью, с которой забегал. Я прекрасно понимаю, что вечер, что хочется домой, но уважайте же вы друг друга ... Хотя бы иногда...

На Рязанке коллега похвастался, что скачал из Интернета симулятор американского метрополитена.

– И как?

– На последнем уровне сложности – фигня полная.

– А ты чего хотел? Для машиниста ТКЛ их метро – детский сад!

Про метро

Понедельник. Утро. Москва. Метро.

Истошный вопль машиниста из кабины:

– Диспетчер! Свет! Выключите освещение! Они ползут на свет... Диспетчер...

Это у них на Такой Какой Линии началась рабочая неделя. С добрым утром, люди добрые. Пусть понедельник будет для вас легким и солнечно-светлым.

До встречи под землей.

Олег Нечипоренко «Кизару», рэпер («Богемский рэп, сода и я»)

Меня зовут Олег Викторович Нечипоренко. Я уроженец города Ленинград, родился 21 мая 1989 года. Я был достаточно трудным ребенком, с характером. Поменял кучу школ, и обычных, и частных. Первая школа – специализированная школа № 155, с углубленным изучением французского языка. Там я проучился совсем недолго. Я был очень рассеянным в учебе, с 3-го класса пошли двойки, и родители решили перевести меня в частную школу. Вопрос о дальнейшем образовании моя мама решила моментально: я должен был учиться в самой крутой школе Питера, в частной гимназии «Альма-матер» на Шпалерной улице. Но спустя некоторое время пришлось перевестись и из нее. Мы не были супербогатой семьей, но так или иначе какие-то деньги водились, оба родителя хорошо зарабатывали. Мама занималась продажей фруктов, логистикой, немного позже пошла в гору и карьера папы.

Родители были непохожи друг на друга: отец – настоящий глава семьи, хотел, чтобы дом был, как говорится, «полной чашей», все дела, а мама больше стремилась делать карьеру, заниматься собой и жить в достатке. Они разошлись, когда я был совсем маленьким. В итоге я остался жить с мамой, проводил много времени с бабушкой. Сначала мы жили в квартире около Кировского завода в Петербурге, но это было очень давно, во времена раннего детства. Затем жили в квартире бабушки на Ленинском проспекте, неподалеку от проспекта Ветеранов и Купчино, Юго-Запад города. Далее мы с мамой переехали в самый центр, на Таврическую улицу. Тогда, если мне не изменяет память, мама начала хорошо зарабатывать. Я пошел в местный детский сад.

Временами отец приезжал навещать меня. Сначала на красной четверке, потом на белой девятке, а затем на белоснежном 140-м... Это была настоящая бандитская тачка, на таких обычно ездили пацаны, которые решали вопросы. Потом он приобрел классический черный мерин 140. Я был мелким, не совсем понимал, что происходит. Думал: «Ну да, классная машина», и все. Но в то время на таких ездили далеко не все подряд. Любовь к блатной романтике появилась у меня позже, но на тот момент вся страна жила, как в сериале «Бандитский Петербург»...

Обстановка в России была напряженная и, конечно же, все это коснулось и моего отца. Его подорвали в машине, когда мне было 6 или 7 лет. Он тогда собирался занять какую-то крутую должность, но, видимо, нашлись несогласные. Время было такое, что люди убивали друг друга за нормальную работу, за возможность хорошо заработать. Естественно, что мне тогда никто ничего не объяснял, это до сих пор тайна. Отцу были проведены подряд несколько тяжелых операций, пересадка кожи. Кисть руки была просто в труху, собирали по косточкам заново. Буквально чудом остался в живых. Помню, как приходил к нему в больницу и читал стихи на французском языке, потому что в 5-м классе я уже хорошо знал его, но сейчас я, конечно, уже ничего не помню.

Мой отец не был типичным бандитом. В моих глазах он даже не выглядел, как человек, который каким-либо образом связан с криминалом. Он был супер-позитивный, очень правильный – настоящий мужик, всего добивался сам. Ничему плохому отец меня не учил, наоборот, благодаря ему я узнал, что такое настоящие жизненные ценности. Он всегда был примером для меня. Я запомнил его таким.

Если бы в детстве меня спросили, кем я хочу стать, когда вырасту, я бы ответил – криминальным авторитетом. Других вариантов я тогда не рассматривал. Пожалуй, в чем-то это определило мой дальнейший путь, хотя я тогда не понимал весь масштаб и все последствия такой жизни. Это просто казалось чем-то крутым, смелым, рискованным, а внутри я чувствовал, что мне нравится ходить по краю... Дальше все было словно по сценарию, работали кармические принципы, если вы вдруг верите в карму: жизнь надавала мне пиздюлей. То, что пережил я, мало кто еще проходил. Но так было нужно, чтобы я стал сильнее. Чтобы я стал тем, кем должен был стать. В моих историях можно проследить кое-какие закономерности, уроки, а также то, какой я человек на самом деле. И врать мне не за чем.

Жизнь в России казалась мне странной, не совсем правильной. И мне было с чем сравнить. Мама возила меня отдыхать в Европу, когда были деньги. Я бывал в Испании, Франции, Италии, Израиле, Англии... Никто там так себя не вел, там все было по-другому, жили по-другому. Хотя люди, может, и прекрасные, но от самого себя не убежишь.

Когда был мелкий, спер игрушечную машинку в Израиле, соврал маме потом, что подарили. Когда учил язык в детском лагере в Англии, обносил со своими друзьями местный ларек со сладостями: жвачки, шоколадки... Уносили все, что нравится. До сих пор не знаю, как нас не поймали. Похожая ситуация была в Болгарии: приехали кататься на сноубордах в горах, там стояли лотки с сувенирами, разные ножи, зажигалки. Я взял и не заплатил.

Я стремительно рос, привычки и запросы росли вместе со мной. Но я начал получать за содеянное, учился жизни, учился быть осторожнее и думать головой, рассчитывать последствия.

Помню, был один знакомый швейцарец из богатой семьи, у него были крутые часы. Я дружил с ним, когда мне было лет 14 или 15. Однажды я остался у него дома и украл их. Он приезжает на следующий день и спрашивает – где часы? Я говорю, я не знаю, где твои часы, о чем ты вообще? Я не знаю, брат, извини... Я выходил из клуба «Людовик», культовое место в те времена, направлялся куда-то еще. Меня подкараулили шесть лиц, и я нехило огреб – швейцарец, конечно же, рассказал своим пацанам. Но часы свои он так и не увидел, они ушли.

В одной из школ я все-таки доучился до 11-го класса, хотя с 9-го включительно только и делал, что сидел обдолбанный на диване и симулировал, как мог. Иногда прокатывало...

Сначала я вообще не употреблял ничего, играл в большой теннис, плавал, меня отправляли в детский лагерь. Я играл за 89-й год за Спартак, второй состав,

в баскетболе – полузащитник. И как-то так вышло, что в 9-м классе в школу, которую я заканчивал, мой друг-армянин принес гашик. Мне было 13 или 14 лет, точно не помню. И я попробовал первый раз, скурил одну плюшку... До этого я пробовал гаш в Латвии, там курил одну шишку. Мне тогда было 11 или 12. Далее помню только то, что пришел домой, открыл холодильник и съел все, что можно. Но в 11–12, – это херня, ты совсем ребенок. А вот в 9-м классе это было уже сознательно. Друг спросил: «Пробовал гашиш?» Я говорю: «Нет, но травку курил». Он говорит: «Ну тебе должно понравиться». И вот я попробовал тогда и, наверное, с этого момента я плотно присел на культуру курения. Проводил время на диване, учителя или директор проходили мимо и говорили: «Олег, что-то ты какой-то бледный, плохо выглядишь...». Я давай отмазываться: «У меня болит желудок, голова болит, можно я не пойду на урок, здесь посижу?» Они говорят: «Да, да, конечно, посиди здесь». Не знали, что я был просто в мясе, что я не мог даже подняться.

На свой выпускной я пришел в розовой рубашке и с лысой головой, хотя обычно носил длинные волосы. Я, в принципе, уже то-гда понимал, что я буду делать и кем я буду, и не боялся вызвать чье-либо недовольство.

Мне очень нравилась эта блатная романтика, мне очень хотелось застать эти 90-е, нравились атмосфера, эстетика, что и как говорят. В конце концов, я рос на фильмах «Брат», «Брат-2», на «Бумере» и «Бригаде». Мне все это было очень близко!

Интересом к криминальной тематике, мне кажется, я заразился от американских боевиков. Но обычно они очень наигранные и вызывают только смех. Когда я увидел именно русский криминал, понял, что духа-то тут побольше и посильнее. Помимо этого, я с самого детства очень любил рэп и катался на скейте, мне очень близка западная культура.

Вспоминаю старые американские фильмы, на которых я рос. Например, «Гангстер» с Дензелом Вашингтоном. Это про чувака, Фрэнка Лукаса, который создал криминальную империю – сделал то, что макаронники не смогли сделать за всю историю существования штатов. Он построил героиновую империю и заработал миллионы на этом. Когда я был мелким, фильм меня поразил. Настолько он меня заинтересовал, что я ходил на него несколько раз в кино. Первый раз я пошел с друзьями, а все остальные 6 раз я ходил на него один. Я сидел и просто вкушал...

Конечно же, смотрел и любил «Лицо со шрамом», «Кокаин». Кучу старых фильмов про гетто, «Суэта и движение» – про становление одного южного рэпера – мало кто смотрел. Естественно, фильм про «фифтика» (рэпер 50 cent), «Разбогателей или сдохни», про Снуп Дога, «Правило № 1: Шеф всегда прав», как он сутенером был в прошлом. Это все на меня повлияло. Я кайфовал от них. Это стильно, классные жизненные истории.

В 15 лет мой друг Артем показал мне первый альбом Nas'a. У нас такую музыку просто негде было послушать, потому что это доставалось из недр интернета, ни кассет тебе, ни дисков. Ютуб только появлялся. Он шарил в музыке,

постоянно скачивал с пиратских ресурсов хип-хоп и рэп альбомы, о которых я даже не знал, он познакомил меня с такими группами, как «Smif-N-Wessun», «A Tribe Called Quest». И именно с этого момента я понял, что стану рэпером. Все шло в одном пакете: рэп, скейт и наркотики.

На меня очень повлиял Smif-N-Wessun «Dah Shinin'» (1995), просто отвал башки. Я испытывал такие сильные эмоции, что не могу даже передать. Это как будто в первый раз...

Наверное, самый мой серьезный поступок был после школы, когда передо мной встал выбор: идти правильным или плохим путем. Главным обстоятельством, которое повлияло на этот выбор, были деньги. Маму «прилепили» на довольно серьезную сумму, она очень многое потеряла. Мы переехали в более скромную квартиру, начались трудности. Все поменялось, а я привык к хорошей жизни. Я видел очень хорошую жизнь, мама возила меня по разным странам, я общался с теми, кого принято называть золотой молодежью, и вообще был счастливым ребенком.

Получилось, что моя жизнь поменялась, а компания осталась та же. Я ездил в центр, на Невский, и видел, что все эти ребята из богатых семей могут позволить себе что угодно. Они могли за день сходить в Макдональдс, в кино, угостить девушку, а у меня нет денег даже на проезд в метро. И как я должен был себя чувствовать? Я молодой, столько всего хочу, вокруг столько возможностей, да и я привык вообще к другой жизни.

Тогда я занимался с преподавателем из СПбГУ и должен был поступать на факультет международных отношений. Я решил для себя, что больше не могу так существовать и надо что-то делать, чтобы появились деньги. Я тогда покурировал и знал много ребят, кто продает, но сам никогда не притрагивался к этому бизнесу.

Наступил момент нести документы в университет, мне нужно было только прийти, за меня уже попросили, но вместо этого я поехал на Юго-запад, на Ленинский, и у своего знакомого взял 50 грамм гашиша. И пошел продавать. Вот такой выбор я сделал. Через три дня я держал в руках довольно крупную сумму денег. Сказать, что я подсел на легкие деньги – это не сказать ничего. Детский мозг не думает о последствиях, не знает толком, что за это может быть. Я просто видел бабки и думал – вот оно!

Впоследствии я начал общаться с улицей. Это были люди с серьезными фамилиями в криминальном мире. Однажды я шел по улице и меня окружили 20 человек, фанаты Зенита, а я малой совсем, рэпер весь из себя. Меня начали щемить, пытались забрать телефон. Когда дело шло к драке, я говорил, что «хожу под этим человеком» и называл фамилию. Они исчезали за секунду. Тогда я понял, что могу делать в городе что угодно. Всего стало больше: денег, рисков и, вместе с тем, проблем.

Когда мне было 15 или 16 лет, я задолжал денег одному парню, который дал мне товар. Я не успел вернуть ему все деньги и заторчал на небольшую сумму. Он

пришел ко мне домой и сказал моей маме, что я ему должен за наркотики и ушел. Мама мне рассказала об этом. Я позвонил ему и предложил встретиться, чтобы вернуть ему деньги. Затем позвонил своим ребятам, мы его встретили на Чернышевской в метро и втоптали его прямо там. Помню, как он бежал вниз по эскалатору, который едет наверх, с порванными рубашкой и курткой.

Как-то незаметно дошло до того, что я держал плитки у себя дома, курил траву. Моя мама очень страдала, и мне стыдно за это по сей день. Мне нет прощения за то, что я устраивал в детстве. К сожалению, я понял это только в сознательном возрасте. У нас были постоянные конфликты, она видела эти весы и пакеты и ничего не могла сделать, потому что я был неуправляемый. Агрессивный и глупый, у меня зашкаливал юношеский максимализм, я не обращал внимания ни на что, кроме своих целей. Совершенно ничего не видел, кроме своей жизни и денег. Я думал, что все вокруг меня вертится и все можно купить. Сейчас мне стыдно за это.

В тот момент в моей жизни появились страшные наркотики. Бандитский Петербург – портовый город, в котором было все. Это место, в котором надо было быть начеку, выживать. Чем старше я становился, тем больше проблем находил себе на голову. Есть такая закономерность: больше денег – больше проблем.

Иногда было страшновато. Вспоминаю одну историю (таких было много), когда мы ездили на турбодачу вместе с ребятами из клуба «Кадиллак» или «Людовик», целая тусовка. На месте были все наркотики, которые только можно представить. Мы с ребятами ходили и раздавали их людям.

Вот тогда я, кажется, чуть не отъехал: в базике, с двух колес, что-то успел понюхать... Короче, это был ужас. Хорошо, что остался жив. Думаете, после этого я думал бросить употреблять? Нет. Я просто не мешал больше все и сразу, но все равно продолжал периодически экспериментировать. Такой я любознательный человек. Хочется всегда пробовать новое.

Не могу сказать, что я был за любую наркоту. Я нормально воспринимал кокаин, гашиш, базик, кислоту, грибы – все что угодно, но героин был запретной темой. Во-первых, я ненавижу шприцы, меня воротит от одного вида. Да, я курил крэк, даже опиум, а это почти герыч, но я курил, ничего не колол. Ширяться – это последнее дело. Я знаю и всегда знал, что мне может понравиться, что есть риск пойти в эту сторону, но я решил для себя, что мне просто это не нужно. Возможно, поэтому мое окружение не погибало массово от наркотиков. В основном – от аварий, убийств, других вещей, но не от наркотиков. Так что я был избавлен от печальных историй со смертельными передозами, хотя в жизни и так было немало причин для депрессии.

Отец вообще не знал, что происходит в моей жизни, до момента, пока я не сел в тюрьму в Испании. Он, возможно, думал, что я маленький мальчик, много сижу за компьютером, плохо учусь и мне ничего от жизни не надо. Я вообще не рассказывал ему. Я часто брал у него деньги, чтобы вложить их в стафф и удвоить доход. Мне постоянно приходилось врать, на что именно они мне нужны. И он мне верил. А может, и нет, я не знаю... Просто он очень любил меня и не догадывался, чем я занимаюсь. Если бы он знал, возможно, моя жизнь бы сложилась по-другому.

Я очень хотел с ним поделиться, возможно, отец научил бы меня чему-то. Он действительно добрый человек.

А что бы было, если бы я отнес документы в вуз и тогда был прилежным мальчиком, слушал своих родителей, не повстречал плохую компанию? Но гадать, как иначе могла бы сложиться моя жизнь, глупо. Я ни о чем не жалею в своей жизни. Если бы всего этого не было – не было бы Кизару.

В 18 лет я уже снимал квартиру за 120 тысяч рублей у Невского и Литейного. По тем временам это были огромные деньги, мои родители не могли себе такого позволить. Тогда я познакомился с рэпером Jenee[1] из Москвы, мы начали с ним двигаться, знакомиться с людьми из сферы шоу-бизнеса, модными ребятами. Я читал рэп тогда, но никогда не делал ставки на это как на что-то серьезное. Я другими вещами занимался и по-другому деньги зарабатывал. Общался с кучей рэперов, продавал.

Первый раз меня приняли на заправке Shell на Юго-западе. Мне было восемнадцать. У меня было два пакета травки по 45 грамм и еще вес в носках – 9 грамм. Налетела куча ментов, 3 часа ночи, это мой первый опыт общения с полицией в России. Они хотели узнать только одно – чье это? Я не знал, что говорить. Мы все стояли как дурачки. Было страшно, все вокруг на кипише. Все твердили «это не мое». Через час уже было 7 машин. Короче, весь район слетелся. Звонят родителям, хотят заводить дело. Нас везут в отдел. Тогда я позвонил маме, она была в ужасе. Позвонила какому-то знакомому, за 300 тысяч этот вопрос был решен. Меня доставали уже из отделения. Если бы я знал, что нужно главного капитана под ручку взять, вот так вот отвести и сказать: «Бля, начальник, извините, это все мое. Я себе взял, я курю. Сколько денег вам нужно, чтобы до бумаг не доводили? Сейчас денежек получите, и я соскочу».

Для меня, подростка это был шок. К тому же было непонятно, как меня, преступника, задержанного с наркотиками, берут и отпускают? Вот просто так, за деньги. Позже было еще 2–3 приема в других местах, и везде вопрос решали деньги. Один раз мне не повезло и дошло до суда, но я отделался административкой.

Сказать, что я не доверяю российским правоохранительным органам, – ничего не сказать. И я считаю, что у меня есть на то основания. Не хочу все мазать черной краской и обобщать – понимаю, что есть порядочные сотрудники, но проблемы есть, и они основательные.

Свободным человеком я себя чувствовал только в других странах: Чехия, Дания, любая другая европейская страна. Там было легко дышать. Каждый раз, когда я возвращался в Россию, я все время чувствовал, что вот-вот кто-то придет за мной. Кто-то меня сдаст или еще что-то. В итоге в 2014 году меня сдал тип, которого я же заряжал. Я давал ему травку, он ее продавал, приносил мне бабки. Он же меня и слил. После этого моя жизнь полностью поменялась, я уехал в другую страну. У меня не было ни работы, ни друзей, ни денег, ни еды – не было ничего. Просто из-за того, что какой-то тип пошел и настучал на меня, вся моя жизнь перевернулась.

Закончилась школа, вместо института я выбрал странное существование. Я начал посещать компьютерный клуб, мои движения давали новые обороты. Я наконец начал зарабатывать. Знаете, чем больше углубляешься во все это, тем больше узнаешь всяких разных людей, из разных кругов, семей, с разным складом ума и мировоззрением. Были и состоятельные, и нет. Появилось много новых контактов.

В 18 лет я снял первую квартиру, она была очень маленькой, в каком-то подвале на Чернышевской. Ужасная квартира была. Вход с улицы... Проходной двор какой-то. Зачем я снял ее – непонятно. Как вспоминаю, ужасаюсь. Я пожил там, где-то приблизительно месяц, потом снимал на Приморской рядом с кладбищем. Затем были еще какие-то сомнительные пространства на углу Литейного и Невского проспектов, и еще, еще...

Я знаю очень хорошо город и людей. В разных районах разные люди живут. И, наверное, самый жуткий район, с которым мне доводилось работать и где приходилось жить довольно долгое время, – Ленинский проспект, бабушкина квартира. Когда у меня были проблемы с деньгами и не на что было снимать, я ехал в эту ужасную квартиру, (бабушки уже на тот момент не было в живых) на Юго-западе. Но со временем, прожив там год-два, я сделал там какой-никакой косметический ремонт.

Помню историю, как у меня украли макбук с альбомом «Yama» примерно в то же время. Юго-запад, рядом с Купчино. Зашел ко мне одноклассник, которому я шишки делал. Я не успел закрыть дверь, нога в проходе. Отталкивается дверь, влетают чехи или даги с поломанными ушами, короче кавказцы, которые только с гор сошли, ничего не понимают, кого можно в городе дербанить, кого нельзя. Они залетают, бьют одноклассника в лицо, он падает. Мне делают подсечку – я падаю. Моя девушка – в пол. Они достают фейковые ксивы, говорят, что якобы мусора, что это прием. Хотя я понимаю, что никакой это не прием, и они ни разу не похожи на сотрудников полиции, даже на оперов не похожи.

Начинают бабки искать сразу. Тогда у меня в первый раз триста тысяч наличкой вынесли. Порядка 300–400 грамм шишек... Пытались узнать, кто надо мной стоит, у кого я беру, чтобы я сдал. Пальцы мои вставляли в секатор для сигар, утюг к лицу подносили. Такую херню делали, но я не велся. Потому что я знал, что у них яиц не хватит дальше пойти. Говорю им: «Пацаны, хватит в 90-е играть. Вы не готовы к ответке». Украли «Макбук», кучу одежды, но их я вернул через несколько дней. Деньги пропали, но у пацанов были проблемы.

В какой-то момент все завертелось. Я помню, что абсолютно все люди из тусовки брали у меня наркоту, травку или кокс. Формально они все были клиентами: хотя мы, вроде как, дружили, на самом деле это были клиенты. И я тогда четко понял, кто я и кто они. Я стал понимать, что невозможно до конца отличить, действительно ли человек хочет с тобой дружить, или ему просто у тебя

покурить нужно взять. Тонкая грань, не так ли? Я осознавал, что они держатся около меня, потому что сидят на травке. Потому что я делал так же когда-то, и это было психологически тяжело, это зависимость. Я не доверял им и правильно делал.

Выяснилось, что один тип из этой тусовки проделывал следующее: ходил к холодильнику, открывал морозилку, крал у меня шишки и уезжал, пока я спал (отрубался я сильно). А я даже не замечал. Он еще и кичился этим, что, мол, Олег там вырубался, засыпал, а я у него шишки спер и курил. А это мой кореш был, мой друг, с которым я рэп читал. Я ему и одежду дарил, и деньги давал, и кормил, и жил он у меня. Вот восемьдесят процентов людей в России такие. Они идут по головам, завидуют. Готовы слить или настучать. Если у тебя есть больше, чем у другого, если ты едешь на «Е-шке»[3], а у другого «S-ка»[4], то все девочки скорее выберут того, кто на «S-ке»... Не все, но большинство, честно скажу. Такая вот Россия, очень много зависти и черствости. Но плохие поступки всегда возвращаются вдвойне – карма, карма...

Кто-то скажет, мол, это потому что тусовка вокруг наркоты, а остальные люди не такие. Я думал об этом, но столкнулся с тем, что в других сферах все еще хуже. Там предательство, вранье, измены, внутри семей какой-то пиздец происходит. Честно скажу, я мало что хорошего запомнил из жизни в России. Там можно к 20-ти годам стать седым и всю жизнь выживать, а не жить. Самое ужасное, что люди привыкли к этому, для них это норма.

Я бы очень хотел видеть в России реально добрых людей. Есть очень талантливые люди, творческие, амбициозные, но почему чуть что они начинают творить хуйню и топить тебя или всех вокруг?! Мне больно от этого.

Чего я только не пытался сделать, всех барыг в центре хотел объединить в одну тусовку, чтобы все зарабатывали и были довольны. Я даже приглашал их на различные застолья к серьезным людям, реально собирал всех наркочилеров в центре. Мы садились за стол в честь какого-нибудь дня рождения, отмечали, общались. Все знали, под кем я хожу, я пытался держать большую семью и заботиться о всех. Для меня реально важен этот момент дружбы, семейственности, поддержки – меня так воспитали, в конце концов.

Но людям это не нужно. Каждый думает только о себе. Очень сложно собрать людей, сделать коллективом, потому что это Россия.

Все мои сверстники, которые выросли, – либо умерли, либо в тюрьме, либо сторчались и влачат жалкое существование, либо они одиноки, развелись с женами, и там творится ад. Я не знаю ни одного хорошего примера. А их тысячи были – знакомых, друзей... Ни одного нормального примера! Как это можно объяснить?

Я не знаю ни одной счастливой семьи, у которой все хорошо. Ни одной не знаю! Но хотел бы знать... Да, я пессимист в некотором роде, я много раз разочаровывался, множество вещей меня расстраивает. Единственное, что меня спасло от всего этого, – это музыка. И она спасает меня по сей день. В какой бы жопе я ни оказался, будь то тюрьма или еще что-то плохое, – меня спасает только музыка и вера в себя. Вера в музыку и в себя. Если бы у меня не было музыки, я бы давно уже повесился от того, что видел и пережил.

Тогда было сумбурно. Куча наркотиков, историй, происшествий. Но тогда я более плотно начал заниматься музыкой, больше начал вкладывать в себя как в исполнителя, другие вещи были глубоко вторичны. И все складывалось довольно успешно: у меня это получалось так, как ни у кого это не получалось. Были другие талантливые ребята, они тоже делали, старались. Я имел огромное влияние на ребят, потому что очень хорошо знал английский язык, я постоянно копал музыку, был такой мьюзик диггер.

С того времени у меня до сих пор остались друзья, с которыми я поддерживаю теплые отношения. Не все хорошо поступали, конечно. Но со временем и моя буйная голова успокаивается, я перестаю видеть только плохое и ждать ножа в спину...

И вот, 19 числа я возвращался домой, зашел в подворотню, затем на свой этаж. Когда подходил, меня встретила Федеральная Служба России по Контролю за Оборотом Наркотиков, они спустились с этажей выше – ждали меня. Прижали к стене, достали ключ, открыли квартиру и нашли то, что нашли. У них была информация, что я продаю наркотики.

Я поехал в отделение. Там они начали меня раскручивать – давай работать, ла-ла-ла, давай ты назовешь нам имена. Пытались поймать меня на крючок. Может быть, если ты согласишься с нами работать сейчас, мы тебя отпустим, а потом сделаем пару операций, приемов, ты получишь условочку, и все нормально будет. Я говорю – «Ну, давайте».

Наплел им полный бред. Про какую-то глушь, Зеленогорск, мол, Вася Пупкин какой-то выращивает – просто такого бреда начесал... Они все это слушали, внимали, записывали. Я думаю, вы же, дураки что ли? Не думаете, что у молодого пацана может разыграться фантазия, и он может выдумать что угодно? Они мне – ну ладно, вот тебе бумажка о невыезде. Поговорил со следачкой, похожей на жабу. Она меня выпустила. Две недели я думал, решил, что сдавать я никого не собираюсь и операции никакие делать с ними не буду.

Ну, раз никого сдавать не буду, значит, остается только один вариант – уезжать из страны. Если я пойду на суд, условку мне точно никто не даст, потому что я не согласился работать со следствием. Мы с мамой, с девушкой стали обсуждать дальнейший план, куда ехать. Отец не знал. Читаем, какие законы в каких странах. Изучали законодательство. Оказалось, что мое дело в Испании – это даже не уголовное дело. Ну, решено.

Сказать, что жизнь в России меня закалила, – ничего не сказать. Наверное, когда-нибудь я найду те самые слова, которые позволят в полной мере описать полученный опыт и ощущения, но пока что скажу следующее: я покидал страну с легкостью. Я думаю о будущем, и не только о своем. На данный момент я понял, что не хочу, чтобы мои дети столкнулись в своей жизни с тем, с чем я имел дело в родной стране. Я сделаю все, чтобы они этого никогда не увидели.

Естественно, я выбрал такую страну, в которой законы приятные, не сажают, хуй пойми насколько, и не ломают твою жизнь. То, чем занимается Россия, – это берет жизни молодых людей и ломает их. Они выходят оттуда уже ненормальными, другими людьми. Ребят часто сажают на слишком большой срок, в то время как тюрьмы – это ад на земле, исправительные учреждения не исправляют, а зачастую убивают...

Когда я переехал в Испанию, я был приятно удивлен: люди добрые, солнце, море. Люди без денег ходят, им есть нечего, а они все равно ходят и улыбаются. Все вокруг более радостные! Люди просто сами по себе добрее. Конечно, там есть тоже плохие люди, они в любой стране есть. Но процент соотношения другой – 80 процентов людей в Испании это, может быть, глупые и недалекие люди, но они добрые и искренние! Для меня это намного важнее, чем люди с деньгами и связями, но которые внутри полное дерьмо.

Наверное, из всего, что было в моей жизни, могу сделать вывод, что гэнста лайф вообще не для меня. И вообще нет таких людей, кому такой образ жизни подходит на сто процентов. Я никому не пожелаю пройти через то, через что прошел я, тем более молодым ребятам.

Все, о чем я читаю, я все прожил сам, испытал на своей шкуре. Нет ничего крутого в том, когда тебя лишают свободы, когда ты не знаешь, что ждет тебя в будущем, потому что все планы пошли прахом, а о новой реальности ты не знаешь ничего. Это ад, понимаете?

Сейчас мне 33 года, и у меня почти нет друзей. Маму я видел один раз за 8 лет, всех своих друзей из Москвы и Питера я видел в последний раз так давно, что уже толком не помню. Отец переехал в Испанию совсем недавно. Я потерял практически всех друзей из-за того, кем я стал. У меня нет доверия абсолютно ни к кому, потому что с моей популярностью и деньгами, которые я зарабатываю, есть очень большие риски остаться у разбитого корыта во всех смыслах. Доверяю только родителям, пожалуй. Люди приходят в мою жизнь и уходят из нее, и я не понимаю, ко-гда это остановится, когда уже кто-то придет и останется? Значит, такая у меня судьба – быть одному. Конечно, тяжело, моя жизнь не сказка. Я не ожидал, что все будет настолько непросто. Но я сам выбрал этот путь, я сам несу ответственность за это.

Вячеслав Мальцев, политик (статья «Никитушка! Ну где же бульдозеры?»)

Медведев ругал чиновников за то, что они халатно относятся к памятникам. Когда слышу подобное, сразу вспоминаю улицу имени космонавта Беляева, что была в Саратове. Удивительно, что власти «по недосмотру» срубили отбойными молотками огромное бетонное основание и срезали автогенном металлическую десятиметровую памятную стелу! На этом месте сейчас ничего нет. Если бы хоть ларек установили, я бы понял, что место нужно было под ларек.

Произвели титанические усилия, чтобы снести стелу, переписали все таблички, затратили деньги и улица Космонавта П.И.Беляева стала Дегтярной. Специально поинтересовался, сколько объектов в этом же микрорайоне называются Дегтярными — одиннадцать: площадь, улицы, проезды. П.И.Беляев отдал свою жизнь, укрепляя обороноспособность нашей страны. Он был героем, ученым, космонавтом, первым в мире, кто осуществил посадку спускаемого аппарата вручную. Память о таком человеке сегодня стоит меньше, чем двенадцатая по счету Дегтярная? Это случайность?

11 сентября 2009 года, который остряки называют «Днем борьбы с многоэтажками», в Саратове на пешеходном проспекте Кирова установили бронзовую скульптуру «мужику с гармошкой». Деньги, и немалые, на этот проект дали банкиры. По слухам, это памятник саратовской гармошке, но надпись на «мужике...» гласит: «Любимому городу от банка «Экспресс-Волга»» и подтверждает предположение, что это не что иное, как реклама самого банка.

Банкиры могли бы деньги, выброшенные на это чудо, потратить на восстановление давно уже полностью уничтоженного производства настоящей «саратовской гармошки», а то «подарок любимому городу» можно рассматривать, как надгробие для фактически похороненного инструмента.

Меня бы не так задело это исчадье глобалистской культуры, если бы я не знал, что **накануне некие ублюдки пытались снести мемориальный комплекс работникам саратовского авиа завода, погибшим во время Великой Отечественной войны, с именами 313 героев.** Нынешним собственникам завода понадобился земельный участок. Его таким образом и «расчищали».

Общественность возмутил этот факт. Я провел пресс-конференцию, подключились СМИ, активисты народного фронта, выступили коммунисты, вмешался на удивление приличный глава районной администрации. В результате мемориал не уничтожили, а просто перенесли в муниципальный парк. Но в России множество недвижимых памятников археологии, архитектуры, истории, которые нельзя перенести, поэтому их безжалостно разрушают.

В отношении материальных объектов нашей истории и культуры свирепствует системный государственный вандализм. А поэтому чуткая забота правителей РФ о памятниках Украины, Эстонии, Грузии и т.д. просто изумляет.

Надо сказать, что в квартале от «мужика с гармошкой» на деньги компании «Мегафон» еще раньше поставили памятник другому неизвестному мужику с часами, так что это был уже не первый «сеятель» на проспекте Кирова и, думаю, к сожалению, не последний.

Современные памятники России за малым исключением — сработаны либо клиническими дураками, либо «портными», которые «одежи» голого короля.

В камне, бронзе, железе и т.д. увековечены буква «Ё», плавленый сырок «Дружба», водопроводный кран, табуретка, «огурец-кормилец», пельмень, электрический фонарь, на который пишет дворняга, Чижик-пыжик, Киса Воробьянинов, Остап Бендер и даже «счастье», как его видит МДПешник из Томска при изменении фаз с мании на депрессию.

Наверное, нездоровый автор наглядно изобразил свое состояние, когда эйфория скачкообразно переходит в дисфорию. Даже великий мастер копирования болезненных психических состояний профессор В.В.Козлов не смог бы быть более точным.

В Новосибирске установлен памятник светофору, которому отдает честь старорежимный полицейский, и никого нисколько не смущает, что первые светофоры в России появились в 1930 году, когда никаких полицейских и в помине не было. В Екатеринбурге несколько сот квадратных метров занимает каменная компьютерная клавиатура, похожая на языческое кладбище.

А самый удивительный памятник «Пермяк — соленые уши» стоит, естественно, в Перми, где головой пермяка является огромная дыра, которая, наверное, символизирует российскую глубинку. Посмотрев на «пермяка» с такой вот дырявой головой, можно было бы легко предсказать «Хромую лошадь»...

Ленину в тройке и на броневику отрезали голову, приляпали другую, несоразмерную, и вот готов памятник Ю.А. Гагарину на броневику, и этакое чудо стоит уже пятнадцать лет, и никому не стыдно...

Три года Фонд имени Фритьофа Нансена на свои деньги безуспешно пытается увековечить память о Нансене — великом полярном исследователе, комиссаре Красного Креста, который помог вернуться в Россию сотням тысяч военнопленных. А в 1921 году спас от голодной смерти в Поволжье (в том числе и в Саратове) полтора миллиона человек, организовав сбор частных средств и закупку продовольствия за рубежом.

Три года городская власть всячески саботирует законное получение в любой точке Саратова (на их усмотрение) крохотного участка земли под памятник.

Нансен вообще всех всегда напрягает, потому что своими подвигами доказывает, что в жизни можно обходиться без всякой власти, а человечность — это, прежде всего, бескорыстие.

Странно, что запретили массовый стриптиз в Саратове в Парке Победы, вон в Питере олигархи и прочие мутанты устроили вечеринку со шлюхами на крейсере «Аврора» и никто не пресек этого шабаша. Ну не любит нынешняя власть крейсер

«Аврора», за то, что пальнул по Зимнему и стал символом Октября. Но до этого то он в Русско-японскую воевал, в Цусимском сражении уцелел, в Первую Мировую даже с немецкими самолетами сражался, а в Великую Отечественную его команда и орудия осажденный Ленинград защищали. Как же вожди из Питера допустили такое глумление? Похоже, истинная их натура и истинное отношение ко всему русскому не дали увидеть в этих действиях явного святотатства.

В Тюмени с удовольствием устанавливают другие памятники, например, комару-кровососу. Сам материал для этой скульптуры, металлолом, является символом сегодняшнего разграбления России. Тюменский комар на подсознательном уровне несет идею непобедимости кровососов, упырей и мегапотребителей — олигархов, в общем, идеологически выдержан, да и «общественность» довольна...

Не так давно в программе Гордона шла речь об археологических раскопках в Аркаиме — городе наших древних предков. Какое неприятие вызвал один только факт самих раскопок! Бедного археолога чуть не разорвали на части «либеральные» журналисты и «интеллигенты», а почему? А потому, что раскопки в Аркаиме, на Украине, в Воронеже доказывают, что нашей цивилизации на землях от Днепра и до Урала десятки тысяч лет, и недругов этот факт очень злит.

Глобалистов пугает история русского народа, они не хотят, чтобы русские помнили, что менее двухсот лет назад владели четвертой частью суши, поэтому всякое напоминание об этом нещадно уничтожается.

Наивные люди думают, что процесс уничтожения памятников, исторических вех, русского языка, русских людей и русской страны — цепь случайных событий, за которыми стоит халатность, безразличие и банальная алчность чиновников и олигархов. Также случайно был уничтожен СССР, случайно в России русские — единственная вымирающая нация, случайно русских на миллион в год умирает больше, чем рождается, случайно основные богатства русской страны присвоила сотня человек, более половины из которой даже по фамилиям нерусские. Недавно случайно значительную часть русской земли отдали в «концессию» Китаю и т.д. **А не много ли случайностей для одного народа?** Спросите любого математика (желательно, русского) и он, не напрягаясь, рассчитает вероятность всех этих «случайностей».

Мемориальный идиотизм в России имеет единственную цель — все памятники поставить в один ряд с «мужиком без гармошки», плавленным сырком и огурцом, нивелировать в истории роль реальных событий, действительно великих людей и народных героев. Ведь только они могут являться для русской молодежи заметными ориентирами в этом море лжи, бесправия и бессовестного разграбления наследия, созданного и отвоеванного тысячами поколений наших русских предков.

Памятники героям земли русской не приветствуются нынешней властью, а поэтому настоящие художники и патриоты ищут различные лазейки. Так, в городе Ахтубинск Астраханской области к 65-летию Победы будет установлен памятник верблюдам Мише и Маше, дошедшим с артиллерийским орудием в составе

советской армии до Берлина. Власть отказывается увековечивать реальных героев, вот и появляются памятники атрибутам, сопровождающим героизм. Слава Богу, что наши потомки хоть геройских верблюдов будут помнить и Великую Победу, а не только «соленые уши», табуретки и пельмень.

Назначение памятников, как объектов изобразительного искусства, состоит в том, чтобы формировать у нации уважение к самой себе, почитать предков и героев, помнить исторические уроки и любоваться красотой. **Если вы видите, что памятник лишен идеологии — это и есть самая сильная идеология, направленная против нас.**

Алексей Решетун , судмедэксперт («Между жизнями»)

Эксперт проверил текст, исправил некоторые орфографические ошибки, распечатал акт, подписал его и положил в свою рабочую папку в самый низ, под другие акты. По мере поступления анализов и завершения предыдущих экспертиз, сегодняшний документ будет постепенно подниматься в стопке бумаг, пока в один прекрасный день доктор не напишет выводы и не сдаст «Заключение эксперта» в двух экземплярах: один — в архив, другой — в полицию. Кофе давно был допит, бумажный стаканчик лежал в мусорном ведре, рабочий день закончился. Выйдя на улицу и вдохнув свежий воздух, эксперт сразу забыл обо всем, что он сегодня делал на работе. Он переключился с рабочего режима на обычный — так происходило почти всегда в течение последних двадцати лет, — надел наушники, включил аудиокнигу, сел в подошедший автобус и поехал домой, наслаждаясь каждой минутой этой, земной жизни. За окном он видел проходящих людей — людей со своими недостатками, достоинствами, ошибками и достижениями; людей, которые любили и ненавидели, лгали и говорили только правду, выпивали и оставались трезвенниками, умели сдерживаться и выходили из себя по малейшему поводу, путешествовали и были домоседами, работали в больнице и панически боялись крови, являлись вегетарианцами и отдали бы все за хороший стейк, прожаренный до *medium rare*; людей, которые родились в этом городе и «понаехали» сюда в поисках лучшей доли, говорили на русском и многих других красивых языках, больших начальников и простых служащих, мужчин и женщин... Все эти человеки, к числу которых принадлежал и сам эксперт, и составляли то многообразие жизни, которую он так любил. Большинство этих людей начинают ценить жизнь только тогда, когда предчувствуют ее окончание. Восход солнца, дождь, радуга в небе, луна, звезды, свежий воздух, возможность видеть, слышать и осязать — все это кажется таким естественным и банальным до тех пор, пока на горизонте не появится тот рубеж, за которым скрывается другая, неизвестная и поэтому пугающая жизнь. Рубеж этот неумолимо приближается к любому человеку, тем самым поддерживая естественный круговорот всего живого в природе и гармонию этого мира. Когда же люди перестали ценить каждый день, каждую минуту своего существования? Это ведь так просто и так необходимо, иначе жизнь превращается в рутинное существование. Автобус мерно покачивался. Эксперт, поддавшийся этому ритму, закрыл глаза, и мысли о жизнях стали уплывать, уступая место здоровому кратковременному сну хорошего человека.

Заключение

Теперь читатель может решить, описана эта эпоха или нет: деградация и пожирание друг друга требуют ли особых размышлений о нашем времени? Может, все сказано классиками биологии за много поколений до нас, и нет смысла искать что-то еще? Есть ли какая-то особенная эпоха, и нужно ли о ней говорить? Решайте сами.

Для меня все описанные выше вещи подчеркивают некоторые интересные особенности естественного отбора в людских сообществах, при всем высокомерии человечество не ушло дальше одноклеточных в своих глупых попытках решать эгоистичные проблемы. Думая по теме больше, я понимаю, что все «цивилизационные», «формационные» и прочие исторические перемены похожи на движение газов в межзвездном пространстве: люди такая же материя, все их потуги абсолютно стихийны. Внимательный читатель найдет фундаментальный уровень в вышеприведенных текстах и вспомнит Гольбаха с Лукрецием Каром.

Отрывки разных воспоминаний очень здорово перекликаются и образуют единый текст с отсылками и взаиморазвитием общих идей, книга получилась очень цельной и превзошла мои ожидания.

Спасибо за прочтение и приятного дня.

Москва, 2025 , июнь-июль.

Если вам тоже понравилась эта работа, вы можете поддержать автора-составителя криптой:

Биткоин

bc1qhs2q5ey8whzhcu294qsf8t4q42e8y828uer3uy

Етериум

0x57F8385754542014CEf4dE181B3223825ccD8c10

USDC

0x57F8385754542014CEf4dE181B3223825ccD8c10

Bridged USDT

0x57F8385754542014CEf4dE181B3223825ccD8c10

TRON

TUN9GVBafPiHVKXt5Sds1nuombn8Vramej

Dash

Xf79SN4H5qG54iSxQoSkr3Fg4SCCM9Zmjn

